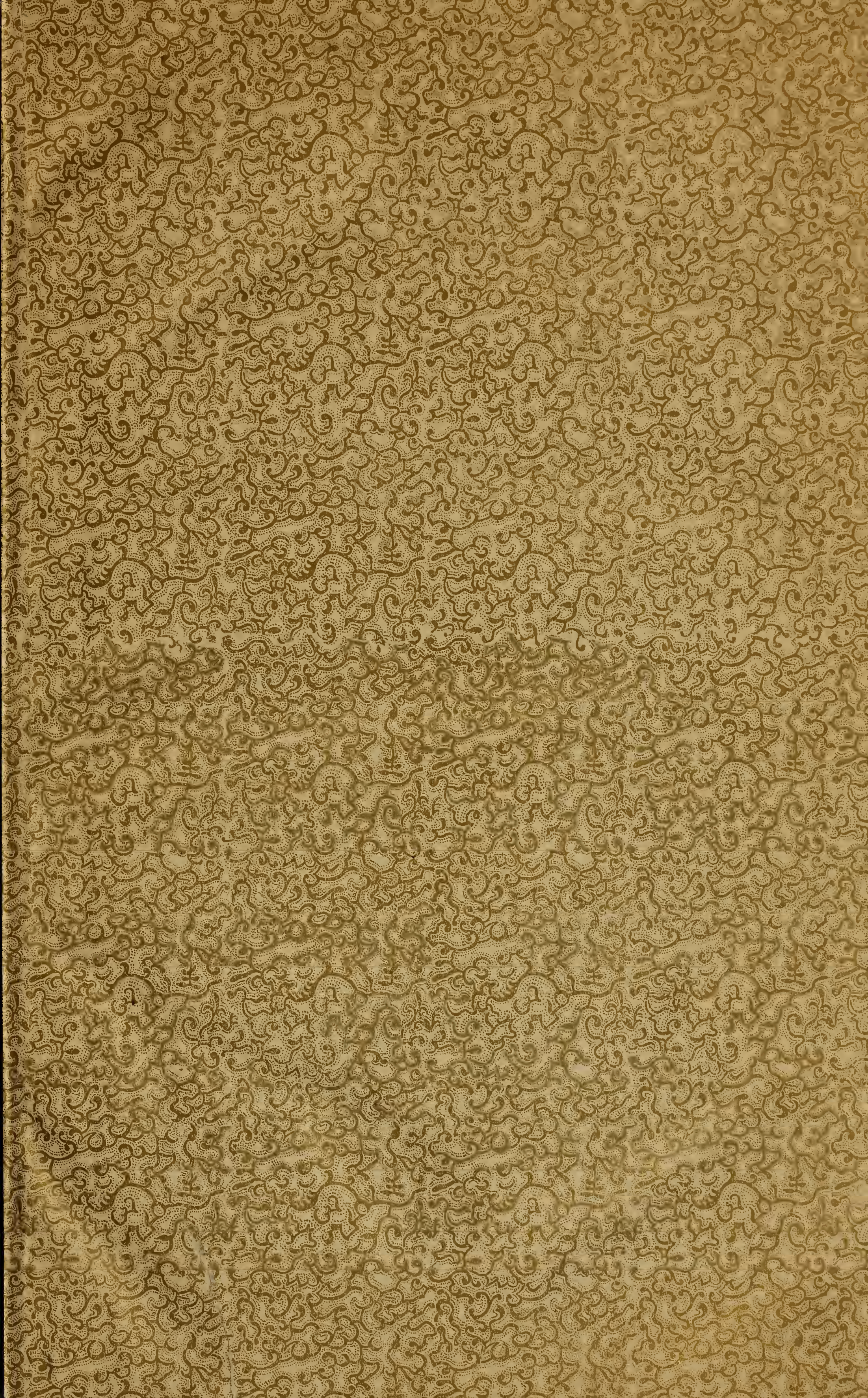
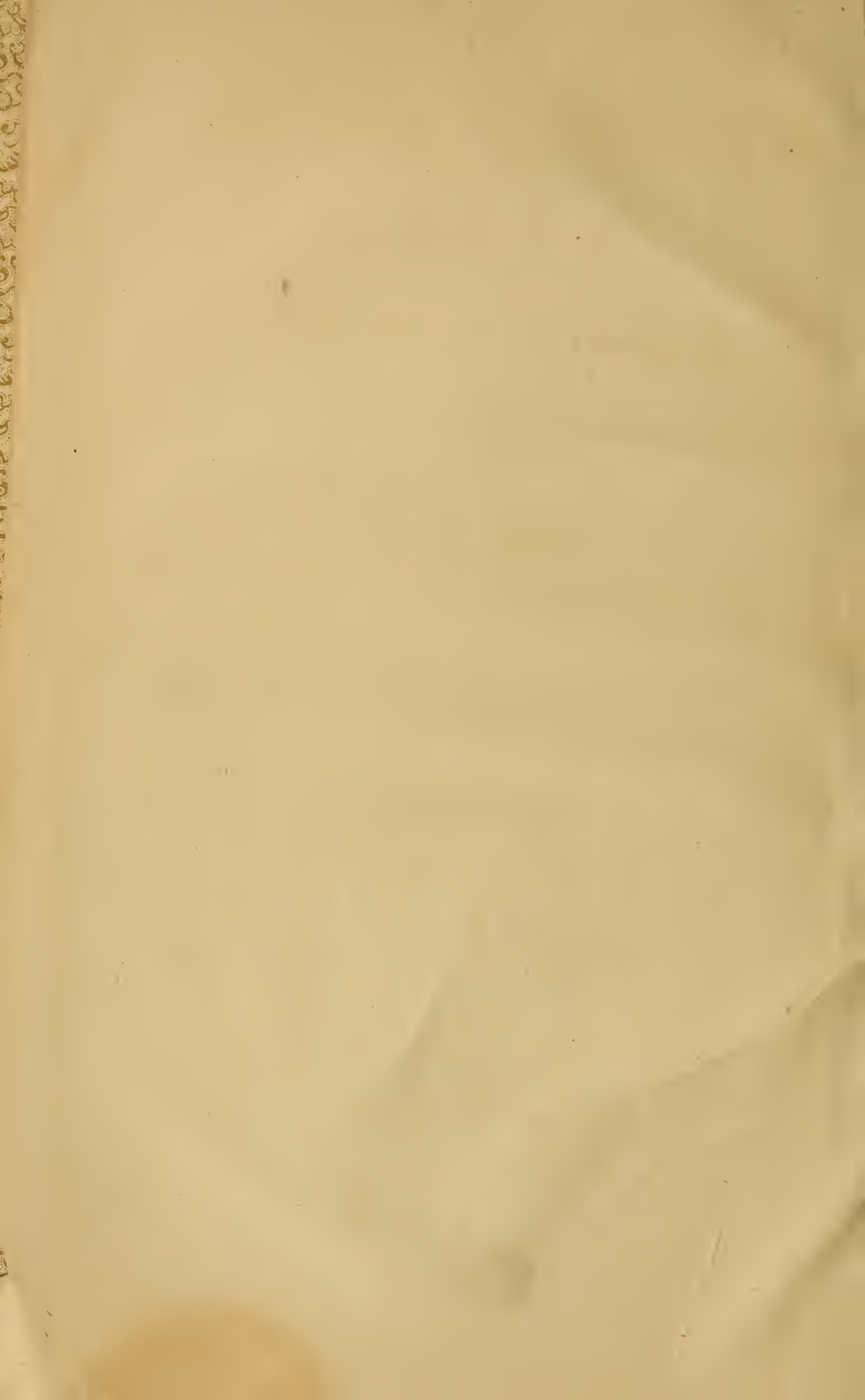

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЗАДУШЕВНАЯ ИСПОВѢДЬ.

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ БЫЛЬ.

СЪ ВАРІЯЦІЯМИ НА ТЕМУ «ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.»

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

(Лермонтовъ).

«Всѣмъ сестрамъ — по серьгамъ, всѣмъ братьямъ — по платьямъ.»

(Русская пословица).

Н. МАКАРОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, сентября 25 дня 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

МОЕМУ СЫНУ,

ПО ДОСТИЖЕНІИ ИМЪ СОВЕРШЕННОЛѢТІЯ.

Будьте осторожны въ выборѣ друзей:
невѣрный другъ гораздо опаснѣе врага.
(Изъ моего завѣщанія.)

Находясь въ изгнаніи на островѣ св. Елены, Наполеонъ писалъ мемуары, гдѣ между прочимъ была глава — «о великихъ полководцахъ». Главу эту посвятилъ онъ своему сыну при слѣдующемъ эпиграфѣ:

«Lisez, relisez l'histoire de leurs campagnes; modelez vous sur eux» (*).

Я же скажу тебѣ, любезный мой сынъ: читай и перечитывай мою исповѣдь, но отнюдь не бери себѣ за образецъ главнаго героя моего разсказа. Въ особенности ни за что не усвоивай его правилъ, въ родѣ слѣдущаго: «никакого мелкаго дѣла я не оставляю ни для какого крупнаго чувства». Помни, мой сынъ, что въ сердцѣ честнаго и нравственнаго человѣка возникаютъ иногда такія высокія, святыя чувства, что ими не слѣдуетъ жертвовать не только *всякому мелкому дѣлу*, но даже и очень крупному. Не дѣлай никогда изъ своего сердца аукціонной камеры или биржевой залы и, не пренебрегая матеріальными вопросами жизни, ставь всегда выше вопросы нравственные, вопросы долга, чести и совѣсти. Никогда не оцѣнивай дружбу «одними только результатами въ чистыхъ рубляхъ». Лучше получить менѣе чистыхъ рублей, — да изъ честныхъ рукъ.

Да благословитъ же тебя Богъ на жизненный путь, трудный и тяжелый для всякаго, истинно-честнаго и нравственнаго человѣка, который непремѣнно, рано или поздно, долженъ искупить страданіями свою высокую честность, и особенно свою правдивость. Не пугайся такого труднаго, но прямаго пути, и никогда и ни для чего не сворачивай на проселки и околицы. Не бойся страданій и приготовься къ нимъ заранѣе: это неизбѣжныя пошлины, которыя на таможнѣ здѣшней жизни приходится непремѣнно уплачивать за все, что есть истинно-добраго, честнаго, благороднаго и справедливаго. Несовершенства и немощи человѣческой природы имѣютъ здѣсь тоже свой роковой тарифъ!

Иди же прямо, мой сынъ! Мужайся, крѣпись и не отъ благодарности людской жди себѣ награды: въ собственной своей совѣсти,

---

(*) Читай, перечитывай исторію ихъ походовъ; бери ихъ себѣ за образецъ.

въ чувствѣ справедливости и въ сознаніи неуклоннаго исполненія долга чести, правды и человѣколюбія почерпай эту награду, единственную и лучшую, какой ты можешь ожидать здѣсь. Знай, что толпа часто любитъ рукоплескать не талантамъ и уму, а искусству и ловкости знаменитыхъ гаеровъ, и что даже самая народная молва вѣнчаетъ иногда не истинную добродѣтель, а одно умѣнье превосходно драпироваться и *хоронить концы*. Въ заключеніе помѣщу здѣсь слѣдующіе стихи Гейне, въ прекрасномъ переводѣ г. Михайлова, которые совѣтую тебѣ затвердить и повторять почаще, какъ символъ высокой честности и безстрашной правдивости.

«Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать,
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладонъ воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ яму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ
Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ... Шумной вереницей
Пусть за побѣдной колесницей
Своихъ боговъ бѣжитъ народъ!
Мнѣ чуждо идолослуженье;
Толпа въ слѣпомъ своемъ стремленьи
Меня съ собой не увлечетъ!
Я знаю, — рухнетъ дубъ могучій;
А надъ послушнымъ камышемъ
Безвредно пронесутся тучи,
И прогудитъ сердитый громъ...
Но лучше пасть, какъ дубъ въ ненастье,
Чѣмъ камышемъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье —
Для франта тросточкой служить»

Пускай эти прекрасные стихи сдѣлаются символомъ и твоей жизни, любезный мой сынъ!

Итакъ, прими благословеніе любящаго тебя отца, и — съ Богомъ въ добрый жизненный путь!

С.-Петербургъ.
1859 г. 15 іюня.

ПРОЛОГЪ.

Гласность, гласность и гласность! Вотъ современная и модная тема въ Россіи, тема, которую распѣваютъ на разные тоны и различными голосами, то громкими, свѣтлыми и очень вѣрными, то хриплыми и фальшивыми, — тема, на которую сочиняютъ множество варіяцій и фантазій, то дѣльныхъ и доказательныхъ, то нелѣпыхъ и пошлыхъ. Но несмотря на этотъ нестройный и оглушительный концертъ по поводу гласности, никто изъ современно-образованныхъ людей не будетъ оспоривать огромнаго значенія, которое имѣетъ въ новѣйшей цивилизаціи гласность, этотъ главнѣйшій рычагъ прогресса среди образованныхъ народовъ нашего столѣтія. Гласность играла и играетъ важную и спасительную роль не въ однѣхъ только странахъ и эпохахъ, обладающихъ либеральными учрежденіями, но вездѣ, гдѣ только могла она проложить себѣ дорогу къ общественному мнѣнію посредствомъ изустнаго или печатнаго слова. Одно изъ убѣдительныхъ тому доказательствъ мы можемъ найти въ статьѣ напечатанной въ «Revue des Deux Mondes» за 1853 годъ, подъ заглавіемъ: «Beaumarchais, sa vie, ses écrits et son temps.» Въ этой занимательной статьѣ разсказанъ между прочимъ процессъ, который Бомарше имѣлъ съ Гецманомъ, однимъ изъ совѣтниковъ парламента. Въ то время Франція была еще очень далека отъ либеральныхъ учрежденій; въ ней не существовало ни суда присяжныхъ, ни открытаго судопроизводства; въ ней въ то время процвѣтали еще Бастилія и «lettres de cachet.»

Бомарше былъ совершенно правъ; но пристрастіе и несправедливость восторжествовали, и онъ проигралъ свое дѣло. Пред-

видя это заранѣе, Бомарше обратился къ суду общественнаго мнѣнія. Онъ сталъ излагать свое дѣло подробно, съ свойственными ему остроуміемъ и краснорѣчіемъ, и такимъ образомъ успѣлъ возбудить сперва любопытство, а потомъ самое живое сочувствіе къ своему дѣлу во всѣхъ образованныхъ людяхъ Франціи.

Гласность въ Россіи, это — едва родившійся младенецъ. Результатомъ этой новорожденной гласности было пока появленіе въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколькихъ обличительныхъ статей; между ними была одна, которая произвела нѣкоторый эффектъ въ извѣстной части читающей публики. Статья эта была напечатана въ мартовской книжкѣ «Современника» за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: «Подольско-Витебскій откупъ».

Не имѣю чести знать автора вышеупомянутой статьи; не знаю также побудительныхъ причинъ, заставившихъ его написать и напечатать такой обвинительный актъ. Но утвердительно могу сказать, что актъ этотъ не могъ окончательно достигнуть своей цѣли: осуждаемому довольно легко было опровергнуть взводимыя на него обвиненія въ отвѣтныхъ статьяхъ, которыя помѣстилъ онъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ: «Обличительное дѣло», и которыя, къ чести автора, отличаются необыкновеннымъ спокойствіемъ и умѣренностію.

Кромѣ того,—обвинительный актъ напалъ на лицо имъ описываемое, какъ на откупщика, то есть съ той стороны, съ которой онъ облеченъ въ двойную броню и не боится ничьихъ нападеній, имѣя возможность всегда легко отразить ихъ; ибо, кто что ни говори, а описываемая личность въ сказанномъ обвинительномъ актѣ— все-таки лучше многихъ откупщиковъ, что впрочемъ, еще ничего не доказываетъ: мулатъ хотя и бѣлѣе негра, но все-таки ему далеко до бѣлизны лица, напримѣръ, англичанокъ. Но оставимъ въ сторонѣ и эту статью, и героя этой статьи, о которыхъ мы упомянули вскользь, и то только по поводу гласности. У насъ есть другой герой, которымъ и займемся мы теперь съ особенною любовію. Герой нашъ, въ самое короткое время и изъ самой скромной доли «дошелъ до степеней извѣтныхъ», то есть до обладанія многими мильонами, домами, дачами, картинными галлереями и кучею разныхъ акцій. И добрался онъ до такой выспренней точки современнаго блаженства, благодаря прочности своего акцизно-коммиссіонерскаго экипажа и быстрому бѣгу удалой, кровной тройки, называемой—сложною цѣною, перевы-

ручкою и перебором. Но, для большаго удобства нашего исторического разсказа, слѣдуетъ дать названіе нашему герою, котораго и назовемъ.... Какъ бы его назвать?... Ну, назовемъ хоть Василіемъ Андроновичемъ Штукаревымъ. Итакъ, окрестивши нашего героя, покажемъ теперь связь, которую имѣетъ онъ съ началомъ этого пролога, то есть съ гласностію.

Вмѣсто того, чтобы мирно наслаждаться скоро и благо-пріобрѣтенными сладостями жизни, Василій Андроновичъ Штукаревъ вдругъ заболѣлъ страшнымъ недугомъ: всепожирающею, неутолимою жаждою гласности; сталъ всѣми силами, средствами и ухищреніями добиваться извѣстности мецената, — публициста, экономиста, писателя, капиталиста-учредителя и двигателя обширнѣйшихъ промышленныхъ и всякихъ другихъ предпріятій, гражданина, человѣка передоваго, поборника правды и обличителя всякаго зла, мужа совѣта и человѣка государственнаго, новаго Лафита, наконецъ — извѣстности честнѣйшаго, великодушнѣйшаго, щедрѣйшаго, гуманнѣйшаго, безпристрастнѣйшаго, и справедливѣйшаго человѣка!!!...

Изъ этого перечня видно, что г. Штукаревъ далеко не гомеопатъ въ своихъ желаніяхъ, стремленіяхъ, въ своемъ честолюбіи, и у него такое явное призваніе къ гиперболѣ, что родись онъ не въ вологодскихъ лѣсахъ, а гдѣ нибудь поюжнѣе,—хоть, напримѣръ, на берегахъ Тигра и Ефрата, — онъ былъ бы однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ поэтовъ Востока. Изъ этого же самаго перечня явствуетъ еще, что, выйдя изъ тѣсной и односторонней сферы откупной деятельности и вступивъ въ обширнѣйшую сферу дѣятельности универсальной, г. Штукаревъ представляетъ уже для нападенія, то есть для строгаго критическаго разбора, не одну откупную сторону, а великое множество сторонъ, какъ прямое и неизбѣжное слѣдствіе притязаній его на всестороннее значеніе. Но возвратимся къ гласности.

Въ средѣ шумнаго концерта, затѣяннаго въ пользу этой новорожденной гласности, г. Штукаревъ принималъ дѣятельное участіе, и голосъ его раздавался и часто, и громко. Онъ то запѣвалъ хвалебные гимны въ честь новорожденной, ласкалъ ее, прибаюкивалъ, заигрывалъ съ нею; то порою, — странное противорѣчіе! — дразнилъ ее, вызывалъ на плачъ и пискъ. Какъ будто бы г. Штукаревъ не сознавалъ и не понималъ того, что гласность — орудіе обоюду-острое, и что обращаться съ нею должно очень осторожно. Въ этомъ отношеніи онъ выказывалъ

даже необыкновенное безстрашіе, жертвуя своею собственною персоною, то есть предлагая не разъ въ пищу гласности самого себя, свои слова, рѣчи, поступки и дѣянія. Можетъ быть г. Штукаревъ полагалъ, что у гласности вкусъ черезчуръ разборчивъ, тонокъ, прихотливъ, и что для удовлетворенія своего аппетита она бросится не на всякое блюдо, а тѣмъ болѣе не бросится на такое, какое предлагалъ ей г. Штукаревъ. Нѣтъ, г. Штукаревъ, не такъ! Видно вы мало знакомы со свойствами гласности: это всеядное чудовище, ничѣмъ не насытимое, вѣчно голодное, жадно бросающееся на все, что у него на глазахъ и подъ руками; пожирающее и переваривающее въ своемъ страусовомъ желудкѣ всякую пищу, будь это блюда тонкія, изящныя, съ ароматомъ трюфелей и прочими пряностями; или будь это яства безвкусныя, грубыя, тяжелыя, грязныя, даже отзывающіяся запахомъ самой скверной сивухи: все ей по вкусу и по желудку!...

Итакъ, г. Штукаревъ затрогивалъ и дразнилъ нашу новорожденную русскую гласность до того, что, пожалуй, иному могъ онъ показаться новымъ Катономъ, Брутомъ, или хоть Баярдомъ, рыцаремъ безъ страха и безъ упрека. Полно такъ ли, г. Штукаревъ? Вы что-то ужь очень смѣло,—чтобы не сказать болѣе,— бросаете перчатку нашей гласности и нашему общественному мнѣнію. Увѣрены ли вы въ томъ, что никто не захочетъ или не посмѣетъ поднять эту тщательно-вымытую перчатку? Увѣрены ли вы въ безукоризненности и въ непомрачаемой свѣтлости вашего прошедшаго? Углубитесь хорошенько въ самого себя, поройтесь, пошарьте въ вашей душѣ и въ памяти, которою вы когда-то щеголяли. Обернитесь-ко назадъ и бросьте хоть бѣглый взглядъ на пройденный вами путь. Ну что? Ничего не видите?... Не открыли ничего такого, что̀ по прошествіи досады и гнѣва, должно непремѣнно возбудить горькое сожалѣніе и никогда не позднее раскаяніе въ сердцѣ каждаго истинно-честнаго, благороднаго, добраго и въ особенности справедливаго человѣка,—и отчего всегда дѣлается очень неловко тому, кто имѣетъ одни только притязанія на эти высокія душевныя качества?...

Нѣтъ,—г. Штукаревъ, кажется, ничего не откроетъ даже и тогда, когда будетъ смотрѣть черезъ огромный телескопъ Пулковской обсерваторіи. Вѣдь удовлетворенное тщеславіе и самообольщеніе, безпрерывно поддерживаемое фиміамомъ похвалъ и лести, который возжигается раболѣпными поклонниками чу-

жихъ мильоновъ, дѣйствуетъ чрезвычайно наркотически на самыя крѣпкія головы; дѣйствуетъ сильнѣе гашиша и не слабѣе дурмана, опіума и другихъ одуряющихъ зелій. И потому, по всей вѣроятности, г. Штукаревъ никогда не проспется самъ отъ летаргіи памяти и своей совѣсти, если только кто нибудь или что нибудь не разбудитъ его.

Но вотъ наконецъ родилась у насъ гласность; — попробую взяться за это орудіе и разскажу повѣсть, грустную и мрачную, но поучительную. Повѣсть эта — не игра воображенія, не плодъ фантазіи, а исторія истинная, основанная на фактахъ и документахъ—ясныхъ, какъ день, неопровержимыхъ, какъ математическая аксіома. Это — исторія двѣнадцатилѣтнихъ страданій, гоненій и оскорбленій всякаго рода. Пусть каждый изъ читателей рѣшитъ безпристрастно: кто правъ и кто виноватъ въ этомъ простомъ и безъискусственномъ разсказѣ.

ГЛАВА I.

ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ШТУКАРЕВЫМЪ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
ПУШКИНЪ.

Я служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Въ началѣ 1834 года я вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Петербурга. У меня было небольшое имѣніе въ Костромской губерніи, на берегу рѣки Унжи. Какъ ни живописно было мѣстоположеніе этого имѣнія, я не рѣшился поселиться въ немъ: оно находилось въ страшной глуши, вдалекѣ отъ всего, что хоть сколько нибудь напоминало бы цивилизованную Европу. Но у меня былъ родной дядя по матери, В. М. Ми..ринъ, который жилъ въ своемъ имѣніи, въ двухъ верстахъ отъ уѣзднаго города Со.... Онъ радушно предложилъ мнѣ жить у него, я воспользовался его предложеніемъ... Дядя этотъ былъ такой чудакъ, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Воспитанный въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенный оттуда въ 1812 году въ конную артиллерію, онъ потомъ былъ переведенъ въ Литовскій гвардейскій полкъ и служилъ въ Варшавѣ, подъ начальствомъ покойнаго цесаревича Константина Павловича. Въ началѣ 1823 года онъ пріѣзжалъ въ отпускъ въ

Костромскую губернію, тогда же взялъ меня съ собою въ Варшаву и, почти ребенкомъ, опредѣлилъ подпрапорщикомъ въ гвардейскій Литовскій полкъ. Въ проѣздъ свой черезъ Москву онъ женился, или, вѣрнѣе сказать, его женили на какой-то юродивой княжнѣ. Бракъ этотъ былъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ, и всякій другой на мѣстѣ моего дяди былъ бы несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Но дядя имѣлъ способность ничего не принимать близко къ сердцу, ни отъ чего не приходить въ отчаяніе. Онъ былъ человѣкъ очень умный, но вмѣстѣ съ тѣмъ безалаберный, беззаботный, разсѣянный и постоянно веселый, чрезвычайно вспыльчивый, но не злой. Сверхъ того, у него была наклонность къ цинической философіи, которая, вслѣдствіе несчастной его женитьбы, усилилась, развилась въ немъ и утѣшала его, или, вѣрнѣе сказать, мѣшала ему чувствовать весь ужасъ своего домашняго очага. Цинизмъ этотъ былъ для него, если не радикальнымъ, то пальятивнымъ средствомъ, чѣмъ-то въ родѣ хлороформа: онъ не исцѣлялъ недуга, но притуплялъ производимыя имъ страданія. Наконецъ въ 1828 году дядя вышелъ въ отставку, съ чиномъ гвардіи полковника, и поселился въ своемъ имѣніи близь Со........

Первымъ дѣломъ его, по водвореніи въ деревнѣ, было—выстроить большой домъ и въ немъ — огромную залу съ хорами. Потомъ онъ завелъ музыку, пѣвчихъ и домашній театръ. Но что̀ это былъ за театръ, что̀ это были за пѣвчіе, и особенно—что̀ это была за музыка!—Злополучнѣйшій квартетъ, о которомъ нельзя даже было сказать, что

«Они немножечко дерутъ,
Зато ужь въ ротъ хмѣльнаго не берутъ»;

потому что его четыре доморощенные артиста и сильно уши драли, и сильно куликали. Въ будни они исполняли различныя работы по сельскому хозяйству: въ полѣ, на скотномъ дворѣ, даже въ кузницѣ. А по воскресеньямъ, по большимъ праздникамъ и во время званыхъ обѣдовъ или вечеровъ, они наигрывали увертюру изъ Калифа Багдадскаго и разные допотопные танцы. Тоже было и съ пѣвчими и актерами. По этому можно судить о художественности исполненія !

Дядя мой былъ знакомъ съ цѣлымъ городомъ, съ цѣлымъ уѣздомъ и съ половиною губерніи. Домъ его былъ открытъ всегда и для всѣхъ. Въ знакомствахъ и приглашеніяхъ на свои обѣды и

вечера, — или, пожалуй, какъ онъ называлъ ихъ, балы, — онъ заботился не о качествѣ, а о количествѣ посѣтителей; да и во всемъ прочемъ у него было главное—количество, а не качество. На его обѣды и вечера собиралось иногда человѣкъ до шестидесяти,—цифра громадная для уѣзднаго закоулка, который на мѣстномъ языкѣ называли «концомъ свѣта». Да подъ этимъ названіемъ Со........ извѣстенъ всей губерніи,—и вотъ на какомъ основаніи: почта, проѣхавъ чрезъ всю Россію, потомъ черезъ всю губернію, доѣзжала до Со........, ночевала въ немъ и потомъ возвращалась вспять: далѣе некуда было ѣхать, — начинались лѣса и непроходимыя болота Во....дской губерніи.

Какъ я сказалъ выше, дядя мой придерживался циническихъ началъ, которыя проявлялись у него во всемъ, особенно въ костюмѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе черезъ каждые четыре или пять лѣтъ ѣздить зимою въ Москву мѣсяца на три для свиданія со своею сіятельною тещею и другими женниными родными, которыхъ было очень много и которые принадлежали къ московской аристократіи. Во время этого путешествія «на поклоненіе важнымъ роднымъ» дядя заказывалъ себѣ въ Москвѣ пару визитнаго платья, которое потомъ въ деревнѣ висѣло въ шкапѣ неприкосновенно и надѣвалось только въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ во время посѣщенія какой либо важной особы, какъ-то: губернатора, губернскаго предводителя, архіерея и т. п., или для присутствія на именинныхъ обѣдахъ и пирахъ. Обыкновенный же его домашній костюмъ состоялъ изъ нанковаго сюртука, такихъ же брюкъ и необыкновенно-длиннаго жилета, который маскировалъ отсутствіе помочей. Онъ былъ человѣкъ очень тучный и ему всегда и вездѣ было жарко и душно; поэтому онъ по большей части ходилъ безъ галстуха, а лѣтомъ въ башмакахъ на босую ногу. Не только одинъ дома, но и при большей части гостей онъ рѣдко измѣнялъ свой костюмъ, потому что, въ качествѣ новѣйшаго циника, онъ никогда, ничѣмъ и никѣмъ не женировался.

Дядя былъ необыкновенно трезвой жизни: онъ не пилъ ни водки, ни чаю, ни кофе. Но зато онъ истреблялъ въ страшномъ количествѣ квасъ, который приготовлялся у него особенно вкуснымъ образомъ и который по большей части сопровождалъ его всюду, такъ что, когда онъ отправлялся куда нибудь въ гости, къ ближнему или дальнему сосѣду, съ нимъ въ экипажѣ всегда было нѣсколько бутылокъ квасу. Отъѣдетъ, бывало, верстъ пять

и кричитъ «стой!» Достанетъ бутылку, потянетъ изъ нея, ѣдетъ далѣе и, повторяя такія остановки, опорожнитъ нѣсколько бутылокъ, пока доѣдетъ до цѣли. Подшучивая надъ этимъ безмѣрнымъ употребленіемъ квасу, отъ котораго дядя не разъ бывалъ боленъ, я иногда говорилъ ему:

— Эй, дядя! Вы умрете безславной смертію: люди опиваются иногда водкою, ромомъ, пуншемъ; вы же погибнете отъ квасу!...

Увы! шуточное предсказаніе мое сбылось: въ 1850 году дядя пріѣхалъ въ Москву лѣчить свою больную жену, которая и умерла вскорѣ по пріѣздѣ туда. Это было въ іюлѣ, въ страшную жару. Возвращаясь съ похоронъ, онъ заѣхалъ въ квасной рядъ и въ короткое время уничтожилъ нѣсколько бутылокъ квасу, кислыхъ щей и меду. Въ тотъ же вечеръ у него сдѣлалась холера, и такъ какъ никакія докторскія убѣжденія и ничьи просьбы не могли заставить его отказаться, хоть на время болѣзни, отъ квасу, то черезъ нѣсколько дней его не стало на свѣтѣ. Онъ былъ похороненъ мною на кладбищѣ Новоспасскаго монастыря, рядомъ съ его женою, которая, какъ говорится, «заѣла его вѣкъ». Но окончу характеристику дяди, чтобы поскорѣе добраться до главнаго героя этого разсказа.

Пріѣхалъ я къ дядѣ изъ Петербурга и поселился въ его домѣ, въ концѣ мая. У него жила моя сестра, выпущенная въ 1831 году изъ московскаго екатерининскаго института. Дядя былъ бездѣтенъ. Впрочемъ, безплодіе нисколько не огорчало его; онъ смѣясь говаривалъ: «какое счастіе, что у меня нѣтъ дѣтей! Воображаю, что за уроды родились бы отъ меня и отъ моей Катеньки!»

Въ короткое время послѣ моего пріѣзда, я познакомился со всѣмъ городомъ и съ цѣлымъ уѣздомъ, начиная съ предводителя, судьи, городничаго, исправника и кончая разными засѣдателями, секретарями, протоколистами, письмоводителями и самыми мелкотравчатыми, ископаемыми дворянами, въ невѣроятныхъ, археологическихъ костюмахъ, и которые далѣе уѣзднаго города нигдѣ не были и во всю свою жизнь ничего не читали, кромѣ Брюсова календаря да Снотолкователя.

Въ числѣ обычныхъ городскихъ посѣтителей дома дяди былъ одинъ шестнадцатилѣтній молодой человѣкъ, худощавый, бѣлокурый, очень скромный, почти застѣнчивый, не совсѣмъ ловкій, который садился на кончикѣ стула, порою не зналъ, что дѣлать со своими руками. Но, несмотря на отсутствіе не только

серьёзнаго, но даже и всякаго поверхностнаго образованія, этотъ молодой человѣкъ, — или, какъ его называли въ нашемъ кругу, «юноша», — выказывалъ много природнаго ума, такта и особливо той русской смѣтливости, которая, за неимѣніемъ положительныхъ знаній, умѣетъ многое угадывать и прикладывать къ дѣлу, безъ всякихъ предварительныхъ теорій. Этотъ бѣлокурый, худенькій и застѣнчивый юноша былъ — будущая знаменитость, будущій обладатель мильоновъ на серебро, великолѣпныхъ дачъ, домовъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, картинныхъ галлерей; будущій предъявитель правъ на званіе мецената, публициста, писателя, и пр. и пр.; однимъ словомъ, — это былъ Василій Андроновичъ Штукаревъ.

Въ ту, относительно говоря, отдаленную эпоху своей скромной дѣятельности, Штукаревъ управлялъ въ Со........ соловареннымъ заводомъ своего дяди и жилъ очень тихо, въ маленькомъ домикѣ, довольствуясь сперва пяти-сотеннымъ, а потомъ полутора-тысячнымъ жалованьемъ на ассигнаціи. Я очень скоро сошелся съ нимъ, несмотря на восьмилѣтнюю разницу въ возрастѣ и полюбилъ его за наблюдательный, серьёзный и практическій умъ, за добросовѣстность, толковость и неутомимость его дѣятельности, хотя и не обширной въ то время, за его любознательность и смѣлую пытливость во всемъ, за предупредительную его обязательность и готовность на все хорошее, наконецъ — за современность его понятій, привычекъ и даже вкусовъ, въ чемъ онъ далеко опередилъ не только свой медвѣжій уголъ, но и всю губернію. Я видался съ нимъ очень часто, то въ домѣ моего дяди, то въ Со........ у П. П. З—кова, который служилъ тамъ солянымъ приставомъ и, стало быть, имѣлъ безпрестанныя сношенія съ Штукаревымъ и большое вліяніе на всю соляную его дѣятельность. Бывалъ я время отъ времени и въ домѣ самого Штукарева, который собиралъ иногда у себя всю городскую публику на чай, вечеринки или завтраки съ блинами, икрой, балыкомъ, семгою, Со.......чскими калачами, имѣвшими большую мѣстную извѣстность и наконецъ съ неизбѣжною «старою остъ-индскою мадерою» тоже мѣстнаго произведенія.

Вотъ когда и какъ познакомился и сблизился я съ Штукаревымъ, и — признаюсь — много пріятнѣйшихъ минутъ провелъ съ нимъ и съ З—ковымъ, однимъ изъ добрѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, у котораго собирались мы часто втроемъ. Сколько тутъ было искренней веселости, непринужденнаго смѣха! Сколько

разсказано анекдотовъ, прочитано стиховъ Пушкина и другихъ поэтовъ, печатныхъ и непечатныхъ!

Двадцать-пять лѣтъ,—цѣлая четверть столѣтія,—прошло съ тѣхъ поръ, а какъ живо представляется мнѣ все это!.. Какъ пріятно, какъ весело было бы мнѣ теперь смотрѣть въ калейдоскопъ этихъ воспоминаній, если бы они не были омрачены, отравлены послѣдующими событіями! Но я не буду распространяться объ этой первой эпохѣ моихъ сношеній съ Штукаревымъ—юношею, и особенно о дальнѣйшемъ моемъ пребываніи въ домѣ дяди. Проживши у него полтора года, я сталъ сильно скучать отъ бездѣйствія: обѣды, вечера, имянинные пиры, домашніе спектакли, разъѣзды по помѣщикамъ,—все это не могло долго занимать меня, а тѣмъ болѣе сдѣлаться пищею для моей души, которая искала дѣятельности болѣе серьёзной и полезной. Къ тому же въ іюлѣ 1835 года сестра моя, нѣжно мною любимая, вышла замужъ; съ удаленіемъ ея изъ дома дяди, въ немъ все измѣнилось; непочтенная моя тетушка, урожденная московская княжна, способна была не оживить общество, а нагнать только уныніе. Самъ дядя сдѣлался не такимъ безпечнымъ и гостепріимнымъ; не измѣнился въ немъ только цинизмъ, а, напротивъ, развился сильнѣе и сталъ принимать формы болѣе грубыя.

Итакъ, я рѣшился сказать «прости» моей родинѣ. Сказано—сдѣлано. Въ началѣ 1836 года я оставилъ домъ дяди и, простившись съ нимъ и съ добрымъ З—вымъ, а равно и съ юношею Штукаревымъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Не имѣя въ виду ничего такого, чему бы могъ посвятить свою дѣятельность, на чемъ бы могъ попробовать свои силы и способности, я снова вступилъ въ военную службу, въ тотъ же самый гвардейскій полкъ, въ которомъ началъ свое военное поприще въ 1823 году въ Варшавѣ. Перебѣгу бѣглымъ шагомъ черезъ послѣдующія событія моей жизни, для того, чтобы какъ можно скорѣе приступить ко второй эпохѣ моихъ сношеній съ Штукаревымъ.

Сейчасъ по вступленіи моемъ въ службу, я подружился съ однимъ изъ моихъ товарищей, съ Б—тинымъ, выпущеннымъ въ полкъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, во время моей отставки. Въ мартѣ того же года, мать Б—тина пріѣхала въ Петербургъ изъ отдаленной провинціи за своими двумя дочерьми, которыя вышли изъ Смольнаго монастыря. Это было доброе, прекрасное семейство, съ которымъ я познакомился сейчасъ же и, какъ подобало двадцати-шестилѣтнему гвардейцу того вре-

мени,—далеко не такъ матеріальнаго и холоднаго, какъ нынѣшнее,—страстно влюбился въ младшую сестру Б—тина, красивую брюнетку, съ высокимъ, стройнымъ станомъ, съ живымъ умомъ, добрымъ сердцемъ и веселымъ характеромъ, превосходную піанистку и пѣвицу.

Наступило лѣто 1836 года; мы стояли тогда въ лагерѣ подъ Краснымъ селомъ. Отпроситься и пріѣхать изъ лагеря въ Петербургъ, гдѣ, сидя у фортепьяно и прослушавъ блистательную фантазію Герца, тогдашняго льва фортепьянной музыки, признаться въ любви и, въ отвѣтъ на признаніе, услышать — *да*, потомъ сдѣлать офиціальное предложеніе и получить согласіе матери, — все это было для меня дѣломъ двухъ дней. Но, что̀ скоро, то̀ бываетъ не споро. — Увы! — Я испыталъ на себѣ справедливость этой пословицы.

Принявъ мое предложеніе, мать и братья моей невѣсты позабыли одно: спросить отца, который остался въ своей нижегородской деревнѣ, — согласится ли онъ? Это сдѣлали тогда, когда я былъ уже принимаемъ въ домъ, какъ женихъ. Черезъ мѣсяцъ лихорадочнаго ожиданія, пришелъ отвѣтъ — уклончивый: старикъ писалъ, что не можетъ принять моего предложенія, не увидавъ прежде своей дочери, съ которою не видѣлся много лѣтъ. Итакъ, на этотъ разъ суворовская тактика, примѣненная къ дѣлу любви, оказалась несостоятельною, и мои скороспѣшныя надежды потонули въ мучительной неизвѣстности!

Въ августѣ, семейство Б—тиныхъ, мать съ двумя дочерьми уѣхали изъ Петербурга въ деревню. Положеніе мое стало еще ужаснѣе.

Наконецъ въ декабрѣ, одинъ изъ братьевъ моей невѣсты объявилъ мнѣ рѣшеніе отца, что въ настоящее время онъ не рѣшается еще дать свое согласіе на бракъ своей дочери со мною, потому что она очень молода.

Разумѣется, это былъ чистѣйшій отказъ, который едва меня не убилъ: я былъ близокъ къ помѣшательству и отдѣлался наконецъ тѣмъ, что схватилъ горячку. По выздоровленіи, желая чѣмъ нибудь заглушить тоску, я вздумалъ перемѣнить и родъ службы, и мѣсто жительства, и подалъ просьбу о переводѣ меня въ армейскую кавалерію, въ Рижскій драгунскій полкъ. Это было въ началѣ февраля 1837 года. А недѣлю спустя, вдругъ получаю письмо отъ старика Б—тина, который пишетъ, что,

убѣдившись наконецъ въ истинной, глубокой любви ко мнѣ его дочери, онъ соглашается на нашъ бракъ.

Радость, которую я почувствовалъ по прочтеніи этого письма, описать невозможно. Несмотря на просьбы товарищей и полковаго командира — взять обратно мое прошеніе о переводѣ въ армію, я этого не сдѣлалъ: видно ужь суждено было такъ, подумалъ я, — и можетъ быть это состояло въ связи съ моимъ счастіемъ.

Въ апрѣлѣ я получилъ позволеніе жениться, вмѣстѣ съ 28 дневнымъ отпускомъ, и, въ самую распутицу, по скверной дорогѣ поѣхалъ въ деревню, гдѣ жила моя невѣста и куда я прибылъ наканунѣ самаго Свѣтлаго праздника. Радость нашей встрѣчи — тоже выше всякаго описанія. Но я жестоко ошибся въ надеждѣ на скорую свадьбу: отецъ моей невѣсты назначилъ свадьбу въ сентябрѣ, послѣ нижегородской ярмарки, и уже никакія мольбы, никакія убѣжденія не могли заставить его измѣнить слово: это былъ типъ самого упрямаго и несговорчиваго старика, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени честнаго. И я прожилъ въ деревнѣ Б—тина до сентября, т. е. пять мѣсяцевъ, имѣя отпускъ только на 28 дней.

Наконецъ я достигъ цѣли своихъ пламенныхъ желаній: 3 сентября совершилась моя свадьба въ маленькой, деревянной сельской церкви, въ присутствіи лишь нѣсколькихъ близкихъ родныхъ, и съ величайшею простотою. Но и маленькая деревянная церковь подарила мнѣ огромное счастіе: жаль только, что оно длилось самое короткое время и вскорѣ надолго было прервано. Такова судьба всей моей жизни!...

Мѣсяца за полтора до свадьбы, я узналъ изъ газетъ, что вслѣдствіе моей просьбы, я былъ уже переведенъ въ Рижскій драгунскій полкъ, который находился въ то время на маневрахъ подъ Вознесенскимъ. А недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы, я получилъ увѣдомленіе изъ полка о томъ, что я долженъ спѣшить явиться туда, потому что инспекторскій департаментъ, безъ вѣдома полковаго начальства, можетъ выключить меня изъ службы за долгое пребываніе въ отпуску. Шутить было нечего: я поспѣшно собрался въ далекій одинокій путь. Я не могъ взять съ собою мою жену; прежде надо было рѣшиться на что нибудь: или устроиться въ полку, если бы я вздумалъ оставаться на службѣ; или подать въ отставку и тогда распорядиться иначе съ временнымъ моимъ мѣстопребываніемъ. Полкъ стоялъ въ концѣ

Курской губерніи, въ Корочѣ, грязнѣйшемъ и скучнѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ. Итакъ, черезъ три недѣли послѣ свадьбы, я разстался съ моею молодою, любимою женою! Въ скабрнѣйшую погоду, по ужаснѣйшей дорогѣ, протащился я на перекладныхъ болѣе тысячи верстъ и прибылъ въ свой новый полкъ, которымъ командовалъ тогда полковникъ Л—дь. Это былъ татаринъ, но въ добротѣ сердца, въ высокой честности, благородствѣ характера превосходилъ многихъ православныхъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Корочу, я увидѣлъ, что, мнѣ женатому невозможно продолжать службу въ этой трущобѣ, и потому, послѣ трехъ недѣль осаднаго положенія, въ которомъ держала меня невылазная грязь, я подалъ въ отставку по болѣзни. Между тѣмъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ наступленія зимы: передъ отъѣздомъ моимъ изъ деревни тестя, мнѣ торжественно было обѣщано, что, по первому же зимнему пути, теща привезетъ ко мнѣ въ Корочу мою жену, проѣздомъ въ свое курское имѣніе. Съ невыразимою радостію привѣтствовалъ я первый снѣгъ и, на мое счастіе, довольно раннее наступленіе зимы. Разумѣется, я каждую почту переписывался съ женою. Прошло три недѣли зимняго пути, а жену ко мнѣ не привозили. Наконецъ она увѣдомила меня, что ея «maman» нескоро еще думаетъ отправиться въ дальній путь; быть можетъ въ январѣ, а пожалуй и въ февралѣ. Испытаніе это было сильнѣе моего тогдашняго терпѣнія, которое и лопнуло. Я попросилъ краткаго отпуска сперва у полковаго командира и получилъ отказъ, потому что онъ не имѣлъ права разрѣшать отпуски офицерамъ,— потомъ у дивизіоннаго командира, — такой же отказъ и по той же самой причинѣ; наконецъ, я поѣхалъ въ Курскъ просить отпуска у корпуснаго командира; тоже отказъ, но только уже вотъ на какомъ основаніи: «я имѣю правило никогда и ни для чего не давать отпуска тѣмъ изъ офицеровъ, которые подали въ отставку». Резонно, но только не для меня и не во время моей молодости. Недолго раздумывая, я уѣхалъ къ женѣ безъ отпуска и безъ всякаго, отъ кого бы то ни было, позволенія. Бѣглецомъ проскакалъ я черезъ Москву и, 5 декабря въ 8 часовъ вечера, явился въ домъ моего тестя, къ которому съѣзжались тогда почти всѣ родные, состоявшіе изъ дядей, стариковъ временъ Екатерины и Павла.

Никто не ожидалъ моего пріѣзда, который несказанно обрадовалъ мою жену, а всѣхъ другихъ удивилъ, если только не

испугалъ. Послѣ первыхъ объятій и цѣлованій, меня спросили:

— Ты вѣрно взялъ отпускъ, въ ожиданіи отставки?

— Ни чуть не бывало.

— Ну такъ получилъ откомандировку?

— Тоже нѣтъ.

Лица стариковъ начинали вытягиваться и хмуриться.

— Такъ какимъ же образомъ ухитрился ты оставить полкъ и пріѣхать къ намъ за тысячу-двѣсти верстъ?

— А самымъ простымъ образомъ: просился въ отпускъ, не пустили; я и поѣхалъ безъ отпуска.

Старики пришли въ ужасъ.

— Да что же тебѣ будетъ за это?

— Не бойтесь, не разстрѣляютъ! Самое большее: отдадутъ подъ судъ и разжалуютъ въ солдаты, — отвѣчалъ я, обнимая и цалуя жену.

— И тебѣ не стыдно, не грѣшно дѣлать и говорить такія вещи! Вѣдь ты теперь — женатый человѣкъ, а черезъ полгода будешь отцомъ! завопили хоромъ старики.

— А вольно же вамъ не держать своего обѣщанія и не привезти ко мнѣ жену по первому зимнему пути, который начался уже болѣе мѣсяца.

Старики тяжело вздохнули, пожали плечами и замолчали. Если не убѣдила, то побѣдила ихъ моя молодая логика.

Несмотря ни на какія убѣжденія, обѣщанія и просьбы родныхъ, я три недѣли провелъ въ домѣ моего тестя, наслаждаясь такимъ счастіемъ, за которое не жаль и не дорого было бы поплатиться моими эполетами и капитанскимъ чиномъ. Но на этотъ разъ судьба мнѣ покровительствовала и, за счастіе мое, я не поплатился ничѣмъ, кромѣ безпокойства проскакать на перекладныхъ изъ Корочи въ Сергачскій уѣздъ и обратно, что составляло 2,400 верстъ.

Въ концѣ декабря я снова разлучился съ женою, но на этотъ разъ уже ненадолго. Мнѣ поклялись привезти ее черезъ мѣсяцъ въ курскую деревню моей тещи, куда и я долженъ былъ пріѣхать къ тому времени.

Въ началѣ января 1838 года я возвратился въ полкъ изъ моего любовнаго набѣга или побѣга. Натурально, сейчасъ же явился къ полковому командиру. Онъ очень обрадовался, но съ притворно-суровымъ видомъ строгаго начальника спросилъ:

— Капитанъ! Гдѣ же это вы были и пропадали болѣе мѣсяца?

— Къ женѣ ѣздилъ,—отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ, и потому отправилъ къ вамъ въ Сергачъ предписаніе—явиться немедленно въ полкъ. Разумѣется, чтобы не компрометировать васъ, я велѣлъ надписать на конвертѣ: «находящемуся въ отпуску капитану Макарову».

Добрѣйшая, благороднѣйшая душа!...

— Вотъ видите ли, капитанъ, продолжалъ полковникъ,—что наиболѣе меня тревожило во время вашего отсутствія: нашъ корпусной командиръ имѣетъ привычку давать иногда порученія тѣмъ изъ офицеровъ, которымъ онъ отказалъ въ отпускѣ! Ну, что, если бы онъ сдѣлалъ подобное въ отношеніи къ вамъ? И вамъ, а еще болѣе мнѣ, была бы страшная бѣда за то, что я не рапортовалъ объ вашемъ отсутствіи. Но теперь, надѣюсь, вы поживете съ нами?

— Да, недѣли три. А тамъ я буду просить васъ отпустить меня въ имѣніе моей тещи, въ Рыльскій уѣздъ, куда привезутъ ко мнѣ мою жену, и гдѣ я буду ожидать моей отставки.

— Хорошо, хорошо, но только тогда отрапортуйтесь больнымъ; это будетъ безопаснѣе и для васъ, и для меня.

Итакъ всѣ мои треволненія окончились благополучно. Подавъ рапортъ о болѣзни, я въ концѣ января оставилъ иппохондрическую Корочу и уѣхалъ въ Рыльскій уѣздъ, въ имѣніе тещи, которая, вслѣдъ за мною, пріѣхала туда съ моею женою и другою старшею дочерью. Въ маѣ получилъ я отставку, а въ іюнѣ родилась у меня дочь, увеличивъ наше семейное счастіе.

Родители моей жены были люди богатые; но у нихъ было восемь человѣкъ дѣтей—шесть сыновей и двѣ дочери. Жену мою наградила мать, очень добрая женщина, давъ за ней въ приданое одну изъ своихъ тульскихъ деревень, лежащую между Тулой и Москвой, въ 20 верстахъ отъ первой и 150-ти отъ послѣдней. Въ этомъ-то имѣніи поселился я съ семействомъ, переѣхавъ туда изъ Курской губерніи въ августѣ 1838 года. Шесть съ половиною лѣтъ тихой и счастливой жизни провелъ я въ этомъ мирномъ пріютѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, а еще болѣе музыкою, которую любилъ я страстно, и изученію которой предался я со всѣмъ увлеченіемъ моего пылкаго характера и съ величайшею настойчивостію. Каждую зиму бывалъ я въ Москвѣ и время отъ времени въ Петербургѣ. Въ концѣ 1839

года ѣздилъ я на родину повидаться съ чудакомъ дядею и съ сестрою. Мелькомъ встрѣтился я тамъ съ Штукаревымъ, въ которомъ нашелъ большую перемѣну. Онъ выросъ, очень пополнѣлъ, одѣвался щегольски и совершенно утратилъ свою застѣнчивость: говорилъ смѣло и громко, садился уже не на кончикъ стула и нисколько не затруднялся тѣмъ, куда дѣть свои руки.

Послѣ этого короткаго свиданія съ Васильемъ Андроновичемъ, я потерялъ его изъ виду. Слышалъ потомъ, что онъ поступилъ къ Ж....... для управленія его дѣлами; а далѣе не было о немъ ни слуху, ни духу.

Эта первая и начало второй главы моего разсказа обнимаютъ длинный, десяти-лѣтній періодъ моей жизни, который сжалъ я такъ для того, что послѣдующія событія требуютъ гораздо большаго развитія. Но прежде чѣмъ приступлю къ изложенію этихъ дальнѣйшихъ событій, я хочу разсказать одинъ случай изъ жизни съ первою моею женою, и тѣмъ доказать полную откровенность моей исповѣди, въ которой намѣренъ я сознаться въ моихъ прошедшихъ ошибкахъ, увлеченіяхъ, заблужденіяхъ и прегрѣшеніяхъ. Вотъ этотъ случай, который помѣщаю я въ этой первой главѣ подъ названіемъ:

Прогулка съ хлыстомъ и съ пистолетами.

Находясь въ Москвѣ въ началѣ 1842 года, я нанялъ тамъ одну нѣмку въ няньки къ моей дочери. По возвращеніи моемъ въ деревню, дочь моя, изъ рукъ русской няни Катерины, перешла въ руки Марьи Ивановны, дебелой нѣмки съ одутловатымъ и багровымъ лицомъ. Вскорѣ послѣ того заѣхала къ намъ въ гости моя теща, проѣздомъ въ курское свое имѣніе. Пробывши у насъ нѣсколько дней, она собралась въ дальнѣйшій путь и уговорила меня отпустить съ нею жену и дочь, обѣщая привезти ихъ ко мнѣ обратно весною, сейчасъ по просухѣ. Но настала и весна, и лѣто, а жены все нѣтъ-какъ нѣтъ. Дѣла задержали тещу въ ея курскомъ имѣніи долѣе, чѣмъ она предполагала, а потому и жена ко мнѣ не возвращалась. И вдругъ я получаю отъ нея письмо, въ которомъ она горько жалуется на нѣмку, няню моей дочери. Эта негодная Марья Ивановна начала вести себя самымъ неприличнымъ образомъ, чтобы не сказать болѣе. Она заботилась не столько о моей дочери, сколько о лакеѣ моей те-

щи, высокомъ, черноволосомъ и красивомъ парнѣ. «Представь себѣ, безцѣнный Коля! писала мнѣ жена:— эта негодная Марья Ивановна, когда я стала дѣлать ей выговоръ за ея дурное поведеніе, имѣла дерзость сказать мнѣ: вы лучше смотрѣли бы за поведеніемъ своего мужа, чѣмъ за мною; это было бы полезнѣе для васъ. И потомъ эта дрянь осмѣлилась утверждать во-всеуслышаніе, при людяхъ мамаши, что будто бы ты къ ней неравподушенъ. Какова, негодная!»

Я не докончилъ письма жены; со мной едва не сдѣлался ударъ отъ сильнаго прилива крови въ головѣ. Я вскочилъ и закричалъ во все горло: «Эй, человѣкъ! прикащика ко мнѣ, живо, сейчасъ!» Прикащикъ явился, и я сказалъ ему, задыхаясь отъ гнѣва: «сейчасъ заложить коляску, мигомъ, такъ чтобы черезъ три четверти часа она стояла у крыльца; слышишь?»: — «Слушаю-съ», отвѣчалъ прикащикъ; и ровно черезъ три четверти часа коляска была подана. Между тѣмъ успѣли уложить со мною необходимое платье и бѣлье, а равно собралась со мною въ дорогу и бывшая русская няня моей дочери. Я сѣлъ въ коляску, положилъ возлѣ себя пару пистолетовъ и поскакалъ въ Тулу. Теперь слѣдуетъ объяснить, что̀, какъ и для чего намѣревался я сдѣлать.

Во первыхъ, я хотѣлъ примѣрно наказать подлую и дерзкую нѣмку за ея гнусную клевету, за то, что она посягнула на мое семейное счастіе, осмѣлившись бросить сѣмена раздора между мужемъ и женою, которые жили душа въ душу и обожали другъ друга. Подобной дерзости я не простилъ бы никому и жестоко наказалъ бы всякаго, кто позволилъ бы себѣ малѣйшее поползновеніе къ оскверненію святыни моего домашняго очага.

Во вторыхъ, между родными моей жены въ Курской губерніи былъ одинъ господинъ, впрочемъ очень умный и, пожалуй, честный малый, но страшный сплетникъ. Онъ любилъ пользоваться всякими, даже самыми нелѣпыми слухами, съ помощію которыхъ умѣлъ выводить чрезвычайно затѣйливые арабески по канвѣ своего сплетническаго воображенія, не уступая въ этомъ искусствѣ ни одной губернской чиновницѣ, ни одной уѣздной попадьѣ. Вотъ для этого-то господина и взялъ я пару пистолетовъ, съ приличнымъ количествомъ пуль и пороха, чтобы такимъ пальятивнымъ средствомъ удержать его язычокъ въ границахъ благоразумнаго молчанія и заставить егоповоздержаться отъ излишнихъ разглагольствованій насчетъ исторіи о тол-

стомордой нѣмкѣ и о предстоящей расправѣ за ея гнусную клевету.

Пріѣхавши въ Тулу, я послалъ человѣка за подорожною и за почтовыми лошадьми, а самъ отправился въ шорную лавку, гдѣ встрѣтилъ меня молодой купчикъ.

— Есть у васъ хлысты? спросилъ я его.

— Какіе хлысты-съ?

— Хлысты для верховой ѣзды.

— Есть-съ, отвѣчалъ купчикъ, и досталъ мнѣ связку хлыстовъ, сдѣланныхъ изъ китоваго уса и оправленныхъ въ ручки, сплетенныя изъ ремешковъ.

— Мнѣ нуженъ хорошій, прочный хлыстъ, который не изломался бы при двадцати полновѣсныхъ ударахъ.

— Самый лучшій, высокій сортъ--съ: выдержитъ и двѣсти, а не только двадцать, сказалъ купчикъ съ самоувѣренностію.

Я выбралъ и вытащилъ изъ связки одинъ хлыстъ и сталъ махать имъ по воздуху.

— А что стоитъ?

— Два рубля-съ.

— Дамъ двадцать рублей, если только онъ выдержитъ двадцать ударовъ и не изломается, сказалъ я, продолжая помахивать хлыстомъ.

— Честью ручаюсь, что выдержитъ; а если нѣтъ, такъ всѣ эти хлысты отдаю даромъ, отвѣчалъ купчикъ съ лицомъ сіяющимъ желаніемъ получить вдесятеро за свой товаръ.

— Хорошо, куда не шло, даю за хлыстъ двадцать рублей, но только съ небольшимъ условіемъ.

И, говоря это, я досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него пятнадцать рублей ассигнаціями и пять рублей монетою и раздѣлилъ такъ: направо положилъ я на прилавокъ два рубля, а налѣво восьмнадцать рублей и продолжалъ:

— Теперь повернись ко мнѣ затылкомъ для того, чтобы я могъ сейчасъ отсчитать двадцать полновѣсныхъ ударовъ по твоей спинѣ. Если хлыстъ выдержитъ, тогда эти восьмнадцать рублей присоединяются къ этимъ двумъ и поступаютъ въ твой карманъ, а испробованный хлыстъ въ мою собственность. Если же хлыстъ не выдержитъ, а сломается хотя бы послѣ двадцатаго удара, ты получаешь за него только два рубля; и мы до тѣхъ поръ будемъ повторять пробу хлыстовъ, пока найдемъ такой, который бы выдержалъ двадцать ударовъ. Согласенъ ты на это

условіе для полученія двадцати рублей вмѣсто двухъ? Если да, такъ становись въ позицію, прибавилъ я, продолжая махать хлыстомъ по воздуху.

Купчикъ скорчилъ обиженную рожу, тряхнулъ кудрями, и сказалъ:

— Помилуйте-съ!

Итакъ проба хлыста не состоялась и я выбралъ изъ связки одинъ, который показался мнѣ прочнѣе другихъ, заплатилъ за него два рубля и возвратился къ своей коляскѣ. Вскорѣ послѣ того я мчался уже на почтовыхъ по дорогѣ въ Курскъ. Я не жалѣлъ давать на водку, ѣхалъ день и ночь и черезъ двое сутокъ по отъѣздѣ изъ Тулы пріѣхалъ въ деревню тещи. Это было въ прекрасный іюньскій день. Меня никто не ожидалъ. Я вошелъ въ залу, держа подъ мышкою пистолеты, а въ рукахъ хлыстъ; и въ то же время изъ гостиной вышла ко мнѣ навстрѣчу теща и сказала съ радостною, добродушною улыбкою:

— Вотъ сюрпризъ! Какъ же вы насъ обрадовали! Да что это такое у васъ въ рукахъ?

— Это—*пирогъ съ грибами*, сказалъ я, кладя пистолеты на столъ.—Онъ назначенъ для тѣхъ, которые не держатся пословицы: «ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами». А вотъ это поучительный инструментъ для той подлой мерзавки, которая посягнула на мое семейное спокойствіе и осмѣлилась распускать обо мнѣ самыя гнусныя клеветы, — прибавилъ я, приподнявъ руку съ хлыстомъ, который тоже положилъ на столъ возлѣ пистолетовъ.

Теща поблѣднѣла и опустилась на стулъ.

— Чего вы такъ перепугались, chère maman, сказалъ я цалуя руку у тещи, добрѣйшей и безобиднѣйшей въ свѣтѣ женщины. — А гдѣ Саша и Анюта?

— Въ саду.

Въ эту минуту жена вошла въ комнату и мы бросились въ объятія другъ къ другу.

— Саша, безцѣнный мой другъ, мое божество, мое сокровище, мое все! говорилъ я, — и неудержимыя рыданія вырвались изъ моей глубоко-взволнованной груди. Я сталъ на колѣни передъ женою, покрылъ поцѣлуями ея руки, ноги, приговаривая прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— И меня хотѣли оклеветать въ твоихъ глазахъ, хотѣли бросить между нами сѣмена раздора, нарушить тишину и ясность нашей жизни!

— Успокойся, Коля, дорогой, лучшій единственный мой другъ! говорила мнѣ Саша, обнимая меня, крѣпко прижимая къ себѣ и смѣшивая свои слезы съ моими. — Неужели ты могъ подумать, что я когда нибудь и кому нибудь повѣрю болѣе, чѣмъ тебѣ? Еще разъ прошу тебя успокоиться : вѣдь ты знаешь, что до сихъ поръ ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія не появлялась въ моемъ сердцѣ. Ты знаешь, что ревность незнакома мнѣ и что я всегда была выше этого мелочнаго, эгоистическаго чувства.

Въ эту патетическую минуту отворилась дверь изъ передней и нѣмка вошла въ залу, держа за руку дочь мою. Саша не успѣла передать мнѣ, что, по ангельской добротѣ своего сердца, она простила эту глупую Марью Ивановну, которой люди моей тещи растолковали, какой грозѣ подвергается она, болтая обо мнѣ всякій вздоръ, и которая бросилась наконецъ на колѣни передъ моею женою и вымолила себѣ прощеніе. Едва завидѣлъ я эту Марью Ивановну, какъ въ одинъ мигъ очутился у стола, схватилъ хлыстъ и, подбѣжавъ къ нѣмкѣ, вырвалъ изъ ея руки мою дочь, которой сказалъ: «иди къ мамашѣ», даже не поцаловавъ ее. Потомъ грозно спросилъ я нѣмку:

— Какъ смѣешь ты пачкать мою дочь, прикасаясь къ ней своими нечистыми, погаными лапами!

— Шьто такой? Какой пашкать лапы!... Какъ фи смѣете кафарить мнѣ такъ!

— Какъ я смѣю?... А вотъ какъ и что я смѣю!

И съ этимъ словомъ я схватилъ нѣмку за плечо, повернулъ ее лицомъ къ двери и въ то же самое мгновеніе хлыстъ взвизжалъ въ воздухѣ и два перекрестные и полновѣсные удара упали на жирныя плечи Марьи Ивановны и обозначились пунцовыми полосами. Послѣ четырехъ моихъ пинковъ, она изъ залы очутилась въ сѣняхъ, гдѣ и произведено было мною продолженіе назидательнаго поученія. Опасенія мои насчетъ непрочности хлыста оказались справедливыми: онъ не выдержалъ и, послѣ пятнадцати или шестнадцати ударовъ, изломался и я окончилъ положенное число ударовъ рукояткою хлыста.

Не стану описывать визгъ нѣмки: онъ походилъ на всѣ остальные визги — нѣмецкіе, французскіе, татарскіе и всѣхъ прочихъ

народовъ. Языкъ физической боли — языкъ космополитическій, общій для всѣхъ странъ свѣта.

Послѣдній, двадцатый ударъ былъ отсчитанъ Марьѣ Ивановнѣ уже на дворѣ, куда выбѣжала она въ чаяніи избавиться отъ заслуженой расправы. Толпа дворовыхъ людей стояла и смотрѣла съ замираніемъ сердца на казнь визжавшей нѣмки; для деревенскихъ зѣвакъ это было такъ же интересно, какъ и бой быковъ для испанцевъ. Послѣ финальнаго удара, я подозвалъ къ себѣ двоихъ изъ дворовыхъ людей и сказалъ имъ:

— Возьмите эту нѣмку, отведите ее во флигель и до дальнѣйшаго моего приказанія никуда ни на шагъ ее не выпускать. Поняли вы меня?

— Поняли-съ.

Нѣмку повели во флигель, а я велѣлъ позвать къ себѣ старосту и спросилъ его:

— Можно ли нанять въ селѣ подводу до Москвы, чтобы отвезти туда нѣмку, да только нанять сегодня же, сейчасъ же?

— Отчего же нельзя? отвѣчалъ староста. Все можно, только не пожалѣть лишній десятокъ рублей.

— Ну, такъ ступай и нанимай проворнѣе; да чтобъ только лошадь была хорошая и телега тоже. Если черезъ два часа все будетъ готово, то получишь отъ меня цѣлковый на чай.

И черезъ два часа подвода была готова, нѣмка разсчитана, вещи ея уложены въ телегу, и она отправилась въ Москву, имѣя дорогою достаточно времени для размышленій о непрочности земнаго счастія и тульскихъ хлыстовъ.

Между тѣмъ въ домѣ моей тещи все было въ страхѣ, и я имѣлъ, на ту пору, значеніе Батыя въ миніатюрѣ. Когда же по окончаніи экзекуціи я вошелъ въ залу, Саша встрѣтила меня, погрозила пальцемъ и, обнявъ меня одною рукою и пристально глядя мнѣ въ глаза, сказала, покачивая головкою:

— Буйная ты моя головушка! Когда ты уходишься? Пора: вѣдь твоей дочери пятый годъ!

— Никогда, если только коснется дѣло до святыни моего домашняго счастья!... А если я *ухожусь* въ этомъ отношеніи, то это будетъ значить, что я началъ любить тебя гораздо менѣе, чѣмъ теперь люблю, моя несравненная!

И я страстно цаловалъ мою жену.

— Нѣтъ! сказала мнѣ Саша послѣ минутнаго молчанія: — лучше оставайся навсегда такимъ, какимъ создали тебя Богъ и

обстоятельства, да только не переставай любить меня попрежнему. Вѣдь не все же придется имѣть дѣло съ Марьями Ивановнами.

И длинный поцѣлуй, данный мнѣ моею чудесною Сашею, заключилъ эту патетическую сцену изъ домашней жизни. Въ домѣ тещи все ожило и повеселѣло. Я пробылъ у нея недѣли три, разъѣзжая по роднымъ и знакомымъ. Исторія о хлыстѣ и пистолетахъ быстро разнеслась по цѣлому уѣзду, и меня принимали вездѣ съ необычайнымъ почетомъ, боясь оскорбить не только дѣломъ или словомъ, но и взглядомъ. Я хохоталъ въ душѣ и думалъ про себя: «о люди, люди! Неужели пистолеты и хлыстъ даютъ въ вашихъ глазахъ болѣе правъ на уваженіе, чѣмъ умъ, воспитаніе, благородство характера, доброта сердца и высокая честность?»

Вмѣстѣ съ женою и дочерью возвратился я въ тульскую деревню, гдѣ уже болѣе ничто не возмущало счастія моей жизни до того дня, когда я встрѣтился въ тульской почтовой гостинницѣ въ Васильемъ Андроновичемъ Штукаревымъ. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

ВСТУПЛЕНІЕ МОЕ ВЪ ДѢЛА ШТУКАРЕВА.

«Зачѣмъ, отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной,
Вступилъ ты въ этотъ свѣтъ завистливый и душный?
Зачѣмъ ты руку далъ клеветникамъ безбожнымъ?
Зачѣмъ повѣрилъ ихъ словамъ и клятвамъ ложнымъ?»
ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ концѣ 1844 года, по случаю родовъ жены, я жилъ въ Тулѣ. Въ началѣ декабря принесли мнѣ съ почты письмо. Смотрю на надпись — рука незнакомая; смотрю на штемпель — Ор... Отъ кого бы это? Въ Ор... у меня ни души не было знакомой. Распечатываю и, не взглянувъ предварительно на надпись, читаю, приблизительно, вотъ что: «Я слышалъ, что вы живете гдѣ-то около Тулы, многоуважаемый Николай Петровичъ! Мнѣ бы очень хотѣлось побывать у васъ и повидаться съ вами. Въ концѣ декабря я буду проѣзжать черезъ Тулу и потому прошу васъ оставить свой адресъ въ Петербургской гостинницѣ, гдѣ я остановлюсь, и объяснить въ немъ подробно, какъ, по какой дорогѣ

и чрезъ какія селенія могу я доѣхать до вашей деревни. А еще было бы лучше, еслибы вы сами пріѣхали въ Тулу около 27 декабря. Въ настоящее время я, вмѣстѣ съ Александромъ Александровичемъ Б....овымъ, управляю въ Ор.. пьянымъ царствомъ.

Примите увѣреніе и пр. и пр.

преданный вамъ *В. Штукаревъ.*»

Это неожиданное письмо чрезвычайно обрадовало меня, обѣщая мнѣ скорое свиданіе съ тѣмъ, кто, будучи еще юношею, умѣлъ заставить меня полюбить и уважать себя. И много пріятнаго сулило мнѣ это свиданіе. Такъ какъ я думалъ прожить въ Тулѣ до января, то и отослалъ въ Петербургскую гостинницу адресъ моей тульской квартиры. 27 или 28 декабря, не припомню, въ восемь часовъ вечера явился ко мнѣ служитель изъ Петербургской гостинницы съ извѣстіемъ, что Василій Андроновичъ Штукаревъ сейчасъ пріѣхалъ въ Тулу и проситъ меня къ себѣ. Я поѣхалъ немедленно. Непритворна и взаимно-радостна была наша встрѣча. Распросивъ сперва меня съ видимымъ участіемъ о томъ, какъ я живу, что дѣлаю и что думаю дѣлать, Василій Андроновичъ сообщилъ мнѣ о себѣ слѣдующее:

Съ ноября онъ управлялъ, на особыхъ правахъ, ор...скимъ откупомъ, содержатель котораго оказался неисправнымъ въ отношеніи къ казнѣ. Теперь же онъ ѣхалъ въ С. Петербургъ съ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. «Я надѣюсь, прибавилъ онъ, что отдадутъ и еще много другихъ откуповъ въ мое распоряженіе, и потому мнѣ необходимы сотрудники для будущихъ моихъ дѣлъ. Можете ли вы свободно располагать собою и своимъ временемъ?»

— Я совершенно свободенъ, отвѣчалъ я.

— Такъ вступайте въ мои дѣла.

— Да вѣдь я не имѣю ни малѣйшаго понятія объ откупахъ.

— О, это ничего не значитъ! Съ вашею любознательностію, энергіею и настойчивостію вы скоро поймете и изучите эту откупную науку, которая далеко не такъ мудрена, какъ многіе о томъ думаютъ. Ну, что жь? Рѣшайтесь и дайте мнѣ слово, что не откажетесь отъ моего предложенія, когда я къ вамъ напишу, что нуждаюсь въ васъ,—человѣкѣ, котораго способности и высокую честность я давно понялъ и оцѣнилъ.

Я былъ въ раздумьи и въ большой нерѣшительности: мнѣ казалось и страшнымъ, и недобросовѣстнымъ приняться за дѣло,

вовсе для меня новое, чуждое, незнакомое. Между тѣмъ вошелъ человѣкъ и доложилъ, что лошади готовы.

— Перестаньте же упрямиться и рѣшайтесь поскорѣе; мнѣ пора ѣхать. Я предлагаю вамъ выгодное дѣло, которое можетъ обезпечить васъ навсегда. Ну, чего вы можете ожидать отъ своего деревенскаго хозяйства, гдѣ доходы собираются рублями да копѣйками? Это мелочь, недостойная предпріимчиваго человѣка. То ли дѣло откупа: тутъ обращаются десятки, сотни тысячъ и мильоны. Къ тому же я предлагаю вамъ быть—не управляющимъ откупомъ, а моимъ товарищемъ и участникомъ въ моихъ дѣлахъ. Ну, давайте же вашу руку, прибавилъ онъ, протянувъ мнѣ свою.

Машинально подалъ я ему свою руку, которую онъ крѣпко сжалъ, сказавъ:

— Итакъ рѣшено: вы принимаете мое предложеніе?

— Принимаю.

— И я смѣло могу разсчитывать на ваше содѣйствіе и надѣяться на то, что, впослѣдствіи, вы не откажетесь отъ моего предложенія?

— Можете разсчитывать и надѣяться.

Крѣпко обнялъ онъ меня, надѣлъ шубу и направился изъ комнаты къ санямъ. Я послѣдовалъ за нимъ на улицу, гдѣ мы еще разъ обнялись и поцаловались.

— Прощайте, дорогой Николай Петровичъ, до скораго свиданія! Изъ Петербурга я увѣдомлю васъ, когда и какъ вы должны будете приняться за дѣло.

И почтовая тройка помчалась, а я возвратился домой, гдѣ съ большимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидала меня жена и выслушала мой разсказъ о свиданіи съ Штукаревымъ. Все это было для насъ такъ неожиданно, такъ ново и необыкновенно, что мы не знали, должны ли мы были радоваться или печалиться. До тѣхъ поръ намъ не случалось имѣть сношеній ни съ однимъ изъ откупныхъ дѣятелей, которые представлялись намъ какими-то особенными существами, паріями порядочнаго общества; а питейныя конторы — грязными и смрадными вертепами, заглянуть въ которыя считалъ я стыдомъ для порядочнаго человѣка.

— Ахъ, Коля,—я боюсь за тебя: вѣдь откупной воздухъ будетъ отравою для твоей честной души, сказала мнѣ жена послѣ глубокаго раздумья. — И неужели мнѣ придется жить съ тобою

въ этомъ отвратительномъ гнѣздѣ, которое называютъ питейною конторою?

Тутъ прекрасное и кроткое лицо моей жены выразило сильнѣйшій ужасъ и отвращеніе.

— Но у насъ трое дѣтей, а состояніе очень небольшое, проговорилъ я самымъ грустнымъ голосомъ. — А Василій Андроновичъ обѣщаетъ мнѣ большія выгоды. Покоримся судьбѣ, и пожертвуемъ своими понятіями и привычками благосостоянію нашихъ дѣтей!

И снова глубокое и общее раздумье.

— Хорошо, сказала наконецъ моя жена, въ которой главными чертами были любовь и самоотверженіе. Да будетъ Его святая воля! Благословляю тебя, мой другъ! Благословляю на..... незнакомую тебѣ жизнь.

Жертва была принесена.

— Только слушай меня, Коля! Когда ты окончишь свои откупныя занятія, то долженъ будешь сейчасъ же отправиться за границу, чтобы провѣтриться и вывести изъ себя угарный запахъ сивухи, которымъ, воображаю, ты будешь пропитанъ!

И она смотрѣла мнѣ въ глаза съ такою нѣжностію, съ такимъ состраданіемъ; смотрѣла на меня, какъ на жертву, обреченную тяжкимъ испытаніямъ и самой непочетной службѣ, точно какъ бы я запродалъ себя нечистой силѣ.

Такъ понимали мы оба вступленіе мое на сцену откупной дѣятельности.

Увы! — чувствовала ли она тогда, что дни ея сочтены, что недолго придется мнѣ получать отъ нея совѣты и ласки, и что ей не суждено омрачить ясность своей непорочной души, вдыхая въ себя зачумленный воздухъ питейной конторы?

Болѣе четырнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и теперь, при одномъ воспоминаніи, жгучія слезы медленно сбѣгаютъ по моимъ щекамъ!...

Въ январѣ 1845 года переѣхалъ я изъ Тулы въ деревню. Январь и февраль прошли, а отъ Василья Андроновича вѣстей не было. Въ концѣ февраля жена моя занемогла, и повидимому самою неопасною болѣзнію — ревматизмомъ. Но кто имѣлъ несчастіе прибѣгать къ нашимъ провинціальнымъ эскулапамъ, тотъ согласится со мною, что, при пользованіи у нихъ, нѣтъ легкихъ и неопасныхъ болѣзней. Какъ у нѣкоторыхъ свирѣпыхъ

начальниковъ «каждая вина виновата», точно такъ же у провинціальныхъ эскулаповъ «каждая болѣзнь опасна», то есть они имѣютъ даръ — сдѣлать опасною, иногда смертельною, всякую незначительную болѣзнь, хоть маленькій прыщикъ на пальцѣ. Увы! — я два раза испыталъ это на близкихъ себѣ, и очень много разъ видѣлъ на другихъ.

И вотъ тульскій эскулапъ объявилъ мнѣ и женѣ моей, что нѣтъ ни малѣйшей опасности въ ея болѣзни. Оно и было бы такъ, когда бы ей поставили піявки, о чемъ она, по какому-то предчувствію, сама просила. Но эскулапъ давалъ ей какія-то микстурки. Надо сказать, что жена моя обладала крѣпкимъ сложеніемъ и превосходнымъ здоровьемъ. Въ продолженіе семи съ половиною лѣтъ супружества она ни разу не была серьёзно больна.

Марта 4-го, я получилъ наконецъ изъ Петербурга письмо отъ Штукарева; онъ писалъ, что всѣ планы его удались какъ нельзя лучше, что ему отдали въ распоряженіе еще много откуповъ въ Ор...ской и К...ской губерніяхъ и что, наконецъ, я долженъ, сейчасъ же по полученіи этого письма, отправиться въ Ор..., къ Александру Александровичу, который и введетъ меня въ откупное дѣло, давъ мнѣ въ управленіе одинъ изъ вновь поступившихъ къ нему откуповъ. Само собою разумѣется, что я не рѣшился «сейчасъ же» отправиться въ Ор...., хотя болѣзнь жены и продолжала не представлять никакой опасности. 5 и 6 марта положеніе жены было одинаково. Докторъ наѣзжалъ къ намъ изъ Тулы черезъ день, и именно 6-го вечеромъ, уѣзжая отъ насъ, возобновилъ свои увѣренія, что нѣтъ ни малѣйшей опасности. Насталъ наконецъ роковой для меня день 7-го марта. Утромъ жена не чувствовала перемѣны ни къ лучшему, ни къ худшему, и я не допускалъ еще и мысли объ опасности. Но въ полдень у нея сдѣлался бредъ; она начала забываться.... Вдругъ тогда,—и только тогда—меня озарило какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ и я, съ ужасомъ и смертельною тоскою неприготовленнаго къ казни человѣка, началъ сознавать возможность опасности. Я сейчасъ же послалъ тройку въ Тулу за докторомъ, потомъ лошадь за священникомъ и лошадь за фельдшеромъ къ ближнему сосѣду. Священникъ успѣлъ еще причастить мою жену, но фельдшеръ опоздалъ: пытался онъ бросить кровь изъ обѣихъ рукъ, но кровь не пошла. Вскорѣ Саша моя перестала узнавать меня: началась агонія, — и въ три часа по полудни тихо,

безъ страданій, перешла она въ вѣчность. Ревматизмъ палъ ей на легкое, образовалъ нарывъ, который и задушилъ ее...

Кто и какими словами въ состояніи изобразить весь ужасъ моего тогдашняго положенія? Въ деревнѣ, одинъ одинёшенекъ; около меня ни одного лица, ни одного слова утѣшительнаго; а передъ глазами бездыханное тѣло обожаемой жены, которая составляла мою радость, гордость, счастіе!...

Черезъ три дня послѣ ея смерти, за нею послѣдовала и наша младшая дочь, прелестный четырехъ-мѣсячный ребенокъ, котораго она сама кормила. Итакъ, въ три дня потерялъ я и жену, и дочь, похоронивъ ихъ въ одной общей могилѣ. Этого достаточно было бы для сокрушенія самого непоколебимаго мужества. Но я не палъ духомъ, не потерялся: сердце мое было истерзано, но голосъ долга громко и повелительно напоминалъ мнѣ, что я отецъ двухъ сиротъ, лишенныхъ навѣки заботливости матери. Невѣроятнымъ усиліемъ побѣдилъ я отчаяніе, твердо всталъ на ноги, сказалъ вѣчное и покорное прости прошедшему, — и дѣти мои были спасены отъ круглаго сиротства!

Я поспѣшилъ увѣдомить Штукарева о постигшемъ меня грозномъ несчастіи и просилъ у него отсрочки для явки моей въ ор...кую питейную контору, по той причинѣ, что прежде слѣдовало мнѣ пристроить своихъ дѣтей: — шестилѣтнюю дочь и полутора-годоваго сына. Штукаревъ не замедлилъ отвѣчать и разрѣшилъ мнѣ безсрочную отсрочку для устройства моихъ дѣтей, изъявляя притомъ живѣйшее соболѣзнованіе о моей судьбѣ.

Въ маѣ отвезъ я сына своего къ его бабушкѣ, моей тещѣ, въ Нижегородскую губернію. Оттуда въ іюнѣ проѣхалъ я въ Петербургъ, гдѣ оставилъ дочь свою у ея старшаго и женатаго дяди, Б...тина, который служилъ въ одномъ изъ министерствъ. Наконецъ въ іюлѣ явился я въ ор....кую питейную контору къ Б.....ову; но Штукарева не нашелъ тамъ: онъ уѣхалъ снова въ Петербургъ. Итакъ, я въ питейной конторѣ, и эта ор..ская питейная контора должна была сдѣлаться для меня школою, а Б....овъ учителемъ откупной науки! Какова была эта школа и въ особенности каковъ былъ этотъ учитель, я постараюсь дать нѣкоторое о томъ понятіе. Начну съ учителя.

Александръ Александровичъ Б....овъ служилъ когда-то въ гусарахъ, былъ за что-то сосланъ на Аландскіе острова, знавалъ Пушкина, Жуковскаго и многихъ другихъ поэтовъ, да и самъ пописывалъ стишки и даже печатывалъ ихъ въ какомъ-то

альманахѣ. Потомъ, какъ обыкновенно бываетъ съ большею частію россійскихъ столбовыхъ и нестолбовыхъ дворянъ средней руки, вышелъ въ отставку, женился на очень красивой барышнѣ и поселился въ деревнѣ, въ которой было у него сто душъ. Къ этимъ ста ревизскимъ душамъ присоединилъ онъ вскорѣ еще сто—борзыхъ и гончихъ собакъ, съ доѣзжачимъ и стремянными, разумѣется. Потомъ, какъ подобаетъ мужу очень красивой и здоровой жены, завелся и ребятишками. Но мѣстная хроника гласитъ, что нашъ ex-гусаръ и quasi-поэтъ заботился всегда гораздо болѣе о благосостояніи своихъ борзыхъ и гончихъ, нежели о своихъ ревизскихъ душахъ, о своей красивой и здоровой женѣ и о своихъ законныхъ ребятишкахъ.

Вслѣдствіе такой излишней заботливости о борзыхъ и гончихъ ex-гусаръ поразстроился въ своихъ дѣлахъ до того, что долженъ былъ искать частной службы, которую вскорѣ и нашелъ, благодаря нѣкоторымъ счастливымъ шансамъ своей семейной обстановки. Онъ поступилъ въ управляющіе дѣлами къ одному пожилому холостяку, тоже ex-кавалеристу, а потомъ откупщику, очень богатому, хотя и не совсѣмъ тароватому, который любилъ и умѣлъ собирать деньги и десятками тысячъ, и тысячами, и рублями, и копѣйками, и который, по тѣлосложенію своему, будучи великимъ сибаритомъ и любителемъ всякихъ сладостей жизни, а въ отношеніи духовномъ обладая большими экономическими способностями, старался пріобрѣтать эти сладости, сколько возможно дешевле, торгуясь до нельзя на каждое большое и маленькое наслажденіе. Вотъ что значитъ сила привычки къ «торгамъ и переторжкамъ!» Впрочемъ это былъ очень хорошій человѣкъ, и баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Долго ли, коротко ли нашъ guasi-поэтъ управлялъ дѣлами разсчетливаго сибарита, это для насъ все равно; но важно намъ узнать то, что онъ когда-то оказалъ покровительство неизвѣстному еще тогда Василью Андроновичу Штукареву. Потомъ ex-кавалеристы не поладили между собою и разстались: поэтъ возвратился въ свою деревню и снова взялъ въ руки бразды правленія въ царствѣ Немврода; а сибаритъ продолжалъ попрежнему отыскивать и пріобрѣтать жизненныя сладости какъ можно дешевле, не выпуская впрочемъ никогда изъ рукъ бразды правленія въ царствѣ Бахуса, доставшемся ему въ силу сенатской переторжки. А такъ какъ въ началѣ своей откупной дѣятельности Василій Андроновичъ не считалъ благодарность из-

лишнею роскошью, или даже глупостію, то вступивъ въ управленіе ор...скимъ откупомъ, онъ вспомнилъ о Б....овѣ, своемъ бывшемъ покровителѣ, и, выписавъ его въ Ор...., сдѣлалъ своимъ сотрудникомъ, соучастникомъ, своимъ alter ego, предоставивъ въ полное его распоряженіе и ор...ской и всѣ прочіе откупа, отданные ему въ то время. Познакомившись съ исторіею Б...ова, взглянемъ теперь на его курьёзную личность и на систему его управленія откупами.

Личность эта была одна изъ самыхъ непривлекательныхъ для всякаго, въ комъ только было развито нравственное и эстетическое чувство. Вотъ фотографическій снимокъ съ этой личности. Въ физическомъ отношеніи: человѣкъ средняго роста и среднихъ лѣтъ, но чрезвычайно моложавый, свѣжій, румяный, одаренный необыкновенно-крѣпкимъ здоровьемъ и неутомимою, лихорадочною подвижностію. Звукъ голоса — самый рѣзкій, непріятный, крикливый, способный произвести истерику у женщины даже не очень нервной; а къ этому присоединялось еще самое образцовое картавое произношеніе, какъ напримѣръ:

«У меня, бьятъ, не дьемьи! Я тебя, юбезный дьюгъ, запьячу туда, куда Макай тейятъ не гоняй!»

Прибавьте къ этому манеры невѣроятныя, невиданныя и недопускаемыя даже въ полупорядочномъ обществѣ. И трудно было рѣшить: манеры ли эти были созданы для питейныхъ конторъ и кабаковъ, или кабаки и питейныя конторы созданы были для такихъ манеръ?... Теперь отъ физической перейдемъ къ нравственной, или, вѣрнѣе, къ безнравственной сторонѣ незабвеннаго Айександья Айександьича.

Ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было нравственности въ этомъ олицетвореніи самаго грубаго, самаго грязнаго цинизма!... Умъ — довольно острый и оригинальный, но совершенно сбитый съ толку самыми превратными, кривыми понятіями; умъ, не признававшій ничего возвышеннаго, насмѣхавшійся надъ всѣмъ и надъ всѣми и готовый посягнуть на все, что для другихъ было почетно, свято и дорого. Характеръ — неукротимо буйный, дерзкій и разражительный. Однимъ словомъ,—нравственное безобразіе, соединенное съ грубымъ и грязнымъ развратомъ, съ отвратительными страстями и привычками!...

Вотъ каковъ былъ сотрудникъ, соучастникъ, намѣстникъ, alter ego Василья Андроновича. Теперь обратимся къ системѣ его откупнаго управленія.

Систему эту составляло нѣчто въ родѣ откупнаго «терроризма». Главными двигателями этой системы были—безпрестанная брань, угрозы, неистовый крикъ и ругательства, не находящіяся ни въ одномъ печатномъ лексиконѣ. Это, по мнѣнію Александра Александрыча, были только пальятивныя, мягкія средства. Болѣе же дѣйствительныя, радикальныя состояли изъ огромнаго числа такихъ мѣръ и дѣйствій, которыя подробно описывать здѣсь было бы и трудно, и тошно. Упомяну о нихъ только вкратцѣ; вотъ эти радикальныя средства: кулаки, палки, нагайки, плюхи, затрещины, тумаки, фонари подъ глазами, потасовки, выбиваніе зубовъ, скулъ, избіеніе до нельзя нагайкою и цаловальниковъ, и повѣренныхъ, и даже постороннихъ, не служащихъ въ откупѣ людей, а только подвернувшихся подъ пьяную руку сотоварища Василья Андроновича. Но этотъ укротитель откупнаго зла имѣлъ притязаніе быть не однимъ только человѣкомъ грубой силы; онъ хотѣлъ еще прослыть за тонкаго политика и дипломата. Основаніемъ и сущностію его политики и дипломаціи было самое размашистое хлѣбосольство. Для этого двери о...вской, да и всѣхъ прочихъ питейныхъ конторъ, когда въ нихъ наѣзжалъ нашъ extra-политикъ и дипломатъ, растворялись настежь передъ каждымъ отчаяннымъ аматеромъ обжорства, попоекъ и кутежа. Особливо въ ор...ской конторѣ почти ежедневно собиралась самая разнокалиберная компанія. Чего и кого тутъ не было!... и городовой сухопарый врачъ, и жирный, краснощокій частный приставъ, и аптекарь, бѣлобрысый нѣмецъ, и водочный мастеръ неизвѣстнаго происхожденія, и нѣсколько чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ откупу, и нѣкоторые изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, отставные драбанты, охотники до даровыхъ попоекъ и до неистовой кутии, и наконецъ нѣсколько такихъ лицъ, для которыхъ не придумано еще названій и разрядовъ.

Для бо̀льшей исторической вѣрности разсказа и полноты картины, слѣдуетъ еще упомянуть объ одной весьма рельефной личности, которую Василій Андроновичъ привезъ съ собою изъ Петербурга и помѣстилъ въ ор...скомъ откупѣ. Но съ какою цѣлью, на какой предметъ,—этого я еще до сихъ поръ не могъ себѣ растолковать; развѣ для того только, чтобы предсѣдательствовать на попойкахъ и оргіяхъ въ ор...ской и прочихъ конторахъ, да заказывать завтраки, обѣды и ужины, для чего у этой привозной личности былъ огромный талантъ; или наконецъ

для того, чтобы писать и потомъ распѣвать густѣйшимъ, лаблашевскимъ басомъ куплеты на ор...скія власти и даже на самаго себя, какъ напримѣръ:

«Яковъ Ѳедосѣичъ
Пьянъ завсегда;
Пьетъ онъ ерофѣичъ,
Ромъ — иногда.»

Впрочемъ эта личность—былъ человѣкъ очень умный, пріятный, академикъ и талантливый живописецъ, теперь уже покойникъ, а когда-то хорошо извѣстный всему Петербургу. Но, увы! это былъ самый горькій, самый неисправимый пьяница.

Тоже для полноты картины, упомяну еще объ одномъ лицѣ, которое нашелъ я въ конторѣ: это молоденькій, полненькій, румяный и очень смазливый черкесъ, привезенный Б...овымъ въ ор...скую контору съ коренной ярмарки изъ одного страннопріимнаго дома. Черкесъ этотъ носилъ имя «Каролинхенъ» и состоялъ «по особымъ порученіямъ» при особѣ Б...ова.

Итакъ вотъ въ какую школу и къ какому учителю попалъ я изъ моего тихаго, деревенскаго пріюта. Пророчески справедливы были опасенія моей покойной жены. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что все видѣнное мною и происходившее тогда въ ор...скомъ и прочихъ откупахъ, бывшихъ въ коммиссіонерствѣ у Штукарева и находившихся подъ скандалезнымъ управленіемъ Б...ова, составляло исключительную привиллегію этихъ коммиссіонерствъ и, вѣроятно, надолго сохранится въ памяти мѣстныхъ жителей, наравнѣ съ чумой, холерой, Пугачовщиной и прочими народными бѣдствіями.

ГЛАВА III.

ЧТЕНІЕ ЛЕКЦІЙ ОТКУПНОЙ НАУКИ, ПО МЕТОДѢ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЙ И ПРИВИЛЛЕГИРОВАННОЙ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»
ГРИБОѢДОВЪ.

Въ самый день моего пріѣзда въ Ор..., я нашелъ питейную контору наполненную разнымъ сбродомъ, окружавшимъ большой круглый столъ, ничѣмъ не покрытый, но весь уставленный

бутылками, графинами и штофами съ хересами, мадерами, очищеннымъ, настойками и наливками, и разными соленостями и холодными яствами. Б.....овъ встрѣтилъ меня очень любезно и радушно и предложилъ сейчасъ же приняться за изученіе откупной науки на самомъ дѣлѣ, потому что онъ въ тотъ же день долженъ былъ отправиться для объѣзда и обзора всѣхъ ор...скихъ откуповъ. Найденная мною въ конторѣ пестрая толпа собралась туда справлять проводы Александру Александровичу, а вѣрнѣе— для истребленія всего того, чѣмъ обыкновенно уставлялся большой круглый конторскій столъ въ подобныхъ случаяхъ. Провожальный завтракъ заключился распитіемъ множества бутылокъ плохаго шампанскаго и куплетами, сочиненными и пропѣтыми Яковомъ Ѳедосѣичемъ.

По окончаніи завтрака, подали къ крыльцу конторы два тарантаса, запряженныхъ лихими тройками. Въ одномъ изъ нихъ помѣстились Б....овъ, я, и между нами черкесъ Каролинхенъ; а въ другомъ — Яковъ Ѳедосѣичъ, его сынъ 15-ти лѣтній мальчикъ, присутствіе котораго въ питейной конторѣ я тоже не могъ себѣ объяснить, и наконецъ повѣренный. На козлахъ размѣстились два безсрочно-отпускныхъ солдата, усачи съ атлетичесскими формами,—это была почетная стража, тѣлохранители бурнаго Александра Александровича, родъ древнихъ римскихъ ликторовъ, но только вооруженные не топорами и розгами, а нагайками, висѣвшими у нихъ черезъ плечо. Самъ же Александръ Александровичъ былъ вооруженъ и нагайкою черезъ плечо, и палкою въ рукахъ, которыми онъ владѣлъ превосходно, упражняясь ими очень часто и поочередно, ad libitum, на спинахъ прогнѣвавшихъ его питейныхъ индивидуумовъ. Снаряженіе нашей откупной экспедиціи было дополнено ящикомъ съ бутылками хереса, шампанскаго, рома, различныхъ водокъ, и другимъ ящикомъ съ балыкомъ, икрой, колбасой, сыромъ, бѣлымъ и пеклеваннымъ хлѣбомъ.

Все готово; раздалось—«пошелъ!»—и мы помчались во всю прыть по дорогѣ въ Сѣ..... Путешествіе наше, какъ это будетъ видно впослѣдствіи, можно было бы довольно вѣрно сравнить съ появленіемъ баши-бузуковъ между христіанскими населеніями Оттоманской Порты, или опричниковъ на улицахъ древней Москвы.

Отъѣхали верстъ десять; стой!—кабакъ. Тарантасы остановились; сидѣвшіе въ нихъ поспѣшно выскочили и гурьбой ввали-

лись въ кабакъ. Изба довольно просторная, свѣтлая и опрятная. За стойкою стоялъ молодой сидѣлецъ; предъ стойкою—тоже молодой парень. Александръ Александровичъ, какъ ураганъ налетѣлъ на стоявшаго предъ стойкою молодаго парня и принялся отпускать ему полновѣсные удары палкою по спинѣ, плечамъ и по чему попало, приговаривая: «а, мейзавецъ, вой! Попайся!.. Вотъ я тебя пьяучу, какъ дѣять недоимки!» и пошелъ, и пошелъ.....

Фу ты, Боже мой, что̀ за артистъ былъ Айександъ Айександьичъ! Что за вдохновенный виртуозъ по части палокъ и нагаекъ!...

Но вдохновенiе его скоро было прервано,—на самое короткое время, разумѣется: послѣ десяти или пятнадцати ударовъ палка изломалась. Тогда онъ взялся за нагайку, приказавъ сперва двумъ своимъ ликторамъ, т. е. атлетическимъ усачамъ растянуть на глиняномъ полу и держать крѣпко несчастнаго. Самъ же принялся работать нагайкою съ увлеченiемъ, съ одушевленiемъ, съ «експрессiею» — достойными лучшаго назначенiя.

Тутъ, какъ изволите видѣть, и судъ и расправа производились въ одно и то же время, однимъ и тѣмъ же лицомъ; и нашъ ех-гусаръ и quasi-поэтъ любилъ исправлять самъ должность палача.

Истязанiе длилось долго и было неистово, подъ влiянiемъ еще не испарившихся хересовъ и водокъ.

Я былъ въ остолбѣненiи и едва вѣрилъ глазамъ.

Наконецъ профессоръ усталъ,—рука его опустилась, нагайка изъ нея выпала, раздирающiе вопли и стоны истязаемаго замолкли; слышно было только глухое всхлипыванiе. Но этимъ еще не окончился «первый откупной урокъ» данный мнѣ Б.....овымъ. Переведя немного духъ, онъ бросился на стоявшаго за стойкою сидѣльца и совершилъ на его спинѣ второе изданiе перваго урока, изданiе «исправленное и умноженное».

Я не дождался и выбѣжалъ изъ кабака къ тарантасу, съ отвращенiемъ и негодованiемъ въ душѣ.

«Ай да Василiй Андроновичъ! подумалъ я. Вотъ къ какимъ почетнымъ и прiятнымъ занятiямъ пригласилъ онъ меня! Какъ видно, въ этихъ занятiяхъ, болѣе «достойныхъ предпрiимчиваго человѣка», обращаются—не одни десятки, сотни тысячъ и мильоны рублей, но и удары палокъ и нагаекъ въ несмѣтномъ количествѣ!»... Въ этихъ послѣднихъ цифрахъ никогда не было недовыручекъ у незабвеннаго Александра Александровича.

Вышла наконецъ изъ кабака и вся толпа, предшествуемая своимъ начальникомъ, который, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился ко мнѣ съ веселою, непринужденною улыбкою и сказалъ, потирая руки:

— Ну что? отчего вы ушьи? Не пьивыкьи еще? Пьивыкнете! 'Тои еще будетъ! Надо хайяшенько учить этихъ вoйовъ, мейзавцевъ!

Теперь слѣдуетъ объяснить, для чего и почему происходило это мамаево побоище. Парень, стоявшій въ кабакѣ передъ стойкою, былъ незадолго предъ тѣмъ сидѣльцемъ въ этомъ же самомъ питейномъ домѣ, сдѣлалъ три рубля недоимки и бѣжалъ. Стало быть, слѣдовало непремѣнно наказать бывшаго сидѣльца за то, «что онъ сдѣлалъ недоимку и бѣжалъ», а настоящаго—для того, «чтобы онъ не сдѣлалъ недоимки и не бѣжалъ».

Самая откупная, убѣдительная логика и самый мудрый, справедливый судъ!... но Соломоновъ или Шемякинъ, — рѣшите сами... Впрочемъ все зависитъ отъ того, кто съ какой точки зрѣнія будетъ смотрѣть на вещи. Вѣдь нынѣ найдено и придумано столько различныхъ точекъ зрѣнія для всякихъ откупныхъ и неоткупныхъ продѣлокъ, что бѣдное человѣчество скоро совсѣмъ собьется съ толку и растеряетъ послѣдній свой здравый смыслъ, среди этого мильона точекъ зрѣнія.

Вотъ, для примѣра, возьмемъ хоть какого нибудь важнаго, великолѣпнаго откупщика-мильонера и взглянемъ на него «съ нашей точки зрѣнія». Вчера удалось ему взять много откуповъ, въ которыхъ онъ утопаетъ, — не въ винѣ, нѣтъ!... Откупщики не тонутъ ни въ винѣ, ни въ водѣ, а развѣ только въ возрастающихъ недовыручкахъ и въ постоянномъ недоборѣ. — Итакъ положимъ, что этотъ откупщикъ-мильонеръ утопаетъ въ блаженствѣ громадныхъ перевыручекъ и перебора; тогда, по его мнѣнію, откупа—вещь отличная, гуманная: вотъ вамъ первая «точка зрѣнія на откупа». А сегодня тотъ же самый откупщикъ выбылъ изъ откуповъ и смертельно скучаетъ отъ бездѣйствія, страдаетъ отъ жажды гласности: тогда, по его мнѣнію, откупа—вещь скверная, антигуманная,—долой ихъ; вотъ вамъ и «другая точка зрѣнія на откупа.» И такимъ образомъ стоитъ только поналовчиться, и для всякаго предмета и дѣла можно найти десятки точекъ зрѣнія, съ помощію которыхъ очень легко сдѣлать черное—бѣлымъ, а бѣлое—чернымъ. Такъ обыкновенно и поступаютъ откупные тузы. И у многихъ изъ нихъ вся премудрость

откупная и даже неоткупная составлена именно изъ одних ъ «точекъ зрѣнія». Но отъ этихъ точекъ, откупныхъ и неоткупныхъ, возвращусь къ нашему баши-бузукскому путешествію.

Прочитавъ передо мною эту первую лекцію новой откупной науки, по методѣ имъ же самимъ изобрѣтенной, усовершенствованной и привиллегированной, прочитавъ не на каѳедрѣ, а на спинахъ двухъ беззащитныхъ парней,—учитель мой приказалъ достать изъ тарантаса завѣтный ящикъ съ питіями и проглотилъ рюмки двѣ водки, а потомъ стакана два хересу для того, чтобы возстановить свои силы и свое вдохновеніе, необходимыя для прочтенія мнѣ второй лекціи, при первомъ удобномъ случаѣ, на пріисканіе которыхъ онъ былъ великій мастеръ. Учитель мой, какъ видите, тоже придерживался правила свирѣпыхъ начальниковъ: «всякая вина виновата.» По исполненіи этого обряда возліяній, наблюдаемаго имъ съ точностію при наступленіи каждаго изъ многочисленныхъ адмиральскихъ часовъ его дня, Б....овъ снова усѣлся въ тарантасъ. Примѣру его послѣдовала вся наша компанія. Раздался пронзительный «пошелъ!»,—колокольчики зазвенѣли и мы снова поскакали во всю лошадиную прыть.

Отъѣхавъ еще верстъ десять, мы перемѣнили лошадей, и при этомъ случаѣ снова былъ соблюденъ адмиральскій часъ. Потомъ проѣхали мы еще двѣ станціи, съ двумя адмиральскими часами, и остановились передъ питейнымъ домомъ. Б—овъ рѣшилъ — прочитать мнѣ тутъ вторую лекцію откупной науки.

Послѣ самаго жаркаго іюльскаго дня наступилъ уже вечеръ. Мы вошли въ кабакъ, тѣсный, душный и грязный. Б—овъ докуривалъ трубку и держалъ въ рукѣ черешневый чубукъ. Вмѣсто цаловальника, за стойкою стояла его жена, молодая женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Гдѣ сидѣецъ? грозно спросилъ мой учитель.

— Пошелъ купаться, отвѣчала жена сидѣльца.

— Йжешь, мейзавка, дьянь! Не купаться, а мошенничать пошей онъ; навѣйное дѣяетъ свой йозьивъ (*), негодяйка ты эдакая!

— Да за что же вы ругаетесь? возразила сидѣльчиха довольно смѣло.

(*) Навѣрное «дѣлаетъ свой розливъ.» Въ этомъ состоитъ одна изъ обыкновенныхъ плутней сидѣльцевъ.

— Ка-а-акъ! Что-о-о! ты смѣешь гьюбіянить, — закричалъ, аки левъ, мой учитель. — Вотъ я же тебя пьяучу, негодная!

И съ этимъ словомъ онъ принялся «пьяучивать»: въ одинъ прыжокъ очутился онъ за стойкою кабака, и сейчасъ же раздались удары чубука, сыпавшіеся на бѣдную женщину. Я бросился къ Б....ову и старался вырвать у него чубукъ, говоря: перестаньте, стыдитесь, что̀ вы дѣлаете!

Въ то самое время, когда я старался вырвать чубукъ изъ его рукъ, вошелъ въ питейный домъ самъ сидѣлецъ, съ мокрыми волосами на головѣ и на бородѣ, и въ мокрой, приставшей къ тѣлу рубашкѣ, то есть съ явными доказательствами справедливости показаній сидѣльчихи насчетъ купанья мужа.

— А-а-а, мейзавецъ! наконецъ ты пьишой! Вотъ я тебя пьяучу! завопилъ Б....овъ, увидавъ вошедшаго сидѣльца. И бросивъ жену, онъ принялся «пьяучивать» мужа!...

Невозможно описать послѣдовавшую затѣмъ сцену невообразимаго смятенія и хаоса. Нагайка заступила мѣсто изломаннаго чубука.

И я, и Яковъ Ѳедосѣичъ, и его сынъ пытались сперва урезонить, усовѣстить, а потомъ остановить руку съ нагайкою Б....ова, бѣшенный пароксизмъ котораго достигъ уже той степени силы, вслѣдъ за которою должна начинаться гидрофобія, то есть — настоящее бѣшенство. Только послѣ многихъ тщетныхъ усилій удалась наша попытка: ураганъ затихъ, рука Б....ова опустилась, скорѣе отъ утомленія, чѣмъ отъ жалости, которая была ему незнакома въ отношеніи людей, — но не въ отношеніи борзыхъ и гончихъ, къ которымъ онъ былъ чрезвычайно сострадателенъ.

Такъ произошла и кончилась вторая лекція откупной науки, которую преподавать мнѣ взялся Б....овъ, соучастникъ и alter-ego Василья Андроновича Штукарева.

Ограничусь описаніемъ этихъ двухъ сценъ, которыя могутъ дать ясное понятіе о томъ, что̀ и какъ происходило въ откупахъ Штукарева въ 1845 году.

Путешествіе наше продолжалось около мѣсяца. Мы объѣхали пять откуповъ. Побоищъ было много. Въ окончательномъ же результатѣ объѣзда и обзора откуповъ было множество жалобъ, поданныхъ на Б....ова Ор...скому губернатору, а вслѣдъ за жалобами возникло и множество дѣлъ, затѣянныхъ Александру Александровичу и ор...ской питейной конторѣ.

Вотъ какое образцовое было управленіе Б....ова, котораго Василій Андроновичъ такъ любилъ, не переставая благодѣтельствовать ему до самой его смерти, послѣдовавшей, если не ошибаюсь, въ 1854 году!

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Ор... изъ путешествія, которое произвело во мнѣ сильнѣйшее отвращеніе къ откупнымъ занятіямъ, я получилъ изъ Петербурга письмо отъ Штукарева; онъ писалъ, чтобы я поспѣшилъ пріѣхать туда, ибо онъ имѣетъ въ виду дать мнѣ два отдѣльные откупа....

Не теряя ни минуты, я оставилъ ор...скую питейную контору. И какъ легко вздохнулъ я, выѣхавъ за заставу города! Казалось, я избавился отъ тяжелаго кошмара или проснулся отъ долгаго сна, во время котораго снились мнѣ самыя страшныя и отвратительныя гадости и чертовщина.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я не скрылъ отъ Штукарева тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на меня ор...ская контора и вся система тамошняго управленія, и потомъ разсказалъ ему нѣкоторые эпизоды этого пресловутаго управленія. Василій Андроновичъ пожалъ плечами и промолвилъ:

— Нечего дѣлать! Видно пришла пора положить конецъ всѣмъ этимъ «убиваніямъ.»

Василій Андроновичъ любилъ иногда выражаться живописно и метафорически. Подъ словомъ «убивать» онъ разумѣлъ все то, что было слѣдствіемъ несдерживаемой вспыльчивости и неукротимаго гнѣва. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого свиданія и разговора, Б....ова уже не было въ Ор..,—онъ возвратился въ свою деревню — къ женѣ, дѣтямъ и собакамъ. Вскорѣ отъѣзжее поле утѣшило его въ потерѣ «пьянаго ор...скаго царства.» О томъ же, что сталось съ черкесомъ Каролинхенъ, современные ор...скіе лѣтописцы умалчиваютъ.

Недѣли двѣ прожилъ я въ Петербургѣ. Семейства моего шурина, Б—тина, стало быть, и моей дочери тамъ не было: они проводили лѣто въ Гельзингфорсѣ, откуда не возвратились еще. Василій Андроновичъ былъ со мною до-нельзя любезенъ, ласковъ, предупредителенъ. Онъ выказалъ мнѣ столько участія, такъ желалъ сдѣлать мнѣ добро, что я съ каждымъ днемъ начиналъ сильнѣе къ нему привязываться. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ онъ представилъ меня министру, какъ своего сотрудника. Дѣло шло о двухъ неисправныхъ откупахъ Вятской губерніи — Елабугѣ и Глазовѣ, которые должны были посту-

пить въ мое распоряженіе, при половинномъ участіи въ нихъ Василья Андроновича. Просьба на сей предметъ лично подана была мною министру, который сказалъ мнѣ:

— Надѣюсь, что вы оправдаете рекомендацію г. Штукарева.

Я поклонился и затѣмъ вышелъ изъ кабинета министра.

Но надежды мои на независимую откупную дѣятельность были непродолжительны, и вятскіе откупа сдѣлались для меня миѳомъ или пуфомъ. Почему и какъ, — это долго разсказывать. Въ началѣ сентября выѣхалъ я изъ Петербурга, вмѣстѣ съ Васильемъ Андроновичемъ и цѣлою компаніею его помощниковъ или просто знакомыхъ. Мы взяли цѣлый дилижансъ первоначальнаго заведенія, и путешествіе наше изъ Петербурга въ Москву было одно изъ самыхъ веселыхъ и пріятнѣйшихъ.

Изъ Москвы, гдѣ мы пробыли недолго, Штукаревъ поѣхалъ въ Ор..., а я сперва заѣхалъ въ тульскую деревню—поклониться праху моей Саши и поплакать надъ ея раннею могилою. Потомъ я снова очутился въ о...ской питейной конторѣ. Но какую огромную перемѣну нашелъ я въ ней: все было чинно, тихо, добропорядочно. Ни слѣда, ни тѣни прежнихъ оргій, буйства и побіеній. Въ управленіе ор...скими и к..скими дѣлами послѣ Б...ова вступилъ И. Ѳ. М...товъ, человѣкъ добрѣйшей и благороднѣйшей души, умный, и превосходно практически-знающій откупное дѣло. Разумѣется, система его откупнаго управленія нисколько не походила на пресловутую систему «ех-гусара и quasi-поэта» и во многомъ была діаметрально ей противоположна.

Забылъ упомянуть о Яковѣ Ѳедосѣичѣ: онъ съ сыномъ своимъ сейчасъ по отъѣздѣ Б...ова изъ Ор.., возвратился въ Петербургъ къ своей женѣ—помогать ей окончить иконостасъ, который заказанъ былъ ему нѣсколько лѣтъ донскими казаками. Хотя Яковъ Ѳедосѣичъ и не принесъ никакой пользы для ор...скихъ откуповъ, но Василій Андроновичъ, по своей щедрой, широкой натурѣ, назначилъ довольно значительное ежемѣсячное пособіе его семейству. Впрочемъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Ор..., и повсюду, Василій Андроновичъ сорилъ деньгами, выказывалъ къ нимъ какое-то рыцарское равнодушіе, чтобы не сказать презрѣніе. Ни одной открытой имъ нужды не оставлялъ онъ безъ помощи, ни одного встрѣченнаго горя безъ утѣшенія. Благодаренія и благословенія слѣдовали за нимъ всю-

ду. Служащихъ у себя,—не говорю уже о его помощникахъ и сотрудникахъ,—награждалъ онъ щедро, по-царски. Дѣлать добро безъ всякой задней мысли, помогать всѣмъ и каждому безъ малѣйшаго разсчета было тогда, какъ мнѣ казалось, главною потребностію души Василья Андроновича, необходимою стихіею его жизни.

Все это было для меня такъ ново, казалось мнѣ столь необычайнымъ, такъ далеко выходящимъ изъ уровня обыкновенной, мелочной, щепетильной благотворительности, которая часто съёживается и торгуется, когда предстоитъ ей хоть мало-мальски значительное пожертвованіе, и которая, наконецъ, сдѣлавъ добра на копѣйку, хвастаетъ на цѣлые рубли!... И какая необъятная разница была тогда между нимъ и всѣми прочими откупщиками, особливо стараго покроя. Это былъ — гигантъ съ широкими и далекими взглядами среди близорукихъ пигмеевъ. Постепенно и невольно я былъ ослѣпленъ, увлеченъ, покоренъ Васильемъ Андроновичемъ, и наконецъ склонился передъ нимъ, какъ передъ необыкновеннымъ феноменомъ, являющимся только въ высшихъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Обаяніе было полное, способное увлечь даже самаго закоренѣлаго скептика.

О, еслибы навсегда остаться мнѣ при такихъ понятіяхъ, при такихъ отрадныхъ вѣрованіяхъ! Но ничего нѣтъ прочнаго, а тѣмъ болѣе ничего нѣтъ «неизмѣняемаго» на землѣ вообще, а въ мірѣ откупномъ въ особенности. Дорого поплатился я впослѣдствіи за мое слѣпое, ребяческое вѣрованіе въ эту «неизмѣнность»! Но не буду забѣгать впередъ и возвращусь къ хронологическому порядку моего разсказа.

Недѣли двѣ прожилъ я въ ор—ской конторѣ безъ всякаго назначенія, безъ малѣйшаго занятія, и начиналъ уже считать себя лишнимъ, ненужнымъ для дѣлъ Василья Андроновича. И вотъ однажды онъ объявилъ мнѣ, что, въ замѣнъ Елабуги и Глазова, онъ назначаетъ мнѣ Щи..., и даетъ мнѣ въ этомъ откупѣ *двадцать-пять паевъ*.

Съ величайшею благодарностію принялъ я это новое предложеніе, которое считалъ огромнымъ для меня благодѣяніемъ со стороны Василья Андроновича. Онъ самъ хотѣлъ водворить меня въ откупѣ и ввести въ дѣло. Въ половинѣ сентября отправились мы съ нимъ въ Щи..., гдѣ управлялъ откупомъ нѣкто Свѣ—ковъ, рутинеръ старой откупной школы, но знавшій свое дѣло. Онъ былъ оставленъ въ своей должности, для того, чтобы по-

свящать меня во всѣ подробности и тайны довольно сложнаго механизма откупнаго управленія.

Не болѣе сутокъ Василій Андроновичъ пробылъ въ Щи... и уѣхалъ въ Су.... Сердце мое было переполнено чувствами удивленія, уваженія, благодарности и любви. Все это требовало изліянія, просилось высказаться, но не успѣло, по случаю краткаго пребыванія со мною въ Щи... того, кто возбудилъ во мнѣ эти чувства. Къ тому же Василій Андроновичъ обѣщалъ заѣхать ко мнѣ на возвратномъ пути изъ Су.... Съ невыразимымъ, лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этого заѣзда; а между тѣмъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ рвеніемъ, входя во всѣ его мелочи, изучая малѣйшія его подробности, съ тѣмъ увлеченіемъ и настойчивостію, на которыя былъ я способенъ и которыя доказалъ потомъ. Но ожиданія мои не сбылись. Василій Андроновичъ прислалъ мнѣ изъ Су..., вмѣсто себя, ящикъ отличнаго крымскаго бордо изъ садовъ князя Воронцова и письмо, самое теплое, задушевное, и проѣхалъ прямо въ Ор.... Письмо это было искрою, упавшею въ порохъ. Послѣдовалъ взрывъ — и потекла лава самыхъ кипучихъ и нѣжныхъ изліяній. Но описаніе этого особеннаго рода изверженія, нисколько не похожаго на изверженія Этны или Везувія, хоть сестра моя и дала мнѣ когда-то названіе «Аммалата Везувьевича», — описаніе это войдетъ въ слѣдующую главу моего разсказа.

ГЛАВА IV.

САНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ, ИЗЛОЖЕННАЯ ПО ДОКУМЕНТАМЪ.—НОВАЯ СЕРДЕЧНАЯ ВСТРѢЧА.

«Дружба дружбой, а служба службой. Чѣмъ крѣпче дружба, тѣмъ тщательнѣе должна быть высказана любовь къ дѣлу, съ засвидѣтельствованіемъ ея результатами въ чистыхъ рубляхъ.»
(Изъ сочиненій В. А. Штукарева).

«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты».
ПУШКИНЪ.

Документъ первый.

Это — письмо, которое написалъ я къ Василью Андроновичу въ Ор..., подъ вліяніемъ восторженнаго настроенія моихъ чувствъ и мыслей.

Письмо это состояло изъ двухъ частей: въ первой, названной мною «оффиціальною», я говорилъ о дѣлѣ, которое начиналъ уже хорошо понимать, и излагалъ въ этой части мои взгляды на откупа и мои мнѣнія насчетъ того, какъ слѣдуетъ вести дѣло. Пропускаю эти страницы и помѣщаю здѣсь остальныя; вотъ онѣ:

ЧАСТЬ II, НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ (ИСПОВѢДЬ СЕРДЦА).

«Никогда языкъ мой не пошевелится сказать то, чего нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Пусть губернскій франтъ или дамскій угодникъ приходитъ въ восторгъ, когда какая нибудь барышня промяукаетъ романсъ Варламова, или пробарабанитъ на «фортоплясахъ» варіяціи Герца! Если это будетъ дурно, то я скорѣе выйду въ другую комнату, чтобы не высказать моего неодобрительнаго мнѣнія; тѣмъ болѣе не повернется языкъ мой для незаслуженныхъ похвалъ.

«Итакъ, если вы *вполнѣ* вѣрите такому моему прямодушію, то продолжайте читать мое письмо; когда же нѣтъ, или вѣрите, да не вполнѣ, — лучше сожгите эту часть, потому что прочтеніе ея будетъ тогда безполезно и для васъ, и для меня.

«Много и долго разочаровывался я въ жизни и въ людяхъ, и часто самымъ жестокимъ образомъ. Вмѣсто благородныхъ и безкорыстныхъ чувствъ, находилъ я часто убійственный эгоизмъ, холодъ и порою недобросовѣстность. Это оскорбляло меня до глубины души, вѣчно любящей, вѣчно горящей и сочувствующей всему прекрасному. Часто мнѣ хотѣлось возненавидѣть людей и стать самому эгоистомъ; но—увы!—при первой надеждѣ встрѣтить благороднаго человѣка, я летѣлъ навстрѣчу отрадной мечтѣ съ негибнущею довѣрчивостію и пылкостію. И — новый обманъ, новое разочарованіе! Я утомлялся въ этихъ безплодныхъ попыткахъ, но ничуть не исправлялся. Мало того, я уже дѣлался гораздо снисходительнѣе къ людямъ, требовалъ гораздо менѣе отъ дружбы, и понемногу, постепенно убавлялъ изъ множества блестящихъ и высокихъ достоинствъ, какими щедро надѣляло мое нескупое воображеніе идеалъ благороднаго человѣка и друга, лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

«Правда, иногда удавалось мнѣ, изъ десяти разочарованій, встрѣтить доброе, искреннее и сочувствующее сердце. И потому, несмотря на безчисленныя разочарованія, несмотря на то, что бѣды и несчастія уже много разъ обрушались на мою главу, распугали и разогнали много веселыхъ надеждъ, а умножающіяся у меня сѣдины и морщины охлаждаютъ пылъ молодыхъ лѣтъ: и теперь я готовъ вѣрить въ прекрасное, благородное и высокое, и часто, особливо въ эту минуту, благословляю провидѣніе за возможность такого вѣро-

ванія, которое, въ награду за горечь разочарованія, много отраднаго доставляетъ душѣ моей, все еще любящей. Но приступаю къ результату этихъ размышленій.

«Одиннадцать лѣтъ тому назадъ узналъ я васъ, и зналъ тогда за добраго, умнаго и честнаго юношу, много обѣщавшаго въ будущемъ. Съ тѣхъ поръ судьба развела насъ надолго на поприщѣ жизни и свѣта. Въ концѣ прошедшаго декабря встрѣтился я съ вами въ Тулѣ. Изъ юноши вы стали вполнѣ человѣкомъ, и не только оправдали, но и превзошли самыя смѣлыя надежды, самыя прихотливыя ожиданія. Съ участіемъ добраго и благороднаго стараго знакомца предложили вы мнѣ вступить въ откупныя дѣла. И я, и покойная моя жена,—этотъ кроткій ангелъ,—почувствовали съ той же поры самую искреннюю къ вамъ благодарность за непритворное ваше желаніе намъ добра. Вамъ извѣстны дальнѣйшія событія моей страшно испытуемой жизни. Не буду повторять ихъ и приступлю прямо къ послѣднему періоду моей отнынѣ скитальческой и одинокой жизни.

«Когда, подобно страннику, застигнутому въ полѣ внезапною грозою, я былъ застигнутъ въ Петербургѣ *порчею дня* одного изъ сильныхъ русскаго міра вообще, а откупнаго въ особенности, и, вслѣдствіе этой *порчи*, остался, такъ сказать, *между небомъ и землею*,—я возвратился съ вами въ Ор..., гдѣ, въ ожиданіи *исправленія дня* (*), я былъ совершенно лишній для настоящихъ вашихъ откупныхъ дѣлъ. И чего могъ и долженъ былъ я ожидать? Поступить, какъ я вамъ тогда говорилъ, въ с...кій или д...ровскій откупъ, съ жалованьемъ въ 1,000, и много уже—въ 1,500 р. сер. въ годъ. Такъ сдѣлалъ бы со мною всякій другой на вашемъ мѣстѣ, не переставая нисколько быть честнымъ, добрымъ и благороднымъ человѣкомъ и не теряя ни капли изъ моего къ нему уваженія.

«Но вы поступили со мною иначе: вы превзошли все, что могъ я ожидать. Благородству, безкорыстію и великодушію вашему нѣтъ предѣловъ и нѣтъ имени. Вы осуществили все высокое, о чемъ я мечталъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ короткое время, въ эти нѣсколько дней, которые провелъ я съ вами въ дорогѣ изъ Ор.. до Щи....., я не успѣлъ собраться съ мыслями и духомъ, чтобы высказать вамъ всю непритворную благодарность моего сердца. Но я молча опредѣлялъ, анализировалъ васъ и поклонился вамъ въ глубинѣ моей души, какъ умственному и нравственному величію. Не принимайте за комплименты мои слова: я не умѣю и не захочу говорить ихъ. Вотъ почему пламенно желалъ я свидѣться съ вами до по-

(*) «Порча» и «исправленіе дня» — техническія выраженія, означавшія на метафорическомъ языкѣ Василья Андроновича дурное расположеніе духа какого либо важнаго начальника.

ѣздки вашей въ Петербургъ, чтобы высказать вамъ всю безпредѣльную благодарность моей души и, въ замѣнъ вашего великодушнаго ко мнѣ участія и расположенія, предложить вамъ мою искреннюю, неизмѣнную, преданную и вѣчную дружбу,—дружбу на жизнь и смерть. Съ отрадною и теплою вѣрою и надеждою, что уже не разочаруюсь, протягиваю вамъ мою руку; берите ее смѣло: она никогда вамъ не измѣнитъ. И что̀ бы ни произошло въ моей жизни,—если бы судьба и разлучила насъ на поприщѣ дѣятельности и я выбылъ бы изъ откупныхъ дѣлъ,—я всегда и навѣки останусь вашимъ преданнымъ другомъ и буду любить васъ всею силою моей благодарной и горячей души—любить васъ, какъ брата.... болѣе, нежели какъ брата: какъ человѣка,—осуществившаго долго ненаходимый и недосягаемый идеалъ высокой дружбы и всего прекраснаго и благороднаго. Не бойтесь ошибиться во мнѣ, какъ и я не боюсь ошибиться въ васъ; не боюсь, потому что въ послѣднемъ вашемъ со мною поступкѣ ярко и съ непреложною опредѣлительностію выказалась вся ваша благородная душа.

«Но прочь отъ меня и отъ васъ въ эту торжественную минуту всякая мысль о дѣлахъ и интересѣ, какъ недостойная и оскверняющая святыню тѣхъ высокихъ чувствъ, которыя породили вы во мнѣ и которыя смѣло и довѣрчиво я вамъ высказываю. Я никогда не торговалъ своими чувствами и скорѣе откажусь отъ всѣхъ богатствъ Индіи, нежели унижусь до грязныхъ разсчетовъ корысти, когда дѣло идетъ о сердцѣ. Вѣрьте въ непорочность и искренность предложенія моей дружбы, какъ отъ всей души вѣрю и я въ ваше безкорыстіе и благородство. Не бойтесь помѣняться со мною чувствами и сердцемъ: не можетъ быть непрочна моя къ вамъ дружба, родившаяся въ чувствѣ моего глубокаго къ вамъ уваженія и развитая изъ чувства безпредѣльной къ вамъ благодарности. Дайте обнять себя, какъ друга и брата, и меня также обнимите. Все, что для насъ священно, т. е. честь, благородство, умъ, безкорыстіе, великодушіе—да будутъ свидѣтелями и поруками въ чистотѣ и искренности обмѣна нашихъ чувствъ.... И да исчезнетъ отнынѣ между нами холодное *вы*, если не отвергнетъ моей дружбы тотъ, кому я скажу наконецъ *ты*.

«Болѣе мнѣ уже нечего говорить: я все высказалъ и съ нетерпѣніемъ буду ждать—не *вашего*, а *твоего* отвѣта. Дорого далъ бы за то, чтобы увидѣть и обнять тебя, отнынѣ моего неоцѣненнаго и благороднаго друга, къ которому привязался я всѣми силами моей души, благодарной и все еще юношески-огненной. Отказался бы, кажется отъ половины откупныхъ выгодъ для того, чтобы, если уже не всегда, то какъ можно чаще, быть вмѣстѣ и дѣлить съ тобою всѣ

мои мысли и чувства. И когда, и гдѣ увижусь я съ тобою? Прощай, дорогой другъ! Цалую тебя съ нѣжною любовію друга и брата, какими на вѣки пребудетъ твой

Н. Макаровъ.

Щи....
1845 года, 15 октября.

Написавъ это страстное объясненіе въ любви, которое вполнѣ выражало тогдашнее состояніе моего сердца и головы, я однако придержался правила Васплья Андроновича: «не дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія», и отложилъ дня на два отправленіе моего любовнаго посланія. По дѣламъ откупа я поѣхалъ въ К..... и уже оттуда отправилъ въ Ор... мое письмо, приложивъ къ нему еще слѣдующее прибавленіе:

К...., 17 октября.

«Говорятъ, что вообще всѣ пылкія объясненія, любовныя или другаго рода, надо посылать по назначенію не прежде, какъ прочитавъ ихъ дня черезъ два послѣ написанія. Я сдѣлалъ тоже, потому что это письмо слѣдовало отправить отсюда по эстафетѣ, чтобы скорѣе увѣдомить тебя насчетъ порученія твоего о Су...чевѣ. Хотя и рано (въ 10 часовъ утра) выѣхали мы вчера изъ Щи....., но прибыли сюда уже въ шестомъ часу, такъ что ничего не успѣли сдѣлать.

«Прочелъ я снова мое къ тебѣ письмо: ни фразы, ни одного слова лишняго,—все вполнѣ согласно съ моими чувствами. Мало того, если бы я зналъ, что письмо мое найдетъ тебя еще въ Ор.., а въ тебѣ *полное сочувствіе*, то несмотря на гнусную погоду и гнуснѣйшую дорогу, сейчасъ же бы ѣхалъ въ Ор..., чтобы взглянуть на тебя и поцаловать тебя поцалуемъ друга и брата.

«Другъ! Неужели я не найду сочувствія? Мнѣ страшно отъ одной этой мысли! Послѣ того я уже перестану вѣрить во все прекрасное: и въ добродѣтель, и въ безсмертіе души, и въ.... Я предаюсь тебѣ съ такою довѣрчивостію и простосердечіемъ!... И обмануться!... Нѣтъ, это невозможно! Я долго и глубоко соображалъ всѣ твои дѣйствія, мысли, слова, привычки, правила, и изъ самыхъ непреложныхъ данныхъ вывелъ заключеніе о рыцарской честности, о безкорыстіи, благородствѣ, добротѣ, великодушіи твоего характера. Вѣдь что нибудь да значитъ же моя двадцати-двухъ-лѣтняя опытность съ тѣхъ поръ, какъ я началъ служить и имѣть уже непосредственное столкновеніе съ интересами и страстями людей.

«Встрѣчалъ и находилъ я много друзей, порою болѣе или менѣе искреннихъ, порою болѣе или менѣе мнимыхъ. Какъ часто случалось,

что дружба нѣкоторыхъ походила на бронзу болѣе или менѣе искусно позолоченную! При рѣдкомъ употребленіи она сохраняла еще свою позолоту; но при малѣйшемъ треніи теряла ее и выказывала свою мѣдь, готовую превратиться въ ядовитую окись.

«Интересъ!.. Вотъ самый вѣрный пробный камень и для дружбы, и для другихъ сокровенныхъ свойствъ души! Повѣрка человѣка интересомъ — непреложна. Сто разъ испыталъ я это. Потому-то и предаюсь тебѣ теперь съ такимъ вѣрованіемъ и надеждою, и вѣрую въ возможность осуществленія тобою того высокаго идеала дружбы, какой составилъ я себѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, въ самомъ пылу моей молодости, въ самомъ разгарѣ юношескаго воображенія.

«Неужели и въ эту минуту я обманываюсь и обращаюсь къ холодному, насмѣшливому, хотя и благороднѣйшему скептику?.. О, да минуетъ меня эта горькая чаша, эта губительная отрава души!,.

«Другъ! Не отвергай моей дружбы! Ты молодъ, можешь еще найти много утѣхъ, наслажденій, получить и богатство, и извѣстность; но не найдешь уже себѣ такого, какъ я, друга,—такого искренняго и навѣки преданнаго тебѣ сердца, если бы прожилъ ты вѣкъ Мафусаила. Духъ мой очищенъ и укрѣпленъ страданіями, характеръ закаленъ въ бѣдахъ и несчастіяхъ и дружба моя надежна и прочна, какъ сталь Дамаска.»

Написавъ и запечатавъ все это, я отправилъ съ эстафетой въ Ор... на имя Василья Андроновича Штукарева. Потомъ возвратился я въ Щи... Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта! Дней черезъ шесть, въ два часа ночи, я былъ разбуженъ стукомъ въ ворота конторы. Это была эстафета изъ Ор... Вошелъ почтальонъ и подалъ мнѣ пакетъ. Сидя на постелѣ, я судорожно распечаталъ конвертъ, на надписи котораго я увидѣлъ руку Штукарева.

Документъ второй.

Это—коротенькое письмо ко мнѣ отъ Василья Андроновича, полученное съ эстафетой въ отвѣтъ на мое длинное посланіе. Но какіе страшные контрасты заключало оно въ себѣ! И радость, и грозную невзгоду! И жизнь, и смерть! И колыбель для вѣрованій друга, и могилу для надеждъ отца! Вотъ содержаніе этого письма:

«Николай!

«На письмо твое изъ Щи.... и К..... я готовился отвѣчать ного, но вдругъ получилъ отъ А. П. Б—тина громовое письмо. Подъ влія-

ніемъ перваго, тревожнаго и горькаго впечатлѣнія, не знаю, обдуманно ли я поступаю, пославъ къ тебѣ эстафету съ тѣмъ, чтобы ты сію же минуту прискакалъ сюда. Мы вдвоемъ обдумаемъ, ѣхать ли тебѣ въ Питеръ, или нѣтъ; и если ѣхать, то уѣдемъ вмѣстѣ. Нѣтъ словъ для выраженія того огорченія, которое произвела на меня болѣзнь Аннеты, и болѣзнь опасная. Какъ совершенный мужъ, который долженъ, передъ всѣми волненіями жизни, быть выше рока, приготовься ко всему: она отчаянно больна; и потому не кляни судьбу, если мать ее призоветъ къ себѣ, оставивъ тебѣ сына. Выѣзжая изъ Щи...., прикажи письма, которыя будутъ къ тебѣ изъ Петербурга присылать въ Ор... съ нарочными. Я здѣсь проживу до 5 ноября.

Вполнѣ твой

В. Штукаревъ.»

13 октября, Ор....

При письмѣ своемъ Штукаревъ приложилъ и то письмо, въ которомъ шуринъ мой Б—тинъ увѣдомлялъ его изъ Петербурга объ отчаянной, безнадежной болѣзни моей осьмилѣтней дочери, прося его приготовить меня къ этому новому несчастію.

Что сдѣлалось со мною по прочтеніи этого громоваго письма, — передать трудно. У меня все перепуталось и потемнѣло въ головѣ. Я закрылъ лицо руками, опустился на постель и громко, истерически зарыдалъ... И долго раздавались мои отчаянные, болѣзненные стоны и рыданія ...

Управляющій откупомъ и кассиръ сбѣжались на мои вопли, въ недоумѣніи и страхѣ смотрѣли на меня и старались меня успокоить. Но я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ—передъ глазами моими стоялъ гробъ дочери....

Наконецъ я изнемогъ и впалъ въ какую-то одеревенѣлость, въ которой пробылъ до утра. Когда я очнулся, передо мною стоялъ управляющій и ждалъ моихъ приказаній.

— Подорожную!... Лошадей!.. Живо, сейчасъ же!..

Черезъ два часа я уже сидѣлъ въ тарантасѣ и по ужаснѣйшей осенней дорогѣ ѣхалъ въ Ор....

Свѣжій воздухъ и движеніе экипажа привели меня въ себя: я собралъ разсѣянныя свои мысли и сосредоточилъ ихъ на настоящемъ моемъ положеніи: оно было ужасно! Съ одной стороны, на мой горячій, задушевный призывъ откликнулось сочувствующее сердце — я нашелъ друга, друга на жизнь и смерть, какъ мнѣ тогда казалось. Съ другой стороны—я терялъ мое любимое дитя...

Что за роковая участь всѣхъ надеждъ и радостей въ моей жизни! Едва коснется до меня теплый лучъ солнца, и прежде нежели успѣетъ онъ согрѣть меня,—мрачная туча заслонитъ его....

Три дня тащился я до Ор.. на почтовыхъ,—такъ дурна была дорога. Наконецъ я у знакомой мнѣ ор...ской питейной конторы; взбѣгаю по лѣстницѣ, взволнованный донельзя самыми разнообразными чувствами... Василій Андроновичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. Я бросился къ нему на шею и зарыдалъ, произнося безсвязныя слова. Сердце мое было такъ полно и сладкимъ и горькимъ...

— Успокойся другъ! сказалъ мнѣ Василій Андроновичъ съ участіемъ.—Твоя дочь, быть можетъ, будетъ спасена. И онъ подалъ мнѣ второе письмо отъ моего шурина, полученное накавунѣ, въ которомъ онъ пишетъ вотъ что: «докторъ, пользующій Анюту, объявилъ, что есть надежда, хотя и слабая, на ея изцѣленіе, если только послѣдуетъ счастливый кризизъ въ ея болѣзни. Дня черезъ три это будетъ извѣстно.»

Не болѣе двухъ дней провелъ я въ Ор..., употребивъ эти два дня на изустныя изліянія и обмѣнъ тѣхъ высокихъ чувствъ, которыя высказалъ я въ письмахъ моихъ отъ 13 и 15 октября. И, какъ казалось мнѣ тогда, обмѣнъ этотъ былъ самый полный, самый искренній: живая, пламенная рѣчь моя раздавалась не въ безотвѣтной пустынѣ, падала не на каменистую и безплодную почву, а напротивъ — находила громкій отголосокъ и вызывала слова, полныя непритворнаго сочувствія... Но одно только будущее можетъ рѣшить, насколько правды бываетъ въ настоящемъ....

Итакъ, послѣ двухдневнаго пребыванія въ Ор.., я выѣхалъ въ Петербургъ одинъ: Василій Андроновичъ долженъ былъ послѣдовать за мною дней черезъ десять. Въ Москвѣ я остановился на самое короткое время, для того только, чтобы взять для себя мѣсто въ почтовой каретѣ, да еще, — чтобы сдѣлать короткій визитъ въ одинъ домъ, съ которымъ познакомился я нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но такъ какъ изъ этого недавняго знакомства суждено было впослѣдствіи произойти огромному перевороту въ моей судьбѣ, то я считаю нелишнимъ сообщить нѣкоторыя краткія о немъ свѣдѣнія.

И. М. Бо—евскій принадлежалъ къ одной изъ почтеннѣйшихъ фамилій Малороссіи и былъ членомъ многочисленнаго семейства, состоявшаго изъ двадцати одного человѣка род-

ныхъ братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ только половина была въ живыхъ въ эпоху моего съ нимъ знакомства. Онъ былъ закадышный другъ моего шурина Б—тина, и сотоварищъ его по воспитанію въ бывшемъ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. За полгода передъ тѣмъ, онъ пріѣхалъ изъ Малороссіи съ своимъ, тоже не малымъ, семействомъ и поселился въ Москвѣ для воспитанія дѣтей. Онъ постоянно и часто переписывался съ моимъ шуриномъ, и потому я надѣялся получить отъ него новѣйшія свѣдѣнія изъ Петербурга о болѣзни моей дочери. И я не ошибся.

По пріѣздѣ къ нему въ домъ, меня встрѣтила въ залѣ его меньшая сестра, Софія М.. умная, милая,—и хотя двадцати четырехъ-лѣтняя, но прекрасная собою,—дѣвушка, которой на видъ никто не могъ дать болѣе 17 лѣтъ. Она была послѣднее дитя изъ этого многочисленнаго и благословеннаго семейства.

Не дождавшись моего вопроса, она сказала:

— Утѣшьтесь! ваша Аннета—спасена: братъ Игнатій получилъ вчера письмо отъ Аполлона Петровича, который пишетъ, что кризисъ кончился благополучно и дочь ваша внѣ всякой опасности.—При этомъ двѣ крупныя слезы, выкатились изъ большихъ черныхъ глазъ дѣвушки и задрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

Я заплакалъ.... и какъ сладки были эти слезы!

Проведя не болѣе часу въ этомъ миломъ и умномъ семействѣ, я простился съ нимъ, и черезъ два часа послѣ того уже ѣхалъ по дорогѣ въ Петербургъ, куда прибылъ въ первыхъ числахъ ноября. Прямо изъ почтоваго отдѣленія отправился я къ моему шурину; но пріѣхавъ къ нему, я долженъ былъ наблюдать большую осторожность въ изліяніи моего восторга при встрѣчѣ съ дочерью, — она была уже внѣ опасности, но еще очень слаба. Этимъ я заключу эпизодъ ея болѣзни и перейду къ дальнѣйшимъ событіямъ.

Недѣли двѣ спустя, пріѣхалъ въ Петербургъ и Василій Андроновичъ. Мы видались очень часто. Однажды онъ привезъ ко мнѣ для подписи прошеніе министру объ отдачѣ мнѣ въ коммисіонерство неисправнаго ставропольскаго откупа, Симбирской губерніи, сказавъ, что на этотъ разъ «я могу быть увѣренъ въ успѣхѣ полученія этого откупа». Но прошло довольно много времени, а о Ставрополѣ ни слуху. Какъ-то разъ, кстати, я спросилъ Василья Андроновича:

— А что же ставропольскій откупъ?

— «День испорченъ» — отказано.

Впослѣдствіи я узналъ, что «порчи дня» и отказа вовсе не было, но что, вмѣсто моего прошенія, подано было другое отъ И. О. Ма—това, которому и отдали этотъ откупъ. Занятый тогда моею новорожденною дружбою, съ которою няньчился я, какъ съ капризною любовницею, я былъ совершенно равнодушенъ и къ откупамъ, и ко всему прочему, кромѣ моей дочери, которая уже совершенно выздоровѣла и утѣшала меня. Поэтому я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на это «второе изданіе порчи дня» и неудавшагося откупа, тѣмъ болѣе, что я принялъ за правило никогда ничего не просить для себя у Василья Андроновича.

Прожилъ я въ Петербургѣ зиму, дождался весны 1846 года, а Василій Андроновичъ ни слова не говорилъ мнѣ о томъ, когда я долженъ буду отправиться изъ Петербурга, чтобы заняться дѣломъ. Между тѣмъ въ Щи.... назначенъ былъ другой управляющій. Мнѣ было и скучно, и совѣстно жить безъ занятій и имѣть даромъ откупные паи; потому я сталъ убѣдительно и настоятельно просить моего друга разрѣшить мнѣ ѣхать въ Щи.., чтобы управлять откупомъ самому, безъ помощи управляющаго. Я не постигалъ, почему Штукаревъ самъ не дѣлалъ мнѣ этого предложенія. Быть можетъ потому, что онъ тогда былъ страшно занятъ приготовленіями къ предстоявшимъ торгамъ на откупа.

Наконецъ нетерпѣливо-ожидаемое мною разрѣшеніе послѣдовало, и я въ началѣ мая оставилъ Петербургъ, взявъ съ собою мою дочь, которую, вмѣстѣ съ гувернанткою, отвезъ въ нижегородскую деревню къ ея бабушкѣ и брату. Дорогою схватилъ я жестокую лихорадку, которая однако не помѣшала мнѣ думать о дѣлѣ; и потому, хотя совершенно больной, я изъ Нижняго проѣхалъ въ Курскъ, гдѣ по назначенію Штукарева ожидалъ его пріѣзда на торги. Извѣстно, что торги на откупа происходили тогда не въ одномъ Петербургѣ, а въ разныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Курскѣ, гдѣ они начались и кончились въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Вмѣсто того, чтобы послѣ курскихъ торговъ отпустить меня въ Щи..., Штукаревъ взялъ съ собою въ Ор... и оставилъ меня тамъ для окончательнаго изученія дѣла, и вмѣстѣ для наблюденія за откупнымъ управленіемъ, сказавъ, что Ор... пред-

ставляетъ поприще болѣе обширное, нежели Щи..., для моей любознательности и дѣятельности. Мѣсто Б—лова и потомъ Ма—това занималъ тогда въ Ор... нѣкто Ве—га. Это былъ человѣкъ съ понятіями немного устарѣлыми, характера тяжелаго, но превосходно зналъ дѣло, и могъ приносить ему большую пользу, пока находился «въ нормальномъ состояніи». Эта нормальность нарушалась иногда, хотя и рѣдко да мѣтко,—нарушалась... хересомъ, отличнымъ ли, дурнымъ ли—все равно; главное—въ количествѣ. «Хересоманія» начиналась обыкновенно съ одной, и потомъ постепенно доходила до пяти бутылокъ въ день.

Въ эпоху пріѣзда и во все время дальнѣйшаго моего пребыванія въ Ор..., Ве—га находился въ самомъ нормальномъ состояніи, и потому управлялъ откупами превосходно, толково посвящая меня во всѣ тонкости откупной науки, которую понималъ онъ совершенно иначе, нежели незабвенный «Айександъ Айександычъ, россійскій столбовой дворянинъ». Между тѣмъ, по желанію Штукарева, я каждую недѣлю писалъ къ нему въ Петербургъ и посылалъ разныя небольшія откупныя статьи и замѣчанія на нѣкоторыя параграфы новаго положенія объ откупахъ. Но на всѣ мои письма долго не имѣлъ я отвѣта. Это меня сильно безпокоило. Наконецъ получилъ я отъ него письмо, которое составляетъ —

Документъ третій.

17 августа 1846 г. С.-П-бургъ.

«Здѣшніе торги такъ много причиняютъ мнѣ хлопотъ, суеты и труда, что я торги губернскіе нахожу, сравнительно съ здѣшними, отдохновеніемъ отъ дѣлъ. По этой причинѣ я такъ давно ничего не пишу къ тебѣ, дорогой другъ Николай, на твои письма. Натурально, что когда голова набита всѣмъ тѣмъ, что слышишь отъ Ев—хіевъ тогда она не способна дѣлается къ переложенію на бумагу своихъ мыслей. Я скажу тебѣ, однакожь, коротко то, что хотѣлъ бы сказать подробно съ разными замѣтками и отмѣтками.

«Всѣ твои письма меня чрезвычайно утѣшаютъ. Они рѣшительно утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что дѣло у тебя пойдетъ хорошо и что система *убиванія* навсегда исчезла. Очень радъ тому, что взглядъ и опредѣленія твои вѣрны, и въ особенности насчетъ Ор....

«Ве—га оставилъ во мнѣ грустное и непріятное впечатлѣніе, не оказавъ Су—чеву пособія, ни даже участія при выкупѣ его на волю. Я Су—чева очень люблю, какъ человѣка мнѣ преданнаго (хотя и безсознательно) и извѣстнаго мнѣ по опытамъ за честнѣйшаго. Замѣть это Ве—гѣ; а я пишу къ нему объ этомъ такое письмо, какое можетъ написать раздражительный человѣкъ, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, коему (забывая мое правило) я добровольно предаюсь, потому что дѣло идетъ *о самородкѣ Су—чевѣ*.

«Торги окончатся 20 августа. Изъ откуповъ Смоленской и Псковской губерніи нѣкоторые поступятъ въ мое хозяйственное управленіе на слѣдующее четырехлѣтіе. Окончаніе торговъ дастъ мнѣ возможность написать тебѣ *многое*.

«Обнимаетъ тебя весь твой

В. Штукаревъ».

Первая половина этого письма успокоила и обрадовала меня, но вторая сильно огорчила. А почему,—для объясненія этого необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Съ той поры, какъ я сталъ всматриваться пристальнѣе въ Штукарева, въ его дѣйствія и откупныя распоряженія, я началъ открывать въ немъ *нѣчто*, которое заставляло меня сперва призадумываться. Но я старался не останавливаться на этихъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, и увѣрялъ самъ себя, что вѣроятно я ошибаюсь. Это *нѣчто* состояло въ капризѣ и произволѣ, въ пристрастіи и несправедливости относительно служащихъ въ его дѣлахъ. Напримѣръ, случалось иногда, что въ откупныя дѣла Василья Андроновича, несмотря на зоркій и строгій присмотръ, проберется какой нибудь хищный волкъ въ должность управляющаго или повѣреннаго, а потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, запуститъ лапу въ знаменитую перевыручку, да и цапнетъ себѣ въ карманъ кушъ, сообразный длинѣ его когтей, умѣнью и вдохновенью. Положимъ, что потомъ и накроютъ этого волка — управляющаго или повѣреннаго, потянутъ его на «цигундеръ»,— да вѣдь въ откупахъ, какъ и во всякомъ другомъ денежномъ фокусъ-покусѣ, «что̀ съ возу упало, то и пропало». Ну, и вытурятъ вонъ изъ дѣлъ откупнаго фокусника: что̀ съ него взять, взамѣнъ куша, вырваннаго имъ изъ благословенной перевыручки,—не когти же его! На что они? Свои имѣются про всякій случай для «домашнихъ торговъ», да «для разверстки паевъ», напримѣръ. И остается этотъ волкъ безъ мѣста, и бродитъ вокругъ откуповъ, да зубами пощолкиваетъ. Но если у него спинной

хребетъ очень гибокъ, а лобъ вполнѣ мѣдный, то онъ не умретъ съ голоду. Забѣжитъ, бывало, къ прежнему своему патрону и бухъ ему въ ноги. «Пошелъ вонъ, мерзавецъ, воръ!» А волкъ опять ему въ ноги, и кланяется пуще прежняго, и умилостивляетъ жалобнымъ голосомъ: «Батюшка! такой-сякой! Будь мнѣ отецъ и благодѣтель, не дай умереть съ голоду!» Ну, посердятся, покричатъ, полаются, да и примутъ на службу, хоть куда нибудь въ ревизоры, или въ оберъ-кордонные,—а потомъ и опять сдѣлаютъ управляющимъ. Только бы умѣлъ выслушивать, не поморщась, всякія крупныя словца и эпитеты. И чѣмъ крупнѣе эти словца, и чѣмъ безстыднѣе чело, т. е. мѣдный лобъ кающагося волка, тѣмъ лучше будетъ ему впослѣдствіи, по пословицѣ «стерпится—слюбится», и онъ далеко пойдетъ, и дойдетъ, пожалуй, «до степеней извѣстныхъ» .... разумѣется если у него при томъ окажутся умъ, смѣтливость, расторопность и разные другіе откупные таланты къ усовершенствованію разсыропокъ, сложныхъ цѣнъ, для облавъ на шинки, ренсковые погреба и трактирныя заведенія, и для разныхъ другихъ хитросплетеній и выдумокъ въ родѣ «шведскихъ водокъ». Но что бывало еще лучше и вѣрнѣе для успѣха въ откупахъ, такъ это—умѣнье искусно щекотать самолюбіе, льстить тщеславію, и угадывая заднія мысли своего откупнаго падишаха, называть иногда бѣлое чернымъ и наоборотъ.

Съ другой стороны, сколько разъ случалось мнѣ видѣть служащихъ—и честныхъ, и дѣльныхъ, и способныхъ, да безъ мѣднаго лба, безъ гибкости въ спинномъ хребтѣ, безъ умѣнья поддакивать, говорящихъ всегда правду и называющихъ бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ. Вотъ и терпятъ ихъ до поры до времени, пока некѣмъ замѣнить. А тамъ и придерутся къ чему нибудь, да и похерятъ ихъ, и похерятъ такъ, что уже больше никогда имъ не вернуться къ откупнымъ дѣламъ. Но я отвлекся подъ вліяніемъ воспоминанія о томъ, что и самъ я когда-то сдѣлался жертвою собственной правдивости... Пора возвратиться къ моему послѣднему пребыванію въ Ор..., и къ поясненію исторіи о «самородкѣ-Су—чевѣ».

Этотъ Су—чевъ, чей-то крѣпостной человѣкъ, хитрый, угрюмый, сосредоточенный и человѣконенавистный, былъ когда-то и гдѣ-то конторщикомъ при особѣ Василья Андроновича. Въ началѣ августа 1846 года, онъ ѣхалъ черезъ Ор.... къ своему помѣщику, кажется въ Курскую губернію, для того, чтобы вы-

купиться на волю. Въ Ор... онъ мелькнулъ въ конторѣ и не только не просилъ Ве—гу о пособіи для его выкупа, но даже ни слова не сказалъ объ этомъ ни ему, ни мнѣ. А между тѣмъ, неизвѣстно по какой причинѣ и съ какою цѣлію, написалъ въ Петербургъ къ Штукареву, что Ве—га не оказалъ ему ни сочувствія, ни малѣйшаго пособія.

Когда я окончилъ чтеніе письма Штукарева отъ 17 августа, въ которомъ говорилось о самородкѣ-Су—чевѣ, ко мнѣ вошелъ Ве—га, грустный, убитый и подалъ мнѣ письмо, полученное имъ тоже отъ Штукарева, сказавъ: — вотъ какъ Василій Андроновичъ награждаетъ за усердную и добросовѣстную службу!

Я прочелъ. Письмо было наполнено самыми рѣзкими выраженіями, самыми горькими и язвительными упреками. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ и падалъ съ неба при мысли, что тотъ, кого я считалъ образцомъ всего прекраснаго и высокаго, тотъ, кто проповѣдовалъ всегда и всякому *не убивать, не дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія*, самъ позволялъ себѣ все это и еще въ такой сильной степени, на основаніи перваго ложнаго извѣта.... Не наводя ни малѣйшей справки, онъ сейчасъ же учинилъ и судъ и расправу, жестоко оскорбивъ своимъ жолчнымъ письмомъ человѣка, который служилъ ему честно, усердно, съ величайшею пользою для дѣла!

Я не могъ переварить такой несправедливости и считалъ священнымъ долгомъ дружбы высказать откровенно мое мнѣніе Василью Андроновичу. Сейчасъ же написалъ я къ нему письмо, въ которомъ, говоря ему горькія истины, не поскупился на иронію и сарказмы. Между тѣмъ, къ возникнувшему неудовольствію по поводу ложнаго извѣта Су—чева, присоединились другія непріятности, которыя усложнили затруднительность моего положенія въ главной ор...ской конторѣ. Штукаревъ прислалъ нѣсколько служащихъ въ ор..скіе и к...скіе откупа. Многіе изъ нихъ оказались большими негодяями, были пойманы и уличены въ явномъ воровствѣ и, разумѣется, уволены отъ службы вслѣдствіе формально даннаго мнѣ Васильемъ Андроновичемъ права опредѣлять и увольнять служащихъ по всѣмъ дѣламъ ор..ской конторы. Выгнанные негодяи отправили къ Штукареву самыя нелѣпыя письма, наполненныя бездоказательными доносами и грубою клеветою. Слѣдствія этихъ доносовъ были

тѣже, или даже еще хуже, нежели послѣ письма Су—чева, какъ это видно изъ 5-го документа, который я приведу ниже.

Тутъ я снова и окончательно убѣдился въ отсутствіи всякаго чувства справедливости въ Штукаревѣ, а именно: сдѣлавъ какую нибудь несправедливость, онъ уже потомъ ни за что не сознавался въ ней, какъ бы ясно ни была она ему доказана. Да впрочемъ никто, кромѣ меня, и не старался, не смѣлъ даже—не только доказать, но и сказать ему, что онъ былъ неправъ. Поэтому, вмѣсто сознанія, которое не унижаетъ, а напротивъ возвышаетъ истинно-высокій характеръ, онъ упорно держался своего прежняго мнѣнія и дѣлалъ новую несправедливость на несправедливость, до тѣхъ поръ, пока зданіе неправды было «подведено подъ крышу» и закончено. Тогда вновь водворенные въ дѣлѣ негодяи торжествовали, потирали себѣ руки и говорили «что взялъ?» А честные, усердные и полезные дѣятели были осмѣяны, унижены и парализованы для пользы дѣла, если только не совершенно уничтожены, что̀ также зачастую случалось. Но я рѣшился вывести Василья Андроповича на свѣжую воду моими донельзя откровенными письмами. Несмотря на непріятности и огромную переписку, завязавшуюся по этому поводу между мною и Штукаревымъ, я съ настойчивостію преслѣдовалъ изученіе откупнаго дѣла. Слѣдствіемъ такого изученія было нѣсколько дѣльныхъ статей, которыя написалъ и послалъ я къ Штукареву, напр. «Сортировка», «О злоупотребленіяхъ бывшаго казеннаго управленія,» «Физіологія откуповъ» и наконецъ «Программа полнаго и раціональнаго руководства къ управленію откупами,» раздѣленная на части и на главы, въ которыхъ я исчислилъ и ясно опредѣлилъ всѣ стороны и подробности многосложнаго механизма откупнаго управленія.

За это я получилъ отъ Штукарева письмо, въ которомъ говорилъ онъ, что я «не только раскусилъ, но и проглотилъ откупную науку.» Въ этомъ же письмѣ подтверждалъ онъ то, о чемъ писалъ мнѣ передъ тѣмъ, а именно: онъ давалъ мнѣ 50 гласныхъ паевъ въ Б..... который взялъ онъ на торгахъ въ Москвѣ. Письмо это составляетъ 4 документъ въ приложеніяхъ.

Документъ четвертый.

С.П.-бургъ. 4 сентября 1846 г.

«Всѣ твои письма очень меня радуютъ, дорогой другъ Николай. Изъ нихъ видно, что ты откупное дѣло не только раскусилъ, *но даже*

проглотилъ. За Бо... Ба—нниковъ предлагалъ 6 т. р., но я отказалъ, главнѣйше имѣя въ виду тебя, т. е. то, что тебѣ дѣло доставитъ болѣе выгоды, чѣмъ половина изъ 6 тыс. руб. (*), и то, что дѣло тебѣ нужно, ибо на здѣшнихъ торгахъ я ничего не взялъ, слѣдовательно кругъ моихъ дѣйствій остается въ томъ же размѣрѣ, какъ и послѣ губернскихъ торговъ. Я пришлю къ тебѣ доношеніе, для подачи въ тульскую казенную палату, что *предоставлю тебѣ въ Бо.... половину за моими залогами и тогда ты будешь гласный участникъ.* Въ ноябрѣ надо тебѣ быть тамъ, т. е. въ Бо....

«Отвѣчать подробно на твои письма буду съ Ив. Ѳедоровичемъ, который на 20 сентября будетъ въ Ор.... Мнѣ сдается, что взглядъ твой на Ве—гу слишкомъ уже для него выгоденъ... Мнѣ кажется, что Ве—га умѣлъ искусно поставить передъ тобою эффектныя мѣста своихъ дѣйствій и тѣмъ выиграть выгодное о себѣ мнѣніе. Но чтобъ натура его его была такова, какъ у Су—чева, то съ этимъ никогда не соглашусь. Разсмотри ближе, и ты убѣдишься. Су—чевъ честный малый, но онъ ни съ кѣмъ не уживется. Онъ не любитъ ни Ивана Ѳедоровича, ни Сем. Вас., но они его любятъ, зная, что за рѣдкость такая (т. е. Су..чевъ называемая) между откупнымъ человѣчествомъ его разряда. Предоставляя себѣ право опредѣлять Су—чева по опытамъ, я не только передъ Ве—гою, но даже передъ любимой женой (еслибъ имѣлъ ее) не скрылъ бы моего огорченія за несодѣйствіе ему въ столь важномъ для него дѣлѣ, какъ выкупъ на волю. Всѣ твои возраженія о Ве—гѣ вполнѣ, мой другъ, односторонни. Ве—га дѣйствуетъ хорошо по разсчету, честно—потому, что ты въ Ор....; а Су—чевъ дѣйствовалъ всегда честно, по убѣжденію, притомъ же онъ тогда былъ преданно-честнымъ у меня исполнителемъ, когда ни въ чемъ не могъ разсчитывать на меня. Ему помогъ И—новъ выкупиться, и мнѣ все равно, И—новъ ли помогъ, или какой нибудь К—цовъ, или еще хуже, но я благодаренъ и не И—нову, и не К—цову, а лицу, оказавшему пособіе. Имѣя правило дѣйствовать честно и прямо, я всегда останусь привязаннымъ къ безсознательной честности Су—чева, чуждой всякихъ разсчетовъ, и въ тоже время отдамъ благодарность честности Ве—га, основанной на здравомысліи. Убѣдись въ томъ, что, въ дѣйствіяхъ людскихъ, побужденія важнѣе

(*) Однакоже это не помѣшало Штукареву передать впослѣдствіи Бо.... Ба—никову за 6 тыс. руб., не взирая на мои просьбы и убѣжденія не дѣлать этого,—на томъ основаніи, что черезъ уѣздъ этотъ должны были вести шоссе, стало быть и выгоды отъ откупа были бы огромныя. Онѣ и были потомъ, только эти выгоды получилъ не я, а Б—нниковъ. Мнѣ же взамѣнъ 50 гласныхъ въ Бо—кѣ, дано было 25 паевъ негласныхъ въ Гжа.... Какъ называютъ на откупномъ языкѣ такой поступокъ?

дѣйствій. Отличай умы Ве—гъ денежными наградами, а собачью привязанность С—чевыхъ — теплою любовію къ нимъ. Я увѣренъ, что ты это поймешь и скажешь — да!

«Обнимаю тебя горячо, горячо, весь твой

В. Штукаревъ.»

И—новъ, о которомъ упоминается въ письмѣ Василья Андроновича, управлялъ тогда щи...вскимъ откупомъ и немилосердно обкрадывалъ этотъ несчастный откупъ, гдѣ были и мои несчастные 25 паевъ. Я писалъ не разъ объ этомъ Штукареву, но онъ оставлялъ безъ вниманія всѣ мои увѣдомленія. Наконецъ я потерялъ терпѣніе и послалъ обревизовать щи...вскій откупъ. Ревизія эта открыла страшные безпорядки и злоупотребленія: откупъ потерялъ болѣе пяти тысячъ руб. сер., изъ которыхъ большая часть была украдена или проиграна въ карты И—новымъ, а остальная пропала отъ нерадѣнія и безпорядковъ.

ГЛАВА V.

ПЕРВЫЙ РАЗРЫВЪ И ПРИМИРЕНІЕ.—ПРОДОЛЖЕНІЕ САНТИМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРІИ.

«Хоть громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ».

КАРАМЗИНЪ.

Въ концѣ августа ѣздилъ я съ Ве—гою въ Дми.... смѣнять управляющаго. Возвратясь въ Ор..., мы нашли нелѣпѣйшія предписанія, присланныя изъ Петербурга Штукаревымъ главной ор...ской конторѣ. Натурально, я не смолчалъ, какъ дѣлали другіе, и тогда и послѣ. Письмо мое составляетъ документъ 5 и доказываетъ, съ какою полною и безстрашною откровенностію высказывалъ я свои мысли Василью Андроновичу, дружбу ко мнѣ котораго хотѣлъ я попробовать.

Документъ пятый.

Ор.... 1846 года, 6 сентября.

«Въ 1835 году я былъ немного твоимъ учителемъ, дорогой другъ Василій, знакомя тебя съ разными «не со—чскими идеями» и особливо со стихами. А въ началѣ 1846 года ты сталъ моимъ учи-

телемъ, по статьямъ воздержанія отъ *убиванія* и отъ дѣйствій *подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія*.

«Сѣмена твоего ученія пали, кажется, не на безплодную почву, такъ что изъ ученика, пожалуй, я могу снова сдѣлаться твоимъ учителемъ, и вотъ почему: почтенный мой учитель отличился въ послѣднее время, и не разъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, а именно: въ послѣднихъ письмахъ твоихъ къ Ве—гѣ и въ знаменитомъ твоемъ предписаніи гл. ор...ской конторѣ отъ 23 августа.

«Сверхъ того, что меня до-нельзя огорчила и оскорбила твоя послѣдняя переписка съ Ор...., она меня ужасно испугала *возможностію новаго и страшнаго для меня разочарованія*!!.. Да! я страшился и за себя, и за тебя, котораго я такъ высоко поставилъ и въ умѣ моемъ, и въ сердцѣ, и которому поклонился я, какъ идеалу не только честности и благородства, но и какъ образцу возвышеннаго ума и характера. И вдругъ показалось мнѣ, что этотъ Василій, котораго полюбилъ я такъ безпредѣльно, которому я удивлялся и поклонялся такъ почтительно, какъ человѣку необыкновенному,—этотъ самый Штукаревъ низошелъ съ пьедестала своей необыкновенности и умалился до скудныхъ, жалкихъ размѣровъ человѣка самаго обыкновеннаго, мелочнаго, пошлаго, какъ и всѣ прочіе грѣшные смертные. Раскрою передъ тобою источникъ моего предполагаемаго разочарованія; онъ состоитъ въ слѣдующихъ выводахъ.

1) «Часть основанія моему разочарованію брошена уже прежде и показана въ моемъ послѣднемъ къ тебѣ письмѣ отъ 26 августа.

2) «Необыкновенный человѣкъ» тщательно избѣгаетъ противорѣчій не только въ поступкахъ, но и въ самыхъ словахъ и мысляхъ. А можно ли отличиться противорѣчіемъ, болѣе вопіющимъ, какъ напримѣръ благодарить Ве—гу въ письмѣ отъ 10 августа за всѣ его распоряженія, за увольненіе Бѣ—сова, К—цова и даже *дать ему право выгонять всѣхъ мерзавцевъ*, и потомъ вдругъ, по прошествіи только нѣсколькихъ дней, писать оскорбительнымъ тономъ тому же В—гѣ и дѣлать ему выговоры за увольненіе однихъ и тѣхъ же негодяевъ, основываясь въ этомъ на ихъ письмахъ и забывая то, что всякой негодяй, даже пойманный и уличенный воръ, старается себя оправдывать. Слѣдовательно, на письма изъ Ор... и *отъ другихъ лицъ* не надо было обращать вниманія, подъ опасеніемъ противорѣчія и *разжалованія изъ необыкновенныхъ въ обыкновенные*.

3) «Необыкновенный человѣкъ не спѣшитъ, а осторожно обдумываетъ каждую офиціальную бумагу, потому что подобная поспѣшность раждаетъ часто несообразность, нелѣпость, которыя почти всегда компрометируютъ *самую необыкновенную и всѣми признанную*

необыкновенность и часто влекутъ за собою вредныя послѣдствія. А что можетъ быть необдуманнѣе и нелѣпѣе твоего предписанія ор...ской конторѣ! Вѣдь оно достойно быть вставленнымъ въ рамку и на показъ, какъ примѣръ минутнаго затмѣнія самого свѣтлаго ума, и какъ урокъ человѣческой гордости и самонадѣянности. Неужели ты самъ не увидишь, не поймешь и не сознаешь своей оффиціальной нелѣпости?... Нѣтъ!... Упрямъ, мой отецъ!... Хорошо! доберемся потомъ и до этого упрямства, а пока докажемъ нелѣпость знаменитаго *собственноручнаго предписанія.*

«Во-первыхъ, предписаніе гласитъ... нѣтъ «вопіетъ:»

«......Буду просить Ивана Өедоровича разсмотрѣть все на мѣстѣ, потому что онъ скоро пріѣдетъ въ Ор..., а потому *объявить всѣмъ тѣмъ служащимъ, которые уволены, чтобы они дождались его пріѣзда......»*

«Справедливо ли, умно ли, такъ гласно, оффиціально унижать главноуправляющаго обѣщаніемъ разбирать его съ тремя или пятью выгнанными мерзавцами, то есть ставить его на очныя съ ними ставки?...

«Во-вторыхъ, предписаніе «вопіетъ»:

«Остановиться въ преслѣдованіи ихъ (уволенныхъ) со стороны конторы *по сдѣланнымъ начетамъ!»*

«Дѣльно! Подъ судъ и подъ кнутъ Ве—гу и меня за то, что не дали ворамъ воспользоваться украденными ими деньгами: Бѣ—совымъ около 180 руб. сер., а К—цовымъ 130 руб. сер. И въ самомъ дѣлѣ, мы настоящіе преступники въ глазахъ г. коммиссіонера Штукарева за то, что осмѣлились не допустить украсть изъ его коммиссіонерскаго кармана 310 руб. сер.

«Подъ судъ и подъ кнутъ насъ за это!...

«Въ-третьихъ, предписаніе «вопіетъ еще»:

«При чемъ присовокупляю, чтобы тѣ изъ служащихъ, которые теперь находятся, оставались на своихъ мѣстахъ до пріѣзда Ивана Өедоровича».

«Отъ прабабушки Еввы и до нашихъ временъ едва ли написалъ и даже сказалъ кто подобную нелѣпость? Оффиціально и *собственноручно* объявлять такъ конторѣ, значитъ — разрушить всю нравственную силу управляющаго, столь необходимую для откупнаго управленія; уничтожить почтительность и повиновеніе подчиненныхъ къ начальнику, то есть произвести между ними бунтъ, снять съ нихъ узду страха и дать имъ поводъ и право сдѣлать слѣдующій адскій силлогизмъ:

«Отнынѣ увольнять насъ не смѣютъ, какъ бы мы ни служили; а служить и воровать — гораздо для насъ выгоднѣе, нежели доволь-

ствоваться однимъ жалованьемъ: стало быть, начнемъ же съ этой поры служить и воровать, потому что насъ не смѣютъ выгнать».

«О Боже, Боже! Чѣмъ и какъ объяснить и оправдать такую непростительную и вопіющую нелѣпость и близорукость ума свѣтлаго, дальновиднаго, характера возвышеннаго? Развѣ вотъ чѣмъ: безчисленныя и безпрерывныя посѣщенія Ев....хіевъ производятъ такой удушливый угаръ глупости, что отъ него угараютъ иногда и самыя крѣпкія головы, а угорѣвъ—начинаютъ бредить и нести околесную не хуже «63 параграфа съ прочей братіей вопіющихъ параграфовъ».

«Въ заключеніе этого вывода скажу, что по мнѣ, лучше вовсе отказать управляющему отъ должности, чѣмъ унижать его въ такой степени и съ тѣмъ вмѣстѣ унижать и самого себя въ предшествовавшихъ ему похвалахъ и благодарностяхъ.

«4) Необыкновенный человѣкъ никогда, безъ особенно важной причины, не отнимаетъ того, что даритъ. А какъ же объяснить слѣдующій поступокъ? Дать своему другу право увольнять и опредѣлять, прибавя, что и *самыя ошибки по этому случаю могутъ быть полезны для изученія откупнаго дѣла,*—и послѣ этого подарка, то есть дарованнаго мнѣ права увольнять, написать собственноручно въ ту же самую контору, *чтобы не смѣть никого увольнять до пріѣзда!*... Это—новое противорѣчіе, недостойное ума и характера необыкновенныхъ; это манера дарить и отнимать, свойственная только самымъ обыкновеннымъ людямъ.

«5) Необыкновенный человѣкъ никогда не хвастаетъ своею силою, не кичится своимъ могуществомъ и никого не дразнитъ, на подобіе того, какъ дразнятъ на улицѣ оборванные и босоногіе мальчишки-шалуны какую нибудь беззащитную старушонку, бросая въ нее пескомъ и камешками. А что же другое значитъ, какъ не хвастать своею силою и всемогуществомъ, и не дразнить главноуправляющаго, написавъ къ нему между прочимъ:

«Изъ сего вы можете заключить, что со многими уволенными обойдусь гораздо снисходительнѣе вашего...»

«То есть: «опредѣлю ихъ снова на службу.» Не правда ли?

«И книги вамъ въ руки: принимайте, ради Бога, принимайте и опредѣляйте! На что же и *всемогущество* существуетъ, какъ не на то, чтобы порою, для каприза, принимать на службу не только уволенныхъ негодяевъ и воровъ, но и бѣглыхъ каторжниковъ, если бы они случились подъ рукою. А вѣдь, право, эффектъ былъ бы не дуренъ: пара или тройка бѣглыхъ каторжниковъ на службѣ ор...скаго откупа!...

«6) Необыкновенный человѣкъ не спѣшитъ дѣлать заключенія и замѣчанія, особливо щекотливыя, какъ напримѣръ выручка и взно-

сы. Надо прежде подумать и сообразить, нѣтъ ли какихъ неизбѣжныхъ причинъ неудовлетворительности выручки по 17-е августа; а подумавъ, можно сейчасъ увидѣть, что первая половина августа, какъ *половина постная*, всегда бываетъ несравненно хуже второй, *половины праздничной и скоромной*, что и доказала окончательная выручка за августъ, превзошедшая прошлогоднюю болѣе, чѣмъ четырьмя тысячами руб. сер.

«7) Твердость характера есть одно изъ существенныхъ свойствъ человѣка необыкновеннаго; но между твердостію и упрямствомъ необъятная разница. Нѣтъ непреложной мудрости на землѣ, а потому иногда ошибаются и самые необыкновенные умы, особливо въ выборѣ довѣренныхъ людей. Но, увидя свою ошибку, убѣдясь что выборъ палъ на недостойнаго человѣка (какъ напримѣръ щигровскій И—новъ), необыкновенный человѣкъ, какъ чуждый ложному и мелочному самолюбію, сейчасъ же сознается въ своей ошибкѣ и спѣшитъ исправить ее карою или отринутіемъ отъ себя навѣки негодяя и уличеннаго вора.

«Упрямство несовмѣстно необыкновенному человѣку столько же, какъ и слабость характера; и никто, кромѣ глупцовъ да близорукихъ, не приметъ упрямство за твердость; всякій знаетъ, что первое составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ ослиной породы, — какъ изъ четвероногихъ, такъ и изъ двуногихъ.

«Но кончаю мои выводы, которые начали-было подрывать основаніе храма моего почтительнаго удивленія къ человѣку ума и характера необыкновеннаго,—храма, сооруженнаго моимъ сердцемъ и умомъ, вѣчными поклонниками всего истинно-высокаго и прекраснаго.

«Умоляю Твою благо ть, о мой Создатель! Да уцѣлѣетъ этотъ храмъ! да не падетъ съ своего высокаго пьедестала мой кумиръ и не разобьется, какъ обыкновенно разбиваются всѣ кумиры, не вылитые изъ чистаго золота, а вылѣпленные изъ глины и потомъ позолоченные!...

«Надѣюсь, что ты не разсердишься на меня за истины, хотя и горькія, которыя высказалъ я тебѣ. Вѣдь ты не пигмей и не ребенокъ въ области ума, чтобы обижаться или отталкивать отъ себя горькое, но спасительное лѣкарство. Да и кому же, какъ не другу, высказывать тебѣ истины, необходимыя для довершенія твоей 28-лѣтней опытности. Не мнѣ, а другимъ предоставь льстить тебѣ и подобострастно смотрѣть въ глаза, *хоть бы чрезъ самыя зеленѣйшія или синѣйшія стекла очковъ*... Я никогда и ни за какія блага не льстилъ никому, а тѣмъ болѣе другу, за котораго готовъ положить

мою душу. Не бойся принять въ даръ эту преданную тебѣ душу: *она не ревизская, не заложенная; ее не надо выкупать...*

«Весь и навсегда твой

Н. Макаровъ.»

Отвѣтъ, ожидаемый мною съ нетерпѣніемъ, пришелъ и, на этотъ разъ, несказанно меня обрадовалъ: проба прошла какъ нельзя болѣе благополучно. Письмо Штукарева, хотя и коротенькое, — было самое дружеское, задушевное. Оно составляетъ документъ шестой.

Документъ шестой.

13-го Сентября, 1846 г. С.-Петербургъ.

«Письмо твое, дорогой другъ, отъ 6-го сентября, писанное по возвращеніи твоемъ изъ Дми.,. я получилъ сію минуту и спѣшу тебѣ сказать: 1) Нисколько не сержусь,—пиши что хочешь, потому что я твердо увѣренъ, что рукою твоею руководитъ дружба, а слово подсказываетъ тебѣ твой внутренній голосъ. 2) Вѣря во всемъ собственно тебѣ, извини, мой дружокъ, за то, что я предполагаю въ тебѣ человѣка, коего можно обманывать, какъ и всѣхъ людей. 3) Напрасно ты думаешь, что если я приму кого либо изъ уволенныхъ тобою, то это означаетъ неудовольствіе. Что я тебя люблю, это ты знаешь, а что я не могу не исполнить моихъ внутреннихъ побужденій, то это опять другое дѣло. Это-то и важно въ жизни, что надо умѣть все согласить. Напримѣръ: С—кова я беру опять потому, что меня пилитъ его мать и Гавр. Ив. Штукаревъ, а за Бѣ—сова упрекаетъ матушка.

«Въ С......кой губерніи у меня будетъ 8 городовъ, а именно: Вя...., Гжа...., Дор......., Дух......, Ел..., Юх...., Бѣ..., и Сы...., и сверхъ того Пс.... и Пор.....

«Ив. Өедоровичъ будетъ жить въ Вя.... Онъ выѣзжаетъ въ Ор.. 17-го сентября

На вѣки твой

В. Штукаревъ.»

Какъ ни задушевно было это письмо, я однако увидѣлъ, что Штукаревъ никогда не сознается въ томъ, что былъ неправъ и донельзя будетъ упорствовать въ своемъ пристрастіи и несправедливости; и потому я махнулъ рукой.

Вся эта дѣятельная переписка, продолжавшаяся около мѣсяца, вся эта логика, аргументація и діалектика, израсходованныя по-пустому и бывшія «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», остави-

ли во мнѣ самое тяжелое и тревожное чувство и нарушили, возмутили ясность моей души, такъ не легко мною достигнутую. Дружескія письма Штукарева не въ состояніи были разогнать эту душевную тревогу, вслѣдствіе которой я написалъ къ нему письмо, казалось бы самое невинное; но — увы! — оно произвело страшную бурю и едва не разрушило одиннадцати-мѣсячное зданіе моей дружбы съ Васильемъ Андроновичемъ. Вотъ оно.

Документъ седьмой.

Ор... 1846 года, 23-го сентября.

«Дорогой другъ, Василій!

«Мрачна, глубока и неизвѣданна бездна сердца человѣческаго! это — тотъ же океанъ. Посмотри на этотъ послѣдній: повисли надъ нимъ грозныя тучи, заревѣлъ, забушевалъ сильный вѣтеръ и взволновалъ, взбороздилъ спокойную до того поверхность. Сѣдыя волны, какъ горы, какъ безчисленное стадо разъяренныхъ гигантскихъ чудовищъ, побѣжали по этой влажной, зыбкой поверхности, подъ которою находятся неизвѣданные мракъ и глубина. Потомъ стихнетъ вѣтеръ, разсѣются тучи, заблистаетъ снова яркое солнце; но взволнованный океанъ не скоро успокоится, не скоро приметъ ровную, зеркальную поверхность, которая такъ величественно отражаетъ и солнце, и небо, и звѣзды.

«Такъ бываетъ съ сердцемъ и съ душою человѣка! Тишина и самодовольствіе царствуютъ въ нихъ. И вдругъ взволновала ихъ невзгода, сомнѣніе,—обманутыя надежды открылись и снова облились кровью едва зажившія раны сердца... И вотъ голосъ друга хочетъ успокоить это волненіе, рука его хочетъ исцѣлить открывшіяся раны. Но увы! Облегчается страданіе, но не скоро водворится равновѣсіе взволнованной души, не скоро возвратятся спокойствіе, вѣра и надежда въ испуганное и измученное сердце.

«Со мною происходитъ подобное; послѣднія твои ко мнѣ письма разсѣяли невзгоду извѣстной корреспонденціи съ Ор..... И обрадовали они меня, но совершенное равновѣсіе и спокойствіе не водворяются въ моей душѣ. И какъ странно сердце: радуетъ его успокоительный голосъ друга, и въ тоже время грусть свинцомъ падаетъ на дно его; ему снова обѣщаютъ и подаютъ надежды, а оно упорно удерживаетъ въ себѣ сомнѣніе и недовѣрчивость, этихъ угрюмыхъ дѣтей напуганнаго воображенія и невѣрующей опытности.

«И что, и какъ будетъ со мною?... И дождусь ли я какого нибудь результата отъ будущаго...

«И не кажусь ли я похожимъ съ моею преданностью на маменьку спѣлыхъ дочекъ, которыхъ она всѣмъ навязываетъ?...

«И не на одной ли я доскѣ съ «самородкомъ?...»

«И не берется рѣшить эти вопросы мое воображеніе, хотя все еще пылкое, но напуганное неудачами и обманутыми надеждами — *Елабугъ, Глазовыхъ и Ставрополей...*

«И не берется разсѣять своихъ сомнѣній мое сердце, поставленное въ параллель другихъ преданностей...

«А энергія, а неутомимая дѣятельность, а горячее усердіе къ дѣлу? Это—фруктовое дерево весною. Посмотрите, какъ оно, подъ вліяніемъ животворныхъ лучей солнца, зазеленѣло и одѣлось роскошною ризою цвѣтовъ. Какой обильный сборъ плодовъ обѣщаетъ оно осенью!

«И вдругъ подулъ отъ полуночи холодный вѣтеръ; солнце закатилось, настала ночь. И хотя утро прогоняетъ потомъ эту ночь, но холодный иней успѣлъ уже прикоснуться къ цвѣтущему фруктовому дереву своимъ ледянымъ, мертвящимъ дыханіемъ. И хотя солнце снова свѣтитъ и грѣетъ, но цвѣтки дерева опали, листья его свернулись. И много надо тепла, чтобы дерево снова зазеленѣлось; и надо ожидать другой весны, чтобы оно покрылось новыми цвѣтами и принесло плоды... Но у дерева — всякій годъ весна; а для сердца одна весна въ жизни... Теперь о дѣлѣ.

«Посылаю тебѣ два документа противъ терпимости на службѣ И—нова:

«1-й—письмо его къ Ве—гѣ, гдѣ онъ забѣгаетъ для замаскированія большаго воровства, говоря, *что въ откупъ можетъ вкрасться зло!...*

«2-й—не полную ревизію, а только бѣглый взглядъ Пле—кова на Щи—вское дѣло, открывшій страшные безпорядки и 572 руб. сер. явнаго недочета. Стало быть тайный долженъ быть несравненно болѣе. . . . .
. . . .

«Согласись, другъ, — что я имѣю право не радоваться терпимости И—нова на службѣ въ Щи.... По полученіи перваго извѣстія, я было хотѣлъ немедлённо отправиться въ Щи...., и сейчасъ же И—нова въ три шеи оттуда. *Но вѣчная благодарность* твоя къ нему, но манера дарить и отнимать — возстали передо мною, какъ грозные будущіе мои обвинители, и я одумался, улыбнулся, сложилъ на груди свои руки и сижу съ покорностью судьбѣ восточнаго фаталиста.

«Да будетъ Его святая и потомъ — штукаревская воля!

«Прощай и будь здоровъ!

«Весь и навсегда твой

Н. Макаровъ».

Вотъ оно, письмо это — имѣло, кажется, болѣе права на снисхожденіе, нежели мое длинное отъ 6-го сентября съ «выводами о необыкновенномъ человѣкѣ», и на которое однако же отвѣчали мнѣ: «Нисколько не сержусь,—пиши что хочешь....» Но электричество начало уже скопляться въ облакахъ, окружавшихъ нашего ор.....скаго Юпитера, пребывавшаго тогда въ Петербургѣ и который, на подобіе своего олимпійскаго собрата, принялся хмурить брови и браться за перуны, не олимпійскіе, а откупные. Итакъ, нахмуривъ свои густыя брови съ подобающимъ его сану достоинствомъ, откупной ор...скій громовержецъ приподнялъ горѣ свою десницу и со всего размаху пустилъ въ своего ор...скаго друга связку перуновъ, на этотъ разъ впрочемъ, не очень гремящихъ и разящихъ. Перуны эти заключались въ письмѣ, наполненномъ ироніею и язвительными сарказмами. Къ великому моему сожалѣнію, я не могу помѣстить въ приложеніяхъ этого письма, потому что оно затеряно. Помню только, что оно было написано отъ 30-го сентября и начиналось словами: «Недовольство твое», а заключалось: «Прошу отвѣчать мнѣ — безъ таинственныхъ точекъ и восклицательныхъ знаковъ, — чего ты хочешь....»

Но все таки это письмо, несмотря на всѣ ироніи и сарказмы, было написано тономъ дружбы, хотя и раздраженной, но только «карающей, а не убивающей». И какая необъятная разница была между этимъ, хотя и рѣзкимъ, но все-таки дружескимъ письмомъ и тѣмъ, которое было написано мнѣ 26-го ноября 1847 года и которое найдетъ здѣсь свое мѣсто! Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а это страшное письмо, chef-d'oeuvre въ своемъ родѣ, все еще памятно мнѣ.... Но объ этомъ послѣ.

Получилъ и прочиталъ я грамотку отъ моего друга — Юпитера, и прочиталъ довольно хладнокровно и мужественно, если судить по наружности, владѣть которою я уже понаучился въ школѣ моего Пилада,—получилъ, и черезъ два дня послѣ письма я оставилъ Ор.... и ѣхалъ по дорогѣ въ Тулу, написавъ передъ отъѣздомъ письмо къ Василью Андроновичу.

Документъ восьмой.

Ор.... 1846 года, 7-го октября.

«Вся бѣда произошла отъ того, что я совершенно не понялъ своей роли. Разумѣется,—я виноватъ, и въ оправданіе свое могу только

сказать пословицу: «на всякаго мудреца довольно простоты». Сколько людей до конца жизни не понимали своей роли, и оттого во всю жизнь дѣлали глупости! Такъ и я взялся не за свою роль и надѣлалъ пошлѣйшихъ глупостей; но, благодаря Бога, образумился во время и чистосердечно раскаялся въ моихъ проступкахъ. Послѣднее мое къ тебѣ письмо отъ 4-го октября вполнѣ выразило это искреннее сознаніе и полное раскаяніе. Теперь, чтобы окончательно досказать тебѣ все это и объяснить таинственные вопросы съ точками, я изложу слѣдующее:

Во-первыхъ, меня оскорбила сперва совершенная недовѣрчивость къ моимъ письмамъ, вслѣдствіе которой и завязалась у тебя переписка съ Ве—гою и съ конторою. Это было началомъ всѣхъ бѣдъ. Но совѣсть моя чиста, потому что я вступился за правое дѣло.

Во-вторыхъ, меня оскорбило то, что ты не повѣрилъ моимъ словамъ и добросовѣстности, когда я ручался честію, что Ве—га не думалъ отказывать Су—чеву ни въ участіи, ни въ помощи. Стало быть, — такъ казалось мнѣ тогда, — и въ добросовѣстности, и въ преданности вѣришь ты гораздо болѣе Су—чеву, нежели мнѣ.

Въ-третьихъ, меня оскорбило совершенное невниманіе и, такъ сказать, презрѣніе къ увѣдомленіямъ моимъ о Щи...., которыя—увы! были слишкомъ справедливы и которыя имѣлъ я право дѣлать, если только участіе мое въ Щи..... было истинно, а не пуфъ.

Вотъ что выражала большая часть вопросовъ съ точками.

. . . . (*)

«А что я недовѣрчиво смотрѣлъ на будущее и не совсѣмъ былъ доволенъ настоящимъ, въ этомъ извиняютъ меня слѣдующія обстоятельства: мнѣ почти не съ чѣмъ отсюда выѣхать и доѣхать до Тулы! Хорошо, что я продалъ Ве—гѣ свой тарантасъ, брошенный въ Щи.....

«Теперь отвѣчу ясно, безъ точекъ, — что̀ мнѣ нужно, т. е. что мнѣ было нужно.

«Мнѣ нужна была твоя дружба, одна твоя дружба и уваженіе, да еще возможность — быть какъ можно болѣе тебѣ полезнымъ, чтобы уплатить тебѣ часть долга твоихъ благодѣяній. Интересъ, деньги, всѣ откупныя богатства,— но безъ твоей дружбы и уваженія,—для меня прахъ и грязь, которые осквернятъ мою благородную и любящую душу. А чтобы доказать тебѣ это на дѣлѣ, я отказываюсь и отъ Бо........, и отъ всякаго другаго участія въ твоихъ дѣлахъ, ко-

(*) Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ письмахъ, приведенныхъ здѣсь, точки протянутыя на цѣлую линейку означаютъ пропуски слишкомъ длинныхъ подробностей, неидущихъ къ настоящей цѣли этихъ писемъ.

торыя, безъ твоей дружбы и уваженія, для меня тошны и гадки. Чтобы окончательно и разъ навсегда пояснить тебѣ сокровенную мысль моихъ послѣднихъ писемъ, столь для меня гибельныхъ, я сдѣлаю слѣдующе предположеніе.

«Положимъ, что я поселяюсь въ Бо........ и управляю дѣломъ со всевозможнымъ усердіемъ и честностію. Какую особенную пользу принесу я тебѣ собственно своею фигурою? Ту, какую можетъ принести всякій хорошій управляющій, которому красная цѣна за труды 1,500 руб. За что же получу я болѣе, а именно: половину барышей, которые могутъ быть велики? За что получу ихъ я, который пламенно хотѣлъ *быть какъ можно болѣе тебѣ полезнымъ*, и готовъ былъ положить за тебя животъ и душу?

«Виноватъ, каюсь, что я заблуждался, мечталъ играть какую-то ненужную для тебя роль и самъ не зналъ, чего хотѣлъ. Но неужели *вопросы съ точками* такъ виновны, что меня нельзя было извинить и пощадить, и я достоинъ былъ такого строгаго наказанія, какъ твое послѣднее письмо, въ жосткихъ и колкихъ фразахъ котораго ты забылъ даже, что «лежачаго не бьютъ»,—забылъ это правило всякаго незлаго и великодушнаго человѣка. Забылъ ты и то, что благодѣяніемъ не попрекаютъ, иначе оно становится тяжкою обидою. Забылъ ты, что еще такъ недавно писалъ ты ко мнѣ: *нисколько не сержусь, пиши, что хочешь*, и потомъ еще: *что я тебя люблю, ты это знаешь*.... Нѣтъ! кого любятъ—того щадятъ, а не оскорбляютъ за нѣсколько фразъ, хотя бы съ милліонами точекъ.

«Или сознайся: не нравилась тебѣ моя короткость, которую навязалъ я и которую принялъ ты въ торопяхъ, въ октябрѣ прошлаго года? Если такъ, то возврати мнѣ назадъ несносное для тебя мѣстоимѣніе этой короткости, которое вымѣнялъ ты на *вы*.

«Прощай, и прости меня на прощаньи за всѣ непріятности и хлопоты, которыя надѣлалъ тебѣ мой пылкій характеръ. А я все еще вѣрю въ благородство твоего сердца. . . . .

. . . .

По крайней мѣрѣ, въ успокоеніе своей совѣсти, я могу сказать, что едва ли кто другой можетъ любить тебя такъ искренно, такъ горячо, такъ свято, какъ чтилъ и любилъ тебя бывшій твой

Н. Макаровъ.»

При сильной волѣ, можно передѣлать, пересоздать свой характеръ и дойти до искусства — вполнѣ владѣть движеніями сердца, т. е. не позволять имъ проявляться наружу, когда того требуютъ благоразуміе и наши выгоды. Но едва ли возможно притупить совершенно свою чувствительность и впечатлитель-

ность. Никто изъ служившихъ въ ор—ской конторѣ не подмѣтилъ на моемъ лицѣ ни малѣйшаго слѣда, не подслушалъ ни фразы, ни слова, которыя могли бы обличить досаду, негодованіе, пылъ гнѣва. Но, какъ я уже замѣтилъ выше, тяжело отозвался въ моемъ сердцѣ ударъ отъ руки друга, и я, совершенно больной и душой и тѣломъ, пріѣхалъ 9 октября въ Тулу, гдѣ пробылъ три дня у моей кузины, написавъ къ Штукареву еще два письма, въ которыхъ выказалъ я величайшее христіанское смиреніе: обвинялъ во всемъ самого себя, раскаявался и просилъ прощенія.

Изъ Тулы проѣхалъ я въ деревню. Но для лучшаго обрисованія и уразумѣнія тогдашняго состоянія моего духа, я сдѣлаю нѣсколько выписокъ изъ моего дневника, которыя въ то же время будутъ и современною исторіею полутора мѣсяца моей жизни.

Рожествино. 12 октября.

«Пора образумиться, пора къ дѣлу, г. Макаровъ! Скоро, 4-го февраля будущаго 1847 года, стукнетъ вамъ уже 37 лѣтъ. Пора приняться за духовную пищу. До 35 лѣтъ дремалъ я въ простотѣ сердца и невѣдѣніи жизни. Наконецъ грозная бѣда обрушилась на мою голову. 7 марта 1845 года потерялъ я любимую жену. Это несчастіе было благовѣстомъ неба, который разбудилъ меня отъ безвѣрія: я образумился, увѣровалъ, сталъ христіаниномъ, и могу теперь горячо молиться и плакать. Страданія были огненнымъ, но искупительнымъ крещеніемъ моего духа. Съ тѣхъ поръ я началъ прозрѣвать.

Послѣдній годъ моей жизни былъ тоже полонъ страданій, разочарованій и поучительныхъ событій. Я узнаю людей все лучше и лучше, не вѣрю ни ихъ участію, ни ихъ дружбѣ; и потому одной бумагѣ буду повѣрять мои думы, страданія, чувства. Она не измѣнитъ мнѣ, не перетолкуетъ слова мои вкривь и вкось, не будетъ насмѣхаться надъ сердцемъ и чувствами.

Сегодня въ пять часовъ пополудни пріѣхалъ я сюда изъ Тулы и, послѣ 4-хъ мѣсячнаго отсутствія моего отсюда, нашелъ все въ порядкѣ. Я вполнѣ доволенъ моимъ прикащикомъ.

13 октября, утро.

Два сильныя потрясенія имѣлъ я въ жизни: первое — смерть жены, слѣдствіемъ котораго было обрѣтеніе мною вѣры; второе— послѣднее письмо ко мнѣ Штукарева отъ 30 сентября. Вмѣстѣ съ невыразимыми страданіями, оно принесло мнѣ слѣдующую пользу.

Много страдалъ я въ своей жизни; страдалъ отъ судьбы, страдалъ отъ людей, страдалъ отъ своей пылкой головы, но всего чаще страдалъ отъ своего еще болѣе пылкаго сердца. И потому слѣдуетъ принять мѣры, издать строгіе законы противъ этого неисправимаго сердца. Вотъ эти законы,—слѣдствіе пристальнаго анализа прошедшихъ моихъ ошибокъ:

Мои догматы или катехизисъ моего сердца.

«*Догматъ 1-й.* Никогда и ни для кого не преступлю я вторую заповѣдь и не сотворю себѣ кумира».

«Каюсь: я любилъ Штукарева, не какъ друга, а какъ кумира.

«*Догматъ 2-й.* Исчезла во мнѣ навсегда вѣра *въ невозможность возможнаго. Невозможно* одно только *невозможное,* какъ напримѣръ, чтобы мнѣ съ неба спалъ мильонъ руб., или, чтобы Петербургъ вдругъ очутился въ Индіи.

«Бывало скажутъ мнѣ: «такой-то можетъ сдѣлать то-то», а я въ отвѣтъ: «какъ! это *невозможно*: онъ этого никогда не сдѣлаетъ!...

«Или скажутъ мнѣ: «такой-то не сдѣлаетъ того-то». А я отвѣчаю: *невозможно,* чтобы не сдѣлалъ; я хорошо его знаю и увѣренъ въ немъ.

«Отнынѣ для меня нѣтъ невозможностей, ни отрицательныхъ, ни положительныхъ. *Все возможно, что возможно.*

«*Догматъ 3-й.* Не вѣрую я въ «неразочаруемость» кого бы то ни было. Однимъ только величайшимъ умамъ и геніямъ суждено никогда не разочаровывать, да и то не во всѣхъ случаяхъ; поэтому-то и и говоритъ французская пословица: «нѣтъ великаго человѣка для своего камердинера.»

«*Догматъ 4-й.* Не вѣрую въ неизмѣнность чьей бы то ни было дружбы, кромѣ одной — дружбы вполнѣ доброй жены. Всѣ остальныя дружбы—измѣнчивы, и только болѣе или менѣе непрочны.

«*Догматъ 5-й.* Не вѣрую въ искренность и прочность дружбы ко мнѣ, какъ бы кто меня ни увѣрялъ въ ней, если только я не получилъ отъ него прежде самыя неоспоримыя доказательства его ко мнѣ искренняго уваженія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть дружбы.

«*Догматъ 6-й.* Никогда и никому не буду вполнѣ высказывать мои задушевныя мысли, или говорить *всякую правду вполнѣ, а не до извѣстной степени,* какъ бы кто ни казался ко мнѣ расположенъ, если только я не получилъ отъ него самыя неоспоримыя доказательства его возвышеннаго ума и характера, или глубокаго ко мнѣ уваженія.

«*Догматъ 7-й.* Не вѣрую въ «непогрѣшительность» даже наивеличайшихъ умовъ: не даромъ и на солнцѣ бываютъ пятна.

«*Догматъ 8-й.* Никому не буду давать совѣтовъ, ни предлагать свои услуги или преданность, если ихъ не спрашиваютъ, или не увѣренъ, что меня уважаютъ.

14-го октября.

«Дѣла, дѣла! Что̀-то принесете вы мнѣ хорошаго? Я же принесъ для васъ въ жертву, въ теченіе года, много радостей и желаній сердца. До сихъ поръ я получилъ только одно разочарованіе въ человѣкѣ, котораго высоко чтилъ и любилъ... И будетъ ли, и что̀ будетъ отвѣчать онъ мнѣ на послѣднія мои къ нему письма? Тогда только узнаю я окончательно, что̀ это за человѣкъ?

«А я мечталъ, что совершенно узналъ его!... Какой же я былъ ребенокъ!

«Я безропотно покорился судьбѣ и жду спокойно рѣшенія моей участи... А тоска все грызетъ мое сердце!...

«Ужасно потерять вѣру, хотя бы и ложную, ребяческую! А я вѣрилъ такъ искренно въ дружбу этого человѣка!... Богъ съ нимъ!...

Москва. 20-го октября.

«Не дождавшись отъ него отвѣта на послѣднія мои къ нему письма, я рѣшился видѣться съ нимъ. Изъ письма ко мнѣ Ве—ги видно, что онъ (Штукаревъ) долженъ былъ пріѣхать въ Москву къ 15-му числу, и потому я выхалъ изъ деревни 17-го, а 18-го утромъ былъ уже въ Москвѣ. Увы! Штукарева не было здѣсь: онъ остался въ Петербургѣ недѣли на три; и Ве—га, котораго я нашелъ здѣсь, того же числа (18) уѣхалъ въ Петербургъ. Я написалъ съ нимъ къ Штукареву еще коротенькое письмо, гдѣ повторилъ мои мольбы о прощеніи меня. Богъ съ нимъ! Я не даромъ сталъ христіаниномъ: онъ оскорбилъ меня — а я прошу у него прощенія.

«Жду здѣсь отвѣта, который долженъ я получить въ середу 23-го. Чѣмъ-то рѣшится моя судьба?... Но что̀ бы ни случилось, я пребуду твердъ, не паду духомъ и не забуду своего высокаго долга— отца двухъ сиротъ, дѣтей моей Саши.

«Скучно мнѣ здѣсь! Не хочется даже отыскивать нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ.

24-го октября.

«Громъ гремѣлъ и мрачныя тучи висѣли надъ моею головою. Но слава Богу! Тучи разсѣялись, небо прояснилось, и я вышелъ побѣдителемъ изъ новой борьбы съ судьбою. Благодарю Провидѣніе за ниспосланіе мнѣ этой побѣды.

«Вчера получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Штукарева. Оно меня воскресило, и я снова вѣрю, что «онъ» вполнѣ благородный и великодушный человѣкъ. Но все-таки не измѣню правилъ, почерпнутыхъ изъ послѣдняго страшнаго моего потрясенія. Сегодня уѣзжаю изъ Москвы, остановлюсь дня на два въ Тулѣ, гдѣ дождусь Ве—ги и поѣду съ нимъ до Ор..., а оттуда въ Щи...., которыми буду управлять лично до новаго года. Въ январѣ, если ничто не измѣнится, поѣду въ Вя.... къ Штукареву, а оттуда уже въ Бо.........., гдѣ и останусь на житье, для управленія откупомъ, половину котораго Штукаревъ уступилъ мнѣ за своими залогами.

Тула, 28-го октября.

«Возвратился я сюда съ Ле—вымъ. Грусть не покидаетъ меня ни на минуту. Письмо Штукарева я прочиталъ еще нѣсколько разъ: въ немъ мало того тепла, которое въ состояніи было бы вылѣчить вполнѣ мою душу.... Наставленія, нравоученія!... Онъ принимаетъ меня за ребенка! А самъ-то онъ что?... Но онъ дорого заплатилъ за свою самонадѣянность. Вчера пріѣхалъ сюда изъ Петербурга В—га и привезъ мнѣ множество новостей о Штукаревѣ. Боже, Боже! Что за толпа воровъ и негодяевъ вторглась-было въ нѣкоторыя его дѣла!.. . . . .

. . . .

«Многими десятками тысячъ рублей поплатился онъ за пристрастіе, несправедливость и неумѣніе или нежеланіе оцѣнивать служащихъ у него по достоинству, а не по минутному капризу. Наконецъ онъ понялъ «ихъ», которымъ довѣрялъ такъ много, и сознался самъ, сказавъ, что «это былъ вертепъ разбойниковъ....» А мнѣ онъ не довѣрялъ!... Не вѣрилъ моему дружескому голосу! Мало того,— безжалостно обидѣлъ меня и не сознался въ этомъ. Богъ съ нимъ... Сегодня я ѣду въ Ор... съ Ве—гою.»

Щи..., 4-го ноября, вечеръ.

«Только два дня провелъ а въ Ор..., гдѣ въ управленіе дѣлами вступилъ Ма—товъ. Я спѣшилъ къ своему дѣлу и сегодня въ 8 часовъ утра пріѣхалъ сюда. Съ совершеннымъ хладнокровіемъ встрѣтился я съ здѣшнимъ управляющимъ И—новымъ, величайшимъ и злѣйшимъ воромъ, котораго пріѣхалъ я наконецъ смѣнить и который ограбилъ здѣшній откупъ. Ну что, если бы, вмѣсто меня, пріѣхалъ сюда на смѣну неистово-буйный Б—овъ! Чтò бы онъ сдѣлалъ съ этимъ негодяемъ И—новымъ! По всей вѣроятности, — изломалъ бы объ его спину и чубукъ свой, и палку. И по дѣломъ! Б—овъ поступилъ бы совершенно справедливо на этотъ разъ.

«Однако же назначенная мною ревизія Пле—нова принесла большую пользу дѣлу: октябрь выручилъ здѣсь болѣе 20-ти тыс. рублей. Это очень хорошо.

18-го ноября.

«Около трехъ недѣль, какъ я здѣсь, и наконецъ началъ поправлять совершенно-разстроенныя щигровскія дѣла. Но сколько негодяевъ надо было выгнать отсюда, чтобы очистить откупъ отъ страшнаго, накопившагося въ немъ сора!

«Вчера былъ со мной здѣсь казусъ, отъ котораго Штукаревъ, вѣроятно, придетъ въ восторгъ и выдастъ мнѣ «похвальный листъ, какъ свидѣтельство и награду за то, что, какъ онъ выражается, «система убиванія» у меня совершенно исчезла. Вотъ что и какъ случилось.

«Я былъ вечеромъ у окружнаго; это — единственный здѣсь чинъ, похожій на порядочнаго человѣка. Играли въ преферансъ. Вдругъ входитъ господинъ, котораго вижу я въ первый разъ, но который былъ на меня золъ за то, что я прекратилъ ежемѣсячную выдачу ему изъ конторы даровой водки. Онъ уже порядкомъ хлебнулъ гдѣ-то нашего питейнаго нектара, хотя для него теперь и не дароваго. Спустя нѣсколько минутъ по своемъ пріѣздѣ, онъ начинаетъ ко мнѣ придираться. Натурально, я достодолжно отразилъ его придирки. И чтожь! Видя, что ему не подъ силу бороться со мною на словахъ, и «вящимъ жаромъ возгоря» онъ вдругъ схватываетъ со стола шандалъ со свѣчою, съ явнымъ намѣреніемъ пустить его въ меня. Хозяинъ дома, зорко слѣдившій за всѣми движеніями своего нетрезваго гостя, алчущаго даровой водки, въ одно мгновеніе подскочилъ къ нему, схватилъ его за руку и вырвалъ изъ нея шандалъ. Потомъ, повернувъ его къ дверямъ, выпроводилъ, почти вытолкалъ его изъ своей гостиной въ переднюю.

«Ну что, еслибы такая штука случилась со мною года два или три тому назадъ, когда преобладала у меня вышеупомянутая «система убиванія?» Плохо было бы этому щигровскому господину, если бы онъ не согласился сейчасъ же стрѣляться со мною. Но теперь я хорошо понимаю, что въ откупахъ никуда не годится рыцарская расправа, и поэтому дѣйствую совсѣмъ иначе: «нормально, охлажденно». На всѣ придирки и поползновеніе къ «шандальной или шкандальной перепалкѣ», я всталъ со стула и самымъ спокойнымъ голосомъ сказалъ, обращаясь къ хозяину дома и прочимъ его гостямъ:

— Господа! прошу прислушаться и присмотрѣться!

«И, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ игру въ преферансъ и досидѣлъ до конца вечера съ неизбѣжной закускою.

«На другой день я написалъ письмо къ губернатору, и приносилъ ему частно жалобу на сказаннаго щигровскаго господина. Нѣсколько дней спустя, баринъ этотъ былъ вытребованъ въ губернскій городъ и, послѣ знаменитой распеканціи, посаженъ на цѣлую недѣлю на гауптвахту. Затѣмъ я уже болѣе нигдѣ не встрѣчалъ этого разочарованнаго любителя даровой водки, который, послѣ освѣжительнаго урока гауптвахты, сдѣлался «ниже травы, тише воды.»

25-го ноября.

«Вчера я слышалъ, что будто бы Штукаревъ снова принялъ на службу И—нова, бывшаго здѣшняго управляющаго, который уже нѣсколько разъ бывалъ пойманъ и уличенъ въ нагломъ воровствѣ, и выгоняемъ изъ дѣлъ Штукарева съ позоромъ, а иногда и съ напутствованіемъ нѣсколькихъ ударовъ кулакомъ по шеѣ и чубукомъ по спинѣ. Вотъ что значитъ мѣдный лобъ, гибкая спина, да способность глотать и переваривать, не поморщась, разныя откупныя пилюли, изобрѣтенныя незабвеннымъ Александромъ Александровичемъ Б—овымъ, этимъ бывшимъ эмпирическимъ лѣкаремъ и аптекаремъ откупнаго зла!

«Итакъ, если справедливъ слухъ о принятіи И—нова вновь на службу Штукарева, то этотъ послѣдній рѣшительно не стоитъ уваженія. Я теперь ясно и вполнѣ постигаю его: и умъ и характеръ въ немъ — самые обыкновенные. Но ему везетъ необычайное счастіе. Не онъ создалъ обстоятельства, а обстоятельства создали его, т. е. онъ подвернулся подъ эти счастливыя обстоятельства и воспользовался ими довольно хитро и ловко; а это съумѣлъ бы сдѣлать на его мѣстѣ всякій умный и ловкій человѣкъ, особливо одаренный трансцендентальнымъ талантомъ откупныхъ Пинетти, Боско и Германа съ братіей. Но посмотримъ какъ-то и чѣмъ-то онъ кончитъ свою «скороспѣлую важность». Вотъ нѣкоторые изъ моихъ послѣднихъ заключеній объ этомъ человѣкѣ:

«Штукаревъ не умѣетъ выбирать людей.

«Штукаревъ не умѣетъ создавать людей.

«Штукаревъ не умѣетъ по достоинству награждать людей, потому что не умѣетъ по справедливости наказывать ихъ. Кто не умѣетъ «карать зло», тотъ не умѣетъ и «награждать добро»,—это неоспоримая истина.

«Штукаревъ въ высшей степени пристрастенъ и несправедливъ.

«Поэтому Штукаревъ никогда не съумѣетъ пріобрѣсти и въ особенности «удержать на своей службѣ» истинно честныхъ и благородныхъ людей, если только совершенно не измѣнитъ своей методы вести дѣла и обращаться съ служащими; или если ему не измѣнитъ

постоянно слѣпое счастіе, которое до сихъ поръ его не покидало. Поживемъ—увидимъ.»

Здѣсь прекращаю я выписки изъ моего дневника 1846 года, и принимаюсь за мое повѣствованіе и за документы.

Сейчасъ по прибытіи моемъ въ Щи..., того же дня я отправилъ къ Василью Андроновичу письмо, въ которомъ описывалъ ему все, что и какъ я сдѣлалъ въ откупѣ. Онъ не замедлилъ отвѣчать мнѣ и осыпалъ меня похвалами.

Документъ девятый.

21-го ноября, Вя.....

«Письмо твое, дорогой другъ Николай, отъ 1-го ноября изъ Щи..., полученное мною при выѣздѣ изъ Петербурга, доставило мнѣ большое удовольствіе. Въ немъ все такъ *ровно* и *тихо*, безъ всякихъ скачковъ, какъ будто бы ты перелился въ мою форму, то есть въ форму необходимую для успѣха въ дѣлахъ, въ чемъ и самъ ты теперь, по многимъ опытамъ, долженъ быть убѣжденъ. Жду тебя сюда, въ Вязьму, на 15 января съ извѣстіемъ о тихомъ и спокойномъ окончаніи щигровскихъ дѣлъ. Дѣла мнѣ здѣсь, при образованіи откуповъ, бездна. Бо.... переданъ за 12 тысячъ. Это очень хорошо, потому что есть намъ по шести тысячъ вѣрной пользы, безъ хлопотъ; а для полученія дальнѣйшаго дохода можно приложить хлопоты труды къ другимъ дѣламъ. Объ этомъ поговоримъ пространно въ Вя..... Появившаяся въ тебѣ ровность въ дѣйствіяхъ подаетъ мнѣ большія надежды и даетъ возможность разсчитывать на тебя гораздо болѣе и совсѣмъ подругому.

«Прощай и всего на мѣсяцъ, —
весь твой *В. Штукаревъ.*»

Послѣ слуховъ о принятіи вновь на службу И—нова и нѣкоторыхъ другихъ выгнанныхъ негодяевъ, я не удержался, чтобы не написать объ этомъ къ Штукареву и не сдѣлать нѣсколько горькихъ размышленій. Отвѣтъ его вскорѣ послѣдовалъ.

Документъ десятый.

Вя.... 30-го ноября.

«Письма твои отъ 12-го и 23 ноября я получилъ сего дня . . . .

. . . .

«По всему этому ты можешь вообразить, что за процессъ совершается въ головѣ моей, а потому и самъ убѣдишься въ томъ, что от-

вѣчать на письмо твое отъ 23 ноября подробно я не могу, а отвѣчу тебѣ на все лично. Скажу только, что несмотря на всѣ твои *ироніи* (*многоуважаемость* и прочее) и *придирчивость* (напримѣръ къ слову *тихо*, которое можно приложить съ пользою не только къ дѣламъ, но даже и къ чувствамъ), *я былъ, есмь и буду постоянный почитатель твоей высокой честности и горячей преданности сердца,*—и довѣряя тебѣ все, что угодно, извини, дорогой другъ Николай, если до времени не совсѣмъ довѣрю то, въ чемъ нужна полная стройность; потому что боюсь твоего излишняго и порывистаго усердія. Это мое мнѣніе я не считаю нужнымъ скрывать, какъ равно не скрою и того, когда оно исчезнетъ. Выводимыя тобою ошибки мои въ выборѣ людей могутъ показаться для наглядпаго наблюдателя дѣйствительными. Но если знать всѣ событія минувшаго, то онѣ покажутся не только сносны, но даже и необходимы или неизбѣжны. Объ этомъ тоже лично . . . .
. . . .

весь твой

В. Штукаревъ.»

Изъ этого письма, хотя въ немъ и находились разныя нѣжности ко мнѣ, а въ томъ числѣ и знаменитая—«я былъ, есмь и буду постоянный почитатель твоей высокой честности и горячей преданности сердца»,—итакъ, изъ этого письма и особливо изъ нѣкоторыхъ другихъ, которыя найдутъ здѣсь послѣ свое мѣсто, видно, что Штукаревъ превосходно, мастерски умѣлъ играть логикою и здравымъ смысломъ, такъ что, съ помощію тонкихъ софизмовъ и разныхъ «точекъ зрѣнія», которые были у него чѣмъ-то въ родѣ нравственной шпанской мушки, ему всегда удавалось натягивать и притягивать кажущуюся справедливость къ той сторонѣ своихъ дѣйствій, которая нуждалась въ перекраскѣ изъ чернаго цвѣта въ бѣлый, и на оборотъ,—къ той сторонѣ чужихъ дѣйствій, которую хотѣлось ему сдѣлать изъ бѣлой черною.

Наконецъ наступило 31 декабря: я сдалъ щи....скій откупъ содержателю и 1-го января 1847 года выѣхалъ изъ Щи....., скучнѣйшаго городишка. Черезъ два дня я былъ уже въ Вя...., гдѣ нашелъ одного только Ве—гу, назначеннаго главноуправляющимъ всѣми см......кими откупами Штукарева. Вскорѣ прибылъ въ Вя.. и Василій Андроновичъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ и съ нѣкоторымъ страхомъ ожидалъ я нашей встрѣчи послѣ шестимѣсячной разлуки. Много уплыло воды, многое измѣнилось въ это полугодіе, — и отъ встрѣчи нашей зависѣло свойство нашихъ будущихъ взаимныхъ отношеній.

Слава Богу! Встрѣча эта была такая, какой мнѣ нельзя было лучше желать. Мы упали въ объятія другъ къ другу, —и братскій, крѣпкій поцалуй запечатлѣлъ воскресеніе нашей дружбы. Все было предано забвенію.

ГЛАВА VI.

РАЗРУШЕНІЕ ЯЗЫЧЕСКАГО КАПИЩА, ПОСТРОЕННАГО НА НЕГОДНОМЪ ЦЕМЕНТѢ.

«Пришолъ городовой, подчаска подозвалъ,
По пунктамъ отобралъ допросъ отмѣнно строгій.»

НЕКРАСОВЪ.

«Прочь, прочь слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
Понятна мнѣ, змѣя»!

ЛЕРМОНТОВЪ.

На другой день утромъ послѣ свиданія нашего, — мы спали въ одной комнатѣ, — я проснулся рано, хотя и поздно легъ наканунѣ. Самыя разнородныя душевныя ощущенія и рой мыслей въ головѣ прервали мой и безъ того недлинный и некрѣпкій сонъ. Но мнѣ было не до сна: съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я пробужденія Штукарева. Проснулся наконецъ и онъ, и у насъ сейчасъ же завязался самый дружескій, задушевный разговоръ и длился долго: надо же было «разрядить» наши сердца, заряженныя разными недоразумѣніями, сомнѣніями, недомолвками, или, вѣрнѣе сказать, недописками и множествомъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. И все это, благодаря обоюдной и полной откровенности, было разрѣшено, порѣшено и сдано въ архивъ воспоминаній. Согласіе между нами было возстановлено по всѣмъ пунктамъ; мирный трактатъ заключенъ и подписанъ.

Одна изъ статей этого трактата гласила, что, вмѣсто бо...... цкаго дѣла, гдѣ я имѣлъ 50 гласныхъ паевъ, я получалъ въ Гжа.... 25 негласныхъ паевъ. Но въ то время мнѣ и въ голову не приходило—не только замѣтить и сказать, но и подумать, что это было не совсѣмъ справедливо со стороны Штукарева въ отношеніи ко мнѣ. Я былъ такъ счастливъ возстановленіемъ того, что̀ грозило паденіемъ, такъ счастливъ,—что былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ откупамъ и паямъ, и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ту новую «точку зрѣнія» на откупа, по

которой непреложно-правдивая математика (вѣроятно откупная только) начинала нести околесную, утверждая, что 25—тоже самое, что 50, а 50—тоже самое, что 25; однимъ словомъ—что дважды два уже дѣлались—два, а не четыре.

Пробывши въ Вя.... нѣкоторое время, мы съ Штукаревымъ отправились въ Гжа..., гдѣ возвелъ онъ меня на сѣдалище управляющаго и затѣмъ уѣхалъ въ Москву. Вскорѣ порадовалъ онъ меня письмомъ (безъ означенія числа), въ которомъ подразумѣвался тотъ похвальный листъ, — за сцену мою съ щигровскимъ господиномъ,—о которомъ говорилъ я выше въ моемъ дневникѣ. Въ письмѣ этомъ Штукаревъ просто объяснялся мнѣ въ любви, говоря между множествомъ разныхъ похвалъ и нѣжностей, что онъ, Штукаревъ, «бываетъ полонъ чистѣйшаго удовольствія, когда подумаетъ, что я, настоящій родникъ чести и любви къ дѣлу....» и пр.; или еще: «что онъ радъ тому, что могъ осуществить давно лелѣянную имъ идею имѣть друга по душѣ....» Натурально, я отъ души вѣрилъ тогда всему этому.

Документъ одиннадцатый.

«Стройное окончаніе дѣлъ по Щи..... и та перемѣна въ самомъ тебѣ, которыя рѣзко и замѣтно обличаютъ въ тебѣ человѣка съ твердой волей, потому что ты заставилъ себя уничтожить всѣ тѣ привычки, которыя усвоились тебѣ отъ Варшавы, В. М. Ми—рина (*), пакости людей и разныхъ неудачъ, и которыя никакъ не могутъ быть у мѣста, въ теперешнемъ твоемъ коммерческомъ быту, гдѣ нуженъ охлажденный разсудокъ. Признаюсь, дорогой другъ, что я бываю полонъ чистѣйшаго удовольствія, когда подумаю, что ты, настоящій родникъ чести и любви къ дѣлу, — сдѣлался наконецъ, по собственному сознанію, тихимъ, уклончивымъ и предусмотрительнымъ, отбросивъ прежнюю торопливость, разсѣянность и *взбудораживательность*. Я радъ всему этому, не какъ сребролюбецъ, который видитъ въ томъ свою выгоду, но радъ совершенно по другимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, — что ты самъ будешь покойнѣе и довольнѣе собою; а во-вторыхъ, — что я могу осуществить давно лелѣянную мною идею — имѣть друга по душѣ, и въ немъ же сотрудника въ дѣлахъ, говоря съ нимъ о нихъ безъ огляди и раздумья.

«Прощай, весь твой

В. Штукаревъ »

(*) Моего покойнаго дяди-чудака.

Итакъ, Вѣра, Надежда и Любовь снова возвратились въ мое сердце, изгнали изъ него недовѣрчивость, сомнѣніе и малѣйшій страхъ за мое будущее, и водворили въ немъ чудную тишину и ясность. Съ неутомимою энергіею занялся я дѣломъ и имѣлъ очень частую и постоянно задушевную переписку съ Штукаревымъ, который въ концѣ зимы порадовалъ меня своимъ посѣщеніемъ, хотя и на короткое время. Дѣло гжатское шло хорошо и «всѣ» были имъ довольны, всѣ, кромѣ главной вя...ской конторы. Но считаю лишнимъ говорить здѣсь о тѣхъ безсчисленныхъ непріятностяхъ, которыя дѣлала мнѣ эта главная вя...ская контора, т. е. главноуправляющій см......кими откупами Штукарева. Богъ съ нимъ! Лучшей благодарности ожидалъ я за мое смѣлое заступничество за него въ Ор.. въ предъидущемъ году. — Видно откупная благодарность тоже имѣетъ «свои точки зрѣнія.» Итакъ, оставлю въ покоѣ это непріятное воспоминаніе, которое оправдываетъ пословицу: «не вспоивъ, не вскормивъ, — ворога не видать.»

Настала весна. Между тѣмъ явился случай, по которому мнѣ необходимо было отлучиться на время изъ откупа для того, чтобы исполнить священную обязанность отца. Дочери моей исполнилось уже девять лѣтъ, стало быть надо было серьёзно позаботиться о ея воспитаніи. Хорошія гувернантки ни за что не рѣшались ѣхать въ такую глушь, какъ Сергачскій уѣздъ, гдѣ жила моя дочь у своей бабушки. Одно средство было—привезти ее въ Москву и отдать или въ институтъ, или въ хорошій пансіонъ. Хотя я былъ не простой управляющій, а участникъ, товарищъ Штукарева по гжа.....му откупу, однако не прежде, какъ получа его разрѣшеніе и сдавши откупъ новому управляющему, оставилъ я Гжатскъ и поѣхалъ за дочерью.

Взявши мою дочь отъ бабушки, я проѣхалъ изъ Нижегородской губерніи въ Костромскую, для свиданія съ сестрою и дядею, и послѣ самаго короткаго у нихъ пребыванія пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и остановился у Штукарева. Черезъ нѣсколько дней помѣстилъ я дочь мою въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ и хотѣлъ было возвратиться въ Гжа...., чтобы снова приняться за дѣло, но Василій Андроновичъ удержалъ меня при себѣ, говоря, что въ Гжа.... теперь отличный управляющій, дѣло идетъ превосходно, и стало быть нѣтъ никакой надобности ѣхать мнѣ туда, а лучше остаться при немъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ зажилъ и прожилъ я съ нимъ до конца

іюля, разъѣзжая по окрестностямъ Москвы и посѣщая народныя гулянья, которыя очень нравились тогда Василью Андроновичу. Въ концѣ же іюля мы пустились съ нимъ въ дальній путь, на юго-западъ Россіи. Посѣтили мы сперва Харьковъ, гдѣ прогостили пять дней у покойнаго и добрѣйшаго В. К. Ку—на, который оказалъ намъ самое радушное и самое широкое гостепріимство. Ужь чѣмъ онъ насъ не угощалъ, чѣмъ не подчивалъ! Развѣ не было только птичьяго молока!... Великолѣпнѣйшіе обѣды, отличнѣйшія старыя вина, заготовленныя еще его покойнымъ отцомъ, который былъ въ свое время настоящимъ патрономъ Харькова, превосходнѣйшіе фрукты, гулянья по городу и за городъ въ прелестныхъ экипажахъ парижской работы, запряженныхъ чудными бѣгунами орловской породы.

Пять дней прожили мы въ этомъ эльдорадо, гдѣ буквально катались,—какъ сыръ въ маслѣ. Распростившись наконецъ съ нашимъ Амфитріономъ, мы въ началѣ августа поѣхали въ Кіевъ, величественная красота котораго поразила насъ и привела въ неописанный восторгъ, не охлаждавшійся во всѣ три дня пребыванія нашего въ этомъ городѣ. Наконецъ въ половинѣ августа мы возвратились въ Москву, совершивъ длинное и чрезвычайно пріятное путешествіе.

Василій Андроновичъ продолжалъ не говорить мнѣ ни слова о необходимости поѣздки моей въ Гжа.... Напротивъ, онъ собирался въ Петербургъ въ сентябрѣ и заявилъ мнѣ желаніе взять меня туда съ собою. Такъ какъ до того времени оставалось еще недѣли двѣ, то я и воспользовался этимъ промежуткомъ, чтобы посѣтить Крапивну, гдѣ у меня было 25 паевъ, вмѣстѣ съ моимъ родственникомъ А. И. Ле....вымъ, который самъ управлялъ откупомъ. Дѣло это шло очень хорошо, несмотря на неопытность моего родственника, который нигдѣ и никогда до того времени не занимался откупными дѣлами, и только по моей рекомендаціи и просьбѣ былъ введенъ Штукаревымъ въ откупныя дѣла.

Возвратясь изъ Крапивны въ Москву, я въ началѣ сентября поѣхалъ съ Штукаревымъ въ Петербургъ. Болѣе полутора мѣсяца прожилъ я тамъ съ нимъ. Ничто не возмущало полнаго между нами согласія, ничто не омрачало ясности нашихъ дружескихъ отношеній, которыя, казалось, не боялись болѣе никакихъ невзгодъ, никакихъ потрясеній, никакихъ измѣненій. Наконецъ пора было приниматься мнѣ и за дѣло и оставить Петербургъ съ его соблазнами, какъ-то: итальянской оперой, завтра-

ками у Елисѣева и Смурова, обѣдами и ужинами у Дюссо и разными прочими «сладостями жизни», которыя, надо сказать правду, Василій Андроновичъ любилъ пріобрѣтать безъ всякихъ торговъ и переторжекъ, — не такъ, какъ разные прочіе экономные сибариты.

Насталъ день моего выѣзда. Это было въ концѣ октября. Василій Андроновичъ проводилъ меня до отдѣленія почтовыхъ каретъ и, когда я садился въ почтовый экипажъ, обнялъ и поцаловалъ меня крѣпко, крѣпко.... Въ Москвѣ я остановился въ домѣ Василья Андроновича и думалъ пробыть не болѣе трехъ или четырехъ дней. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ этотъ пріѣздъ мой въ Москву суждено было совершиться огромнымъ переворотамъ и потрясеніямъ въ моей жизни, и безъ того уже довольно потрясенной.

Въ четвертой главѣ этого разсказа я упомянулъ объ одномъ малороссійскомъ семействѣ, съ которымъ познакомился въ іюлѣ 1845 года и которое съ тѣхъ поръ посѣщалъ я всякій разъ, когда проѣзжалъ черезъ Москву; а это случалось довольно часто, въ продолженіе всего времени моихъ откупныхъ треволненій. Въ той же главѣ говорится и о двухъ слезахъ, выкатившихся изъ большихъ черныхъ глазъ, при сообщеніи мнѣ радостной вѣсти о спасеніи моей дочери. Эти прекрасныя двѣ слезы не пропали даромъ. Съ той поры, при каждомъ посѣщеніи моемъ милаго семейства Бо—евскихъ, я встрѣчался съ обладательницею черныхъ глазъ, и все лучше и короче знакомился съ нею и узнавалъ и оцѣнивалъ ее...

Съ другой стороны одинокая и скитальческая моя жизнь все болѣе и болѣе тяготила меня. Пусто, жалко и безотрадно было существованіе, которое влачилъ я въ питейныхъ конторахъ да въ тарантасахъ и дилижансахъ во время безпрерывныхъ моихъ переѣздовъ и объѣздовъ. Кто разъ испыталъ полное счастіе въ семейной жизни, тому всякая другая будетъ казаться мерзостію и запустѣніемъ.

Въ первый же день моего пріѣзда въ Москву я отправился въ домъ Бо—евскихъ и провелъ тамъ восхитительный вечеръ. Какъ блистали знакомые черные глаза, какъ звучалъ знакомый серебристый голосъ! А на другой день былъ я на имянинномъ вечерѣ, у зятя Бо—евскаго, Х—рова. Софи и тамъ не имѣла соперницъ. Вечеръ этотъ рѣшилъ мою участь.

На другой день, 4 ноября вечеромъ, послѣ долгой нерѣшительности, высказалъ я мою тайну брату Софи. Не знаю, предугадывалъ ли онъ что нибудь, или нѣтъ; но онъ принялъ мое предложеніе съ изъявленіемъ своего полнаго сочувствія и обѣщаніемъ завтра же передать его своей сестрѣ и быть моимъ у нея ходатаемъ. Мы разстались, и я получилъ разрѣшеніе пріѣхать къ нему на слѣдующій день вечеромъ, чтобы узнать мою участь. Въ эту ночь я не много спалъ.

Насталъ день 5 ноября. Нескончаемо тянулись для меня срочные часы. Въ полдень братъ Софи пріѣхалъ ко мнѣ и сообщилъ, послѣ перваго объясненія съ сестрою, слѣдующій отвѣтъ: «если бы я слушала только голосъ моего сердца, я сейчасъ же, съ благодарностію, приняла бы предложеніе Николая Петровича. Но сверхъ обязанностей жены, любящей своего мужа, я должна еще принять на себя священныя обязанности матери, долженствующей заботиться о счастіи его дѣтей. И потому мнѣ необходимо подумать, съумѣю ли я быть и хорошею женою, и хорошею матерью». Вечеромъ явился я въ домъ Бо—евскихъ съ сильнымъ трепетомъ сердца. Братъ Софи встрѣтилъ меня ласково, взялъ за руку, посадилъ на диванъ и, сказавъ «побудьте здѣсь», вышелъ изъ гостиной. Вскорѣ отворилась дверь и вошла Софи, сильно взволнованная. Щоки ея горѣли ярче обыкновеннаго, грудь вздымалась. Я всталъ при первомъ движеніи отворявшейся двери. Тихо, робко подошла ко мнѣ Софи и, не будучи въ состояніи проговорить ни слова, протянула мнѣ руку, которую я покрылъ поцалуями...

Но здѣсь я кладу перо. Въ жизни такихъ впечатлительныхъ, людей, какъ я, бываютъ иногда минуты такого неизреченнаго блаженства или такихъ ужасающихъ страданій, изображеніе которыхъ невозможно.

Итакъ, я былъ счастливъ... Но нѣтъ ничего прочнаго на землѣ вообще, а въ откупномъ мірѣ въ особенности.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ изъ Петербурга, до меня начали доходить разные слухи о Васильѣ Андроновичѣ: говорили, будто онъ сосватанъ, скоро женится и съ этой цѣлью отдѣлываетъ себѣ въ Петербургѣ квартиру. Я принималъ эти слухи за выдумку, полагая, что Василій Андроновичъ не сталъ бы таить отъ меня, своего друга, такого важнаго намѣренія, какъ женитьба. Да и къ чему скрывать то, что должно же сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ и каждому? Но я не зналъ тогда, что откупщики, особен-

но великолѣпные, любятъ корчить изъ себя дипломатовъ, столько же тонкихъ, какъ Меттернихи и Талейраны.... Но покамѣстъ отдохнемъ и соберемся съ силами, чтобы разсказать достойнымъ образомъ грозно-пасквильную развязку гнилой откупной дружбы, развязку, которая отравила и настоящее мое счастье—счастье влюбленнаго жениха, и затѣмъ счастье семейное.

Возвратясь домой далеко за полночь, послѣ согласія Софіи, я сейчасъ же принялся за перо, чтобъ, не откладывая ни минуты, и еще подъ свѣжимъ вліяніемъ восторга, подѣлиться моимъ счастьемъ съ «дорогимъ другомъ». Двадцатилѣтній и самый мечтательный юноша, описывая свою первую любовь, ничего не могъ бы придумать страстнѣе того, что̀ писалъ я къ Василью Андроновичу!

Написалъ, запечаталъ и отправилъ я на почту эпопею моихъ страстныхъ чувствъ къ моему Оресту или Пиладу XIX столѣтія. Но проходитъ время, достаточное для полученія отвѣта, а отвѣта нѣтъ. Проходитъ и еще день, другой, третій, отвѣта все нѣтъ. А между тѣмъ слухи о его женитьбѣ становились все громче; я терялся въ догадкахъ. Наконецъ, недѣли черезъ двѣ послѣ моей помолвки, получаю отвѣтъ. Штукаревъ поздравлялъ меня съ важнымъ событіемъ моей жизни, желалъ мнѣ «отъ всей души» полнаго счастія, разрѣшалъ оставаться въ Москвѣ до самой моей свадьбы, сообщалъ мнѣ между прочимъ, что онъ женился на ***. Потомъ посылалъ въ подарокъ моей невѣстѣ брошку и заключилъ письмо слѣдующею фразою:

«Весною *всѣ мы* ѣдемъ за границу.»

Письмо это, которое я тоже затерялъ, вполнѣ меня успокоило. Я принялъ за чистую монету и поздравленія и желанія. По непостижимому ослѣпленію, я не обратилъ вниманія на то, что другъ мой такъ долго и неестественно умалчивалъ о своей женитьбѣ. На этотъ разъ я измѣнилъ своему постоянному обычаю —строго анализировать и свои собственные, и чужіе поступки, имѣвшіе какую нибудь относительную важность. Слѣдствіемъ такого ослѣпленія было то, что въ отвѣтъ на поздравительное письмо образцоваго друга я послалъ къ нему, при письмѣ отъ 17 ноября, разныя мои впечатлѣнія и мысли, изложенныя въ формѣ дневника. Въ этомъ же послѣднемъ письмѣ моемъ отъ 17-го я сказалъ, между прочимъ: «надѣюсь, другъ, что ты возьмешь и меня, когда поѣдешь за границу». Къ впечатлѣніямъ присоединилъ я еще три строфы поэтической прозы, въ кото-

рыхъ восхвалялъ мою Софію. Восторженны были эти строфы, сознаюсь въ томъ; но что жь за бѣда! Не всѣ одинаково созданы и не всѣ въ равной степени могутъ владѣть чувствами и движеніями сердца и отмѣривать ихъ на аршины, четверти и вершки, или отвѣшивать по фунтикамъ, золотникамъ и гранамъ. Не каждому дана блистательная способность великолѣпныхъ откупщиковъ—*никакого мелкаго дѣла не откладывать ни для какого крупнаго чувства*, и еще — оцѣнивать *дружбу по результатамъ въ чистыхъ рубляхъ* и копѣйкахъ. Наконецъ, я надѣюсь, читатель согласится со мной, что ничего нѣтъ безчестнаго, ни даже предосудительнаго въ чувствахъ восторга къ невѣстѣ и въ изложеніи этихъ чувствъ своему другу, «*всегдашнему почитателю нашей высокой честности и горячей преданности сердца*».

Казалось бы такъ? Но на повѣрку вышло далеко не такъ.

Наступила наконецъ развязка гнилой дружбы: въ концѣ ноября я получилъ отъ Штукарева письмо, написанное не на почтовой, а на сѣрой писчей, почти оберточной бумагѣ. Вотъ это образцовое произведеніе ума, чувствъ, правилъ и особенно «точекъ зрѣнія» великолѣпнаго откупщика. Предоставляю этотъ документъ на судъ всѣхъ честныхъ и въ особенности благовоспитанныхъ людей.

Документъ двѣнадцатый.

С. Петербургъ. 26 ноября, 1847 года.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

«Письма твои отъ 15 и 17 ноября и впечатлѣнія, изложенныя въ особой запискѣ, я получилъ по возвращеніи изъ Пскова, куда ѣздилъ на недѣлю. Прочитавъ всѣ твои *писанія*, я сдѣлался полонъ самой тяжелой грусти, потому что изъ нихъ вынесъ свѣжее, сильное и вѣрное убѣжденіе въ томъ, что ты никогда не будешь ровенъ и предумотрителенъ. Въ доказательство этого *я вызываю факты изъ самыхъ писемъ и дѣйствій твоихъ* (*). 1) Не буду говорить о твоей непомѣрной восторженности, которая ни къ чему не ведетъ; ибо въ вѣкъ разума, истинное счастіе созидается на тихости и на господствѣ разума надъ всѣми чувствами, что̀ справедливо замѣтила тебѣ въ этомъ родѣ твоя Софи. Не возражай того, что изліянія твои отно-

(*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

сятся къ одному мнѣ; ибо я знаю, что и другіе получаютъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Впрочемъ все это не мое дѣло, и если я началъ съ этого, то потому, что отсюда слѣдуетъ тотъ важный выводъ, который будетъ выраженъ въ окончаніи первой части моего письма. 2) Ты знаешь, что я постоянно занятъ текущими дѣлами и разными экстрами; знаешь равно и то, что *никакого мелкаго дѣла я не оставляю ни для какого крупнаго чувства*, чему примѣромъ служитъ то, что въ день свадьбы я былъ у Ф. П., на другой день въ 10-мъ часу утра — въ Д...., а черезъ семь дней — въ Псковѣ. Я дѣйствую такъ потому, что понимаю зависимость спокойствія въ жизни отъ степени моей подвижности и дѣятельности. Вслѣдствіе этого въ январѣ и февралѣ я буду въ Казани и Саратовѣ, а потому и не могу приглашать тебя въ Петербургъ. 3) Выѣхавъ отсюда мѣсяцъ тому назадъ, ты не только не думаешь быть въ Гжа.... ни къ Рожеству, ни къ новому году, хотя на недѣлю; но даже заявляешь намѣреніе ѣхать въ Петербургъ и мечтаешь не о дѣлѣ, а о поѣздкѣ за границу (*). Изъ всего этого слѣдуетъ вотъ что: а) для гжатскаго дѣла потеряны всѣ лучшіе мѣсяцы, въ которыхъ нуженъ надзоръ хотя временный (**); б) изъ многихъ опытовъ ты знаешь, что я имѣю порокъ, заключающійся въ излишней деликатности, и оттого хочу, чтобы каждый зналъ свою обязанность безъ напоминаній. Если ты это подмѣтилъ, то вѣрно подсмотрѣлъ и то, какъ стараюсь глубоко я проникать въ смыслъ дѣйствій и писемъ тѣхъ лицъ, которые занимаются дѣлами, углубляясь въ это изъ желанія измѣрять степень ихъ ума и такта, дабы по симъ даннымъ опредѣлить потомъ, на кого изъ нихъ какую массу дѣлъ можно возложить. Напоминаніе объ обязанностяхъ есть, помоему, вступленіе въ совершенный разрывъ со мною. Это вступленіе съ твоей стороны уже зашло далеко (***). Въ оправданіе свое ты, можетъ быть, приведешь двѣ причины, т. е. дружбу и женитьбу. На первое скажу то, что *дружба дружбой, а служба службой. Чѣмъ крѣпче дружба, тѣмъ тщательнѣе должна быть выказана любовь къ дѣлу, съ засвидѣтельствованіемъ ея результатами въ чистыхъ рубляхъ.* На второе — скажу то, что очень легко 20 тысячъ женитьбъ уладить съ возможностію дѣлать дѣло и ѣздить въ Гжа...., хоть къ однимъ учетамъ, тѣмъ болѣе когда бы было подумано хоть мимоходомъ о томъ, что изъ этого проистекаетъ возможность для самой

(*) Меня удерживало тогда въ Москвѣ еще и лѣченіе опаснаго недуга, какъ это видно будетъ впослѣдствіи изъ моего письма.

(**) Ничего не было тогда потеряно въ Гжа...., который и управлялся, и шелъ превосходно.

(***) Никогда и ни разу не приходилось г. Штукареву напоминать мнѣ о моихъ обязанностяхъ!...

жизни. Всякій другой (пари держу за Сем... Вас....,.. ([1]) нарочно бы стремился показать для примѣра другимъ, что его стремленія не охлаждаетъ и самая женитьба; и в) хотя многіе давно убѣдились въ томъ, что я требую сильной любви къ дѣлу и безъ этого ни съ кѣмъ не уживусь, но это мнѣ стоило не малаго труда, теперь разрушаемаго въ глазахъ всѣхъ явнымъ твоимъ пренебреженіемъ къ дѣлу. 3) Я не столько богатъ, чтобы могъ предоставлять участіе въ дѣлахъ, не требуя за то платы отъ участниковъ разумною ихъ дѣятельностію ([2]) Я не столько неразуменъ, чтобы не понять, какъ много отъ этого примѣра, поданнаго (кѣмъ же?) тобою, должна страдать моя администрація ([3]). Если ты такъ дѣйствуешь, то почему же не вправѣ Ив. Ѳед., Сем. Вас., Вас. Ник. и Ник. Гавр. бросить дѣла на руки Ястребцовыхъ? Они болѣе на это имѣютъ права, ибо нѣсколько лѣтъ трудятся, не отрываясь отъ дѣла ([4]). Если же они устоятъ и останутся вѣрны своему долгу, то тогда какую же форму въ глазахъ ихъ будетъ имѣть моя голова? 4) Если бъ ты мнѣ написалъ, что женясь тотчасъ ѣдешь въ Гжатскъ работать (безъ Ястребцова, объ чемъ я просилъ вѣжливо, а теперь скажу, что я упрямъ въ этомъ

([1]) Хотѣлось бы мнѣ знать, каковъ-то теперь взглядъ г. Штукарева на этого достославнаго мужа Сем... Вас.......

([2]) Не мѣшало бы г. Штукареву помнить, что участіе въ Гжа.... дано мнѣ было, какъ вознагражденіе, не за личное мое управленіе дѣломъ, а въ замѣнъ 50 гласныхъ паевъ, которые долженъ былъ я имѣть въ Бо......... Я умолялъ г. Штукарева не продавать этого дѣла, но онъ меня не послушалъ, и потомъ, вмѣсто 50 гласныхъ, далъ мнѣ 25 негласныхъ паевъ въ Гжа..... Быть можетъ съ его точки зрѣнія этотъ поступокъ — «такъ себѣ ничего». Но «съ общечеловѣческой точки зрѣнія» этотъ поступокъ — далеко не такъ себѣ, а *очень и очень того!!....*

([3]) *Моя администрація!!!* Какъ это громко сказано, г. Штукаревъ! Вы любите трескучія фразы, особливо когда пуститесь въ умозрѣнія на своихъ пресловутыхъ *бы*, да *кабы*. Полноте морочить православный народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и меня грѣшнаго. Ни на волосъ не пострадала ваша «администрація» 1847 года отъ того, что, съ вашего же разрѣшенія, пробылъ я въ Москвѣ мѣсяцъ.

([4]) Да когда же я отрывался самъ, произвольно отъ дѣла? Укажите, хоть одинъ случай, г. Штукаревъ! Въ первый разъ, оставилъ я Щи... по вашему же приглашенію и вслѣдствіе отчаянной болѣзни моей дочери. Во второй разъ, я оставилъ Гжа.... съ вашего разрѣшенія и для исполненія высокой и священной обязанности отца. Вѣдь надо же было позаботиться о воспитаніи дѣтей. Это дѣло не менѣе важно, какъ и выручки съ перевыручками. По крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія моей, да и всѣхъ умныхъ, добрыхъ и нравственныхъ людей. Не знаю, какъ съ вашей?... Въ третій разъ, я оставилъ Ор... въ 1846 году; но вѣдь я тамъ не имѣлъ никакой должности; а когда въ Щи... хотѣлъ ѣхать управлять ими лично, такъ вы мнѣ этого не разрѣшили, вѣроятно для того, чтобы доставить удовольствіе И—нову обокрасть тотъ несчастный откупъ съ моими еще болѣе несчастными 25-ю паями. Вотъ и всѣ случаи, когда я, какъ вы изволите выражаться, «отрывался отъ дѣла!» На чемъ же основано это обвиненіе ваше, г. Штукаревъ? На вашихъ же «собственныхъ точкахъ зрѣнія»?!..

случаѣ), безъ всякихъ идей о развлеченіяхъ внѣ Гжатска, то я не имѣлъ (бы) причины писать эти скучные листы; но какъ ты наполняешь свою голову не дѣломъ, а фантазіями, то я обязываюсь сказать, что для фантазій нужны деньги, а для денегъ нуженъ трудъ. Разсмотри свое положеніе: въ Крапивнѣ у тебя $1/4$ часть и такая же въ Гжа.... Если будетъ барышъ отъ первой, то это плодъ добросовѣстнаго труда разумнѣйшаго А. И, который трудится безъ всякихъ фантастическихъ бредовъ, какъ муравей. Если отъ послѣдней хочешь имѣть деньги, то ихъ слѣдовало вырабатывать трудомъ, ибо еще разъ повторю, что участіе въ дѣлахъ предоставляется въ обмѣнъ за личное управленіе (*). Эта мѣра вознагражденія сопровождается успѣхами отъ Сем. Вас. и Вас. Ник. и совершеннымъ неуспѣхомъ съ твоей стороны. 5) Наконецъ я прихожу къ двумъ заключеніямъ. *Первое:* если угодно дѣло дѣлать, то прошу дѣлать его такъ, какъ я здѣсь дѣлаю, т. е. съ утра до вечера. *Второе:* и потому мнѣ надо знать, угодно ли тебѣ послѣ свадьбы тотчасъ ѣхать въ откупъ и не оставлять его безъ моего на то согласія. Управлять же откупомъ самому. 6) Высказавъ все то, что долженъ высказать человѣкъ дѣловой, дѣйствующій въ дѣлахъ безъ всякихъ увлеченій и опредѣляющій людей по ихъ дѣйствіямъ и сообразно онымъ оцѣнивающій ихъ честно,—я наконецъ скажу нѣсколько словъ отъ лица человѣка мыслящаго. Вотъ эти слова: мнѣ чрезвычайно не понравилась твоя духовная, какъ вещь великолѣпно нестройная, но я не говорилъ тебѣ, ибо хотѣлъ хорошенько повѣрить свои мысли на счетъ ея. Вызываю вопросы изъ смысла самой духовной. *Первый:* откупъ Бар—кову передаиъ за 12 тысячъ, если онъ не перемѣнитъ залоговъ Га—ра; а когда перемѣнитъ, то платитъ 8 тыс. (Ба—ковъ увѣдомилъ уже, что онъ перемѣняетъ залоги). *Второй:* по смерти одного изъ участниковъ по закону учреждается надъ откупомъ опека. Не нужно ли было, въ огражденіе А. И.

(*) Вы повторяете, г. Штукаревъ! Повторю и я: *не за личное управленіе, а за Богородицкъ дано было мнѣ участіе въ Гжа.....* Хотѣлъ ли бы я, или нѣтъ управлять откупомъ лично, во всякомъ случаѣ я имѣлъ въ немъ паи, которыхъ вы не имѣли ни малѣйшаго права лишать меня, потому что это было бы уже очень скверно даже и съ «вашей точки зрѣнія». Относительно управленія, разница была только въ томъ, что управляя дѣломъ самъ, я получалъ, по вашему назначенію, 150 руб. въ мѣсяцъ за мое управленіе; а если бы не захотѣлъ управлять, тогда эти 150 руб. получалъ бы управляющій. Но я никогда до сей поры не заикнулся сказать вамъ хоть одно слово о моихъ правахъ; никогда ни о чемъ не просилъ я васъ, а за все только благодарилъ. Стало быть вамъ не подобаетъ слишкомъ хвастать тѣмъ, *что вы имѣете порокъ, заключающійся въ излишней деликатности.* Ужь не знаю, на чьей сторонѣ окажется эта деликатность, послѣ строгаго разбора бывшихъ между нами отношеній?...

Ле—ва сказать, что онъ опекунъ по откупу? Всякая духовная, какъ послѣдній актъ въ жизни человѣка, должна, для уваженія къ памяти его, выражать глубокую осмотрительность, а отнюдь не быть сборникомъ фразъ и обезпеченій въ родѣ мыльныхъ пузырей. Разсмотри строго свою духовную и ты увидишь что въ ней много кой чего имѣется (*).

Независимо отъ душевнаго огорченія, произведеннаго скороспѣлой духовной, чувства мои окончательно пострадали отъ прочтенія записки объ Софи въ трехъ періодахъ, начинающихся со слова: «Если». Боже мой! какая дерзость и какая глупость (**), превосхо-

---

(*) Отчего же это, г. Штукаревъ, вы ничего не говорили мнѣ насчетъ моей духовной, когда я былъ еще въ Петербургѣ? Во первыхъ, это была ваша прямая обязанность, какъ друга; во вторыхъ, я вѣдь не могъ знать святымъ Духомъ, что Бар—ковъ перемѣняетъ залоги, даже вовсе не зналъ о существованіи такого условія. Наконецъ въ третьихъ, я не юристъ, вамъ хорошо это было извѣстно, и потому мнѣ извинительно было не знать закона, по которому, по смерти одного изъ участниковъ въ откупѣ, назначается опека. Но неизвинительно было ничего не сказать мнѣ объ этомъ *вамъ*, которому извѣстенъ былъ такой законъ. Поэтому и ваши доводы, г. Штукаревъ, суть не что иное, какъ мыльные пузыри. Они доказываютъ одно только, а именно: къ вашему громадному таланту для гиперболы и особливо для изобрѣтенія безчисленныхъ «точекъ зрѣнія», вы присоединяете еще трансцендентальный талантъ обвинителя. И будь это во Франціи, вы съ величайшимъ блескомъ могли бы занять тамъ должность генеральнаго прокурора въ уголовномъ судѣ низшей инстанціи. Плохо пришлось бы тогда подсудимымъ того суда, въ которомъ вы составляли бы свои прокурорскія реквизиціи. Этотъ выводъ мой объ васъ, г. Штукаревъ, подтверждается страшнымъ письмомъ вашимъ, отъ 26-го ноября, наполненнымъ самыми неосновательными обвиненіями, и которое осмѣяло, опозорило и убило самыя лучшія и дорогія вѣрованія моего сердца. Лишить дружбы и уваженія человѣка «высокой честности» за то только, что онъ вздумалъ созидать свое счастіе на восторженной любви къ своей невѣстѣ, а *не на господствѣ разума надъ всѣми чувствами!!* Такимъ образомъ формулированное обвиненіе сдѣлало бы честь и самому Фукье-Тенвиллю съ братіею.

(**) Потише, г. Штукаревъ! Позвольте вамъ замѣтить, что когда разрываютъ дружескія связи съ человѣкомъ «высокой честности», то должны говорить съ нимъ, какъ можно вѣжливѣе. А вѣдь въ написанной вами *глупости* — гораздо болѣе *дерзости*, чѣмъ въ моихъ трехъ строфахъ. Съ вашей стороны было не совсѣмъ благоразумно выражаться такъ о человѣкѣ, пропитанномъ до костей духомъ воинской чести. Неровенъ часъ, и немудрено эдакъ наткнуться на какой нибудь *казусъ* самаго непріятнаго свойства, отъ котораго не въ силахъ защитить «всѣ ваши точки зрѣнія», вмѣстѣ взятыя.

Я оставилъ безъ разбора два удивительно-гуманныя правила, вѣроятно почерпнутыя изъ катихизиса вашего сердца, г. Штукаревъ, и начинающіяся такъ: «никакого мелкаго дѣла» и потомъ: «чѣмъ сильнѣе дружба». Особливо превосходны неоцѣненныя слова: *съ засвидѣтельствованіемъ ея, т. е. вашей дружбы результатами въ чистыхъ рубляхъ!!!*.... Великолѣпно!.... Какая гуманность, прогрессивность! Да вѣдь и самъ Игнатій Лойола, помноженный на Макіавелля,

дящая даже персидскую поэзію! Я убѣжденъ въ томъ, что твоя разумная Софи (какою я разумѣю ее въ замѣчаніи ея о неумѣстныхъ восторгахъ) устыдилась бы этого сочиненія. Что касается до меня, то я болѣе не другъ твой, а просто знающій тебя человѣкъ. Вотъ онъ — выводъ упоминаемый въ первомъ пунктѣ письма. Обращаюсь ко второй части *и хороню навсегда слово — ты.*

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

«Милостивый государь,
Николай Петровичъ!

«Мнѣ нужно для полноты моихъ соображеній знать, когда вы можете приступить къ дѣламъ; а потому потрудитесь меня объ этомъ извѣстить. Въ Гжа.... теперь вамъ ѣздить не нужно, ибо время не допускало медленности, и я всѣ распоряженія сдѣлалъ отсюда самъ. Прошу васъ не стѣсняться и назначить то время, въ которое вы будете свободны, ибо дѣло для васъ будетъ всегда готово.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою,

В. Штукаревъ.»

ГЛАВА VII.

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІЙ. — ПЕРВЫЙ АКТЪ ДРАМЫ, СЪ ПЕРСПЕКТИВОЮ НОВОЙ РАННЕЙ МОГИЛЫ.

Я былъ у моей невѣсты и сидѣлъ съ нею въ залѣ, когда подали мнѣ вышеприведенную грамотку *по пунктамъ* отъ Василья Андроновича. Ничего не подозрѣвая, я распечаталъ и, развернувъ большой листъ оберточной бумаги, принялся читать. Съ первыхъ же словъ начало вѣять на меня холодомъ. Напрасны были мои усилія скрыть подъ улыбкою впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ: лицо Софи становилось грустнѣе и мрачнѣе. Наконецъ я кончилъ чтеніе и все продолжалъ улыбаться; но лицо Софи не прояснялось. А что происходило въ глубинѣ моей души!... Одному Богу-да мнѣ извѣстно, какое средневѣковое ду-

---

не придумалъ бы ничего лучшаго!... Такъ вотъ откуда, изъ какихъ правилъ почерпаются милліоны, дачи и картинныя галлереи великолѣпныхъ откупщиковъ!!!... Извините меня за эти восклицательные знаки съ точками, г. Штукаревъ!

шевное колесованіе я тогда вытерпѣлъ! Да еще извѣстно это было моей невѣстѣ, потомъ женѣ, а теперь уже пять лѣтъ какъ покойницѣ; извѣстно потому, что она прочувствовала тоже самое, что̀ и я, и въ одно и тоже время. Не читая письма, она на моемъ лицѣ прочитала все, что было у меня въ душѣ и чѣмъ былъ исписанъ оберточный листъ, этотъ свадебный подарокъ отъ щедротъ Василія Андроновича.

Итакъ, когда я окончилъ чтеніе роковаго письма, въ которомъ Штукаревъ такъ презрительно возвратилъ мнѣ, или, вѣрнѣе сказать, швырнулъ въ лицо дружеское «ты», я положилъ въ карманъ оберточный листъ, стараясь придать своему лицу безпечное выраженіе. Софи взяла меня за руку и глядя мнѣ пристально въ глаза, сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Nicolas! ты получилъ самое непріятное письмо отъ Штукарева. Не хитри и не скрывай отъ меня своего горя: меня не обманетъ твоя ненатуральная улыбка. Могу ли я знать, какого рода невзгоду заключаетъ въ себѣ этотъ мелко-исписанный листъ сѣрой бумаги?

Послѣ этихъ словъ вдругъ исчезла искусственная моя веселость, лицо мое сдѣлалось мрачно. Я не скоро могъ отвѣчать. Положеніе было самое щекотливое — и вотъ почему.

Собственно мое состояніе было очень невелико. У Софи тоже было немного, самый маленькій капиталъ. Но когда я сдѣлалъ ей предложеніе, у меня были блестящія надежды, оправдываемыя тѣсною дружбою съ однимъ изъ сильныхъ откупнаго міра. Сколько разъ случалось во время интимныхъ бесѣдъ съ Васильемъ Андроновичемъ, когда разговоръ касался женитьбы, слышать отъ него: «тебѣ не для чего смотрѣть на состояніе при выборѣ жены: самъ будешь богатъ.» Никогда не допустилъ бы я себя увлечься въ мои годы, если бъ не вышеприведенныя слова Василья Андроновича, повторенныя неоднократно; онъ зналъ о моемъ намѣреніи относительно Софи; зналъ и вполнѣ одобрялъ его.

И что жь! Когда я сдѣлалъ предложеніе, — этотъ другъ, подъ самыми пустыми предлогами, лишаетъ меня своей дружбы, да еще и оспориваетъ мои неотъемлемыя права на безусловное участіе въ Гжа...комъ откупѣ, то есть оспориваетъ у меня бо̀льшую часть насущнаго хлѣба въ будущемъ.

Въ домѣ моей невѣсты меня всегда и всѣ принимали за человѣка, обладающаго очень хорошими средствами къ жизни, хотя

я никогда не дѣлалъ и не говорилъ ничего такого, что могло бы породить подобное мнѣніе. Вѣроятно, тѣсная моя дружба съ Штукаревымъ подала поводъ думать, что я богатъ, или по крайней мѣрѣ буду богатъ. Сейчасъ же вслѣдъ за моимъ предложеніемъ и еще до принятія его, братъ Софи объявилъ мнѣ, что за его сестрою ничего нѣтъ, кромѣ самаго незначительнаго капитала. Я отвѣчалъ, что надѣюсь самъ пріобрѣсти средства, достаточныя для хорошей жизни. Письмо Штукарева вдругъ уничтожило всѣ эти надежды, и потому долгъ чести повелѣвалъ мнѣ открыть это и моей невѣстѣ, и ея роднымъ. Но когда и какъ это сдѣлать? Вотъ какого рода думы затрудняли мой умъ, когда Софи спросила меня, что̀ за невзгоду заключало въ себѣ письмо Штукарева, и когда одна мысль, что можетъ разстроиться моя женитьба, приводила меня въ ужасъ.

Я не далъ прочитать ей безчеловѣчнаго, грубаго и дерзкаго письма. Но объяснилъ ей коротко, что Штукаревъ разрываетъ со мною дружескія связи; что, вслѣдствіе такого разрыва, уничтожаются мои надежды на широкія средства въ будущемъ и что поэтому я предоставляю ей полное право снова обдумать и рѣшить, можетъ ли она отдать свою руку мнѣ и надѣется ли быть со мною счастлива при измѣнившихся условіяхъ. — Рѣшайте. Я безъ малѣйшаго ропота покорюсь моей участи, прибавилъ я.

Лицо Софи приняло какое-то вдохновенное выраженіе, глаза заблистали ярче обыкновеннаго, и она, положивъ одну руку на мое плечо, а другою крѣпко сжавъ мою руку, сказала:

— Nicolas! Неужели ты думаешь, что мною руководили какіе нибудь разсчеты, когда я отдавала тебѣ мою руку? И неужели я выдерну назадъ эту руку оттого, что измѣнились твои обстоятельства и рушились нѣтоторыя твои надежды? Никто и ничто въ мірѣ не въ силахъ заставить меня взять назадъ мое слово, если только ты самъ не найдешь нужнымъ возвратить мнѣ его. Что̀ бы и какъ бы съ тобою ни случилось, я на вѣки твоя, послѣдую за тобою всюду и буду довольна всѣмъ, что ты дашь мнѣ.

Какъ она была хороша, произнося эти слова! Какой поцалуй запечатлѣлъ это вторичное и неразрывное сочетаніе нашихъ сердецъ! Какимъ спасительнымъ свѣтомъ озарилась моя душа! Безкорыстная, преданная и уже перешедшая черезъ горнило испытанія любовь утушила и вознаградила меня вполнѣ за утрату

гнилой дружбы человѣка, который разцѣнивалъ чувства «по результатамъ въ чистыхъ рубляхъ», то есть основывалъ свою дружбу на перевыручкахъ, а уваженіе на сложной цѣнѣ, и дѣлалъ изъ своего собственнаго сердца нѣчто въ родѣ прейсъ-куранта для винныхъ магазиновъ и штофныхъ лавочекъ.

Такъ совершилось разрушеніе языческаго капища, которое, въ слѣпотѣ моего безумнаго идолопоклонства, построилъ я, за два года передъ тѣмъ, изъ самыхъ непрочныхъ матеріаловъ, на самомъ негодномъ, *разсыропленномъ* цементѣ, и въ которомъ поклонялся я не истинному богу дружбы, а истукану, оболваненному изъ обыкновенной, простой глины и разсыпавшемуся въ прахъ отъ малѣйшаго къ нему прикосновенія. И сколько драгоцѣнныхъ перловъ сердца расточилъ я для украшенія алтаря въ томъ храмѣ! И сколько на этомъ алтарѣ я сжегъ фиміама чистѣйшихъ чувствъ, не догадываясь, не подозрѣвая, что для грубо-сболваненаго глинянаго истукана былъ бы несравненно пріятнѣе запахъ сивухи, но только исходящій изъ перевыручекъ и большой сложной цѣны!

Многіе, вѣроятно, упрекнутъ меня за то, что, мѣстами, въ этой исповѣди я не сохранилъ достаточнаго спокойствія и умѣренности въ выраженіяхъ. Но пусть только подумаютъ о томъ, что дѣлалъ со мною Штукаревъ! Сколько горя и оскорбленій нанесъ онъ мнѣ, не щадя ни моего самолюбія, ни моей гордости, ни сердца, которое безчеловѣчно осмѣялъ, опозорилъ и растерзалъ онъ, и которое по сю пору болитъ и ноетъ. А ранняя могила любимой жены! А дочь-сирота, лишенная ласкъ матери! Пусть всякій изъ моихъ читателей, прежде нежели броситъ въ меня камень осужденія, представитъ себя на моемъ мѣстѣ и тогда уже рѣшитъ: бросать или нѣтъ въ меня этотъ камень?

Невозможно изобразить теперь состояніе духа, въ которомъ я возвратился домой, по прочтеніи рокового письма. Чувство оскорбленнаго самолюбія, горечь разочарованія и крушеніе недавнихъ вѣрованій, стыдъ выброшеннаго мнѣ обратно «ты»... Но любовь къ Софи утишила душевную бурю; я принесъ ей въ жертву обиды и оскорбленія, которая мутили мнѣ душу, требуя немедленнаго удовлетворенія. Я смирился и написалъ на другой день къ Штукареву слѣдующее письмо.

Документъ тринадцатый.

Москва. 1847 года, 1 декабря.

Милостивый государь,

Василій Андроновичъ!

«Изъ письма вашего ко мнѣ отъ 26 ноября, я увидѣлъ негодованіе ваше на меня за то, что я до сихъ поръ не былъ въ Гжа..., и потому имѣю честь васъ увѣдомить, что я теперь совершенно свободенъ послѣ моей помолвки и первыхъ необходимыхъ приготовленій къ предстоящему браку, который будетъ не ранѣе 10 января. Прошу васъ убѣдительно разрѣшить мнѣ поѣздку въ Гжа...., гдѣ до свадьбы, для которой, вѣроятно, вы не откажете мнѣ въ двухнедѣльномъ отпускѣ, я могу заняться дѣломъ и надѣюсь доказать, что я не потерялъ ни любви, ни способности къ дѣлу. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь и проч. и проч.»

Не дожидаясь отвѣта, я черезъ два дня написалъ еще письмо.

Документъ четырнадцатый.

3-го декабря.

«Несчастная тетрадь моихъ впечатлѣній, которыя написалъ я подъ вліяніемъ глубокой любви къ моей невѣстѣ и счастія, столь для меня неожиданнаго, была однимъ изъ главныхъ поводовъ того между нами разрыва, вслѣдствіе котораго вы лишили меня и дружбы, и уваженія. И потому прошу васъ убѣдительно возвратить мнѣ эту тетрадь, которая для васъ ненужна и непріятна. Этого требуетъ уваженіе къ моей невѣстѣ, которая ничего не знаетъ ни о содержаніи той тетради, ни о томъ, что я послалъ ее вамъ.

«Не откажите мнѣ въ исполненіи этой просьбы, тѣмъ болѣе, что вы и сами теперь семьянинъ и понимаете, сколь важно уваженіе къ той, которую избрали мы въ подруги нашей жизни. Еще нѣсколько словъ:

«Я стою въ вашемъ домѣ, но послѣ вашего ко мнѣ письма пребываніе это должно быть тягостно для насъ обоихъ. Оставить же вашъ домъ, не узнавъ предварительно вашего о томъ мнѣнія, я тоже не долженъ, потому что не хочу разглашать нашъ разрывъ и дѣлать участниками моего бѣдствія всѣхъ живущихъ въ вашемъ домѣ. Пусть одинъ Богъ знаетъ о моихъ невыразимыхъ страданіяхъ, которыя схоронилъ я въ глубинѣ моей души, какъ и вы «схоронили

навсегда слово *ты*». Поэтому прошу сказать мнѣ откровенное свое мнѣніе о пребываніи моемъ въ вашемъ домѣ. Повторю еще мою просьбу — о разрѣшеніи мнѣ поѣздки въ Гжа.... до свадьбы, тѣмъ болѣе, что я теперь совершенно свободенъ. Но недѣли три тому назадъ была важная причина пребыванія моего въ Москвѣ: отъ дороги и холода я застудилъ ужаснѣйшій насморкъ, сильно меня безпокоившій, такъ что я обратился къ И—цову, который объявилъ мнѣ, что болѣзнь моя можетъ имѣть самыя опасныя послѣдствія, если я сейчасъ же не прибѣгну къ лѣченію холодной водою. И слава Богу, я теперь почти избавился отъ недуга и скоро буду въ состояніи къ выѣзду изъ Москвы и къ дѣлу. Я не писалъ вамъ прежде объ этомъ обстоятельствѣ, потому что не думалъ, что по послѣдствіямъ оно будетъ такъ важно въ исторіи моей жизни и моего сердца.

«На другой день послѣ помолвки я просилъ убѣдительно родныхъ моей невѣсты сдѣлать свадьбу поскорѣе для того, чтобы до поста отправиться мнѣ въ Гжа.... и приняться за дѣло. Но мнѣ сказали, что это невозможно, и я по неволѣ долженъ былъ дожидаться до января. Потомъ захватила меня болѣзнь и необходимость лѣчиться по совѣту И—цова. По роковой забывчивости я не писалъ вамъ объ этомъ; но думалъ ли я тогда, что меня осудятъ и накажутъ, не выслушавъ прежде моего оправданія, тогда какъ прощались вами часто люди, разстроившіе ваши дѣла своимъ дурнымъ поведеніемъ, нерадѣніемъ и недобросовѣстностію. Ожидалъ ли я, что послѣ ласковаго вашего письма отъ 11 ноября и присланнаго вами подарка моей невѣстѣ, произойдетъ такой быстрый переворотъ и въ мысляхъ и въ чувствахъ вашихъ?

Но да будетъ Его святая воля! Совершеннаго счастія не дано смертнымъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю и пр. и пр.»

Ждалъ я отвѣта на эти письма, но прошло двѣнадцать дней, а отвѣта не было. Тогда я написалъ еще письмо.

Документъ пятнадцатый.

М. Г. В. Ан.

«Двумя письмами отвѣчалъ я на ваше письмо отъ 26 ноября и просилъ васъ убѣдительно: 1) разрѣшить мнѣ поѣздку въ Гжа.... до моей свадьбы; 2) возвратить мнѣ тетрадь моихъ впечатлѣній и 3) сказать свое мнѣніе о пребываніи моемъ въ вашемъ домѣ. Но прошло уже двѣ недѣли, а вы не удостоили меня вашимъ отвѣтомъ. Объяснить это молчаніе можно только или тѣмъ, что письма мои не дошли

до васъ, или тѣмъ, что сверхъ неуваженія, вы хотите еще выказать мнѣ пренебреженіе, котораго никто не вправѣ мнѣ выказывать.... Поэтому прошу васъ убѣдительно еще разъ отвѣчать ясно и положительно на мои вопросы. Держать меня въ неизвѣстности насчетъ положенія моего въ вашихъ дѣлахъ — не принесетъ вамъ ни малѣйшей пользы, а мнѣ надѣлаетъ величайшій вредъ. Я и такъ довольно наказанъ вашимъ письмомъ отъ 26 ноября, которое сверхъ личныхъ мнѣ оскорбленій, омрачило счастіе моей женитьбы и даже потрясло его въ самомъ основаніи. И потому, если намѣреніе ваше было — сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе зла, вы должны теперь порадоваться, потому что вполнѣ достигли этой цѣли черезъ ваше страшное письмо. Тяжелый грѣхъ примете вы на свою душу, Василій Андроновичъ, если погубите честнаго человѣка, отца двухъ сиротъ, котораго вся вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ искренно и преданно полюбилъ васъ и увѣровалъ въ искренность и прочность вашей дружбы.

Съ истиннымъ и пр. и пр.»

Отвѣтъ на это письмо послѣдовалъ немедленно.

Документъ шестнадцатый.

М. Г. Ник. Петр.

«Всѣ письма ваши имѣлъ удовольствіе получить въ свое время, но долго не отвѣчалъ *единственно потому*, что былъ страшно занятъ дѣлами по будущимъ акцизнымъ откупамъ. Теперь освободясь отъ этихъ занятій, нахожу нужнымъ отвѣчать вамъ слѣдующее:

1) На поѣздку вашу въ Гжа.... я согласенъ, но съ тѣмъ, чтобъ вы поѣхали послѣ свадьбы, то есть когда будете въ болѣе спокойномъ положеніи, а теперь по случаю окончанія года, я уже не хочу мѣшать тѣмъ общимъ распоряженіямъ по откупамъ, которые должны проистекать отъ И. О—ча, вслѣдствіе данныхъ ему мною наставленій.

2) Требуемыя вами въ возвратъ «писанія» ваши я вамъ вышлю, но тѣ изъ нихъ, гдѣ рѣчь идетъ объ архангелахъ и т. д, я говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, что я уничтожилъ, и ихъ никто не увидитъ, потому что онѣ сгорѣли въ каминѣ.

3) Насчетъ пребыванія вашего у меня въ домѣ, я предоставляю вашему усмотрѣнію и скажу то, что въ хозяйство домовое я не мѣшаюсь: оно принадлежитъ маменькѣ.

Съ истиннымъ почт. и пр.

В. Штукаревъ.»

Но уже за недѣлю до полученія этого отвѣта, я оставилъ домъ Штукарева и переѣхалъ на квартиру, которую нанялъ напротивъ дома, гдѣ жила моя невѣста; меблировалъ ее прилично, но сколь возможно проще и экономнѣе.

На другой же день, по полученіи извѣстнаго письма, нѣкоторыя особы въ домѣ моей невѣсты уже знали о томъ, что я попалъ въ немилость у г. Штукарева. А какъ только узнали, то сейчасъ же и началась перемѣна декорацій. Радушіе, любезность, вниманіе, предупредительность, какую мнѣ оказывали прежде, начали мало-по-малу исчезать и замѣняться церемонностію, натянутостію, чопорностію и потомъ холодностію, которая увеличивалась съ каждымъ днемъ и наконецъ перешла въ чувство явнаго ко мнѣ нерасположенія, даже непріязни, уже нисколько не скрываемой и даже не прикрываемой никакимъ благовиднымъ предлогомъ. Положеніе мое въ домѣ Бо—вскихъ становилось день ото дня затруднительнѣе и наконецъ сдѣлалось невыносимымъ. О, сколько вытерпѣлъ я, а вмѣстѣ со мною и Софи! Она была поставлена между любовью къ жениху и дружбою и уваженіемъ къ брату, который заступалъ ей родителей. Тяжело вспоминать теперь о тѣхъ сценахъ, которыя со дня перемѣны декорацій повторялись чаще и чаще и принимали характеръ все болѣе и болѣе мрачный, раздражающій и открыто враждебный. Раза три доходило до того, что, возвратясь домой, я принимался за перо и приготовлялъ записку слѣдующаго содержанія:

«Мил. гос. И. М.

«Не имѣю чести знать, какъ и что вы думаете о вчерашней между нами сценѣ; я же думаю вотъ что: прошу васъ покорнѣйше назначить на завтрашнее утро мѣсто и время для *болѣе удовлетворительнаго и окончательнаго между нами объясненія*. Вы меня понимаете...

«Примите увѣреніе и пр.»

И всякій разъ, написавъ такую записку, я откладывалъ отправленіе по адресу до другаго утра. А по пословицѣ «утро вечера мудренѣе», на другой день перечитавъ ее и вообразивъ, какимъ громовымъ ударомъ разразится вѣсть о ней въ душѣ Софи, я разрывалъ роковую записку въ мелкіе куски, и снова побѣждалъ въ себѣ жажду мщенія.

Наконецъ семейная драма начала приносить горькіе и гибельные плоды. Софи была въ высшей степени чувствительна, впечатлительна и нервна. Вскорѣ начались у нея нервные припадки:

вздрагиваніе, мгновенныя и обильныя слезы, всхлипываніе и наконецъ сильная дрожь и раздирающія сердце рыданія. Это повторялось чаще и чаще, особенно послѣ стычекъ на словахъ между мною и ея братомъ.

Эти сцены, продолжавшіяся до 17 января, т. е. до дня нашей свадьбы, имѣли гибельное вліяніе на здоровье Софи.

Настало наконецъ 17 января. За два дня передъ тѣмъ свирѣпствовалъ еще страшнѣйшій семейный ураганъ. Бури наконець утихли, небо прояснилось. Софи сдѣлалась моею женою. Снова ослѣпительно, ярко блеснуло счастіе въ моей жизни, но блеснуло звѣздою падучею, блеснуло и вскорѣ померкло на вѣки.

ГЛАВА VIII.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ДРАМЫ.—ПРОЯСНЕНІЕ ОТКУПНАГО ГОРИЗОНТА И ВРЕМЕННОЕ СМИРЕНІЕ ПИТЕЙНАГО ЮПИТЕРА.

«Журавль свой носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный: —
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что ты свой долгій носъ,
И съ глупой головой, «изъ горла цѣлъ унесъ!».
КРЫЛОВЪ

29 января 1848 года оставилъ я Москву и на другой день былъ уже въ Гжа...., гдѣ и поселился въ питейной конторѣ вмѣстѣ съ Софи, которая съ необыкновенною кротостію, терпѣніемъ и покорностію приняла новую и нисколько неподходящую къ ея идеямъ и вкусамъ откупную жизнь, т. е. діаметрально противуположную тому, что составляетъ изящную жизнь благовоспитанныхъ, благонравныхъ и развитыхъ людей. За два дня до нашего отъѣзда изъ Москвы, Софи, въ сопровожденіи своей старшей сестры, ѣздила куда-то съ визитомъ. Сойдя съ высокой лѣстницы и по своему обыкновенію довольно скоро, она почувствовала себя очень дурно. Сестра завезла ее къ себѣ и разными притираньями и нюханьями возвратила ей бодрость. Но отъ меня скрыли этотъ случай, чтобы не огорчить и не испугать меня.

И вотъ зажилъ я въ Гжа.... съ молодою женою. Съ моимъ обычнымъ рвеніемъ и энергіею принялся я за откупное дѣло, не отвлекаясь ничѣмъ другимъ. Попрежнему началъ я объѣзжать уѣздъ съ его многочисленными питейными домами, штофными лавочками и водочными магазинами, накрывая и раскрывая разныя плутни и продѣлки мелкой откупной братіи. Попрежнему сдѣлался я грозою всѣхъ негодяевъ, воровъ «цапателей», т. е., говоря болѣе живописнымъ языкомъ, откупныхъ волковъ, лисицъ и разныхъ другихъ хищныхъ звѣрей. А для того, чтобы Софи менѣе скучала, я выписывалъ множество журналовъ — и русскихъ, и французскихъ. Мало-по-малу начало проясняться у меня на душѣ.

Въ это время главноуправляющимъ с....ми дѣлами былъ мой однофамилецъ и теска Николай Гавриловичъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ людей,—умный, честный, добрый, превосходно знавшій дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный. Съ особеннымъ удовольствіемъ отдаю эту дань хвалы его памяти. Его тоже нѣтъ теперь въ живыхъ. Миръ праху твоему, истинно-добрый и благородный человѣкъ, съ какимъ отрадно встрѣтиться не только на поприщѣ откупной, но и всякой другой жизни, и который угасъ въ цвѣтѣ лѣтъ и въ то самое время, когда улыбнулось-было ему счастіе взаимной любви и прозвучала въ его ушахъ восхитительная мелодія словъ «люблю тебя»,—этихъ двухъ словъ, составляющихъ основный аккордъ въ гармоніи всего живущаго.

Что касается до Ве—ги, прежняго главноуправляющаго и нашего стараго знакомца по Ор..., то уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ выбылъ изъ с....кихъ дѣлъ по причинѣ, которую вы вѣроятно отгадаете, если не забыли приведенную здѣсь мною его характеристику. Вотъ видите ли: долго онъ воздерживался, крѣпился, да вдругъ и прорвался. Открылась у него хересоманія, самая неистовая, какая только когда либо его поражала. Не умѣю вамъ сказать, до какого количества бутылокъ дошелъ Ве—га на этотъ разъ; но знаю только, что его вытребовали въ Москву, и затѣмъ въ Вя...... не было о немъ никакого слуха.

Занимаясь пристально дѣломъ, я между тѣмъ поддерживалъ офиціальную переписку съ Васильемъ Андроповичемъ, посылая къ нему собственно мною составленные и написанные отчеты о ходѣ дѣла. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ, что и какъ я ни дѣлалъ, и изъявлялъ мнѣ свои похвалы и благодаренія.

Между прочимъ я написалъ очень дѣльную статью о спиртомѣрѣ академика Гесса. Штукаревъ былъ чрезвычайно доволенъ моею статьею, показывалъ ее самому Гессу, который вполнѣ сознался въ справедливости моихъ замѣчаній. Итакъ казалось, все вокругъ меня вошло въ нормальную колею. Но мнѣ не суждено было долго наслаждаться миромъ души и семейнымъ счастіемъ.

Сильныя потрясенія и безпрерывныя огорченія, которыя перенесла Софи въ продолженіе семи недѣль передъ свадьбою, не прошли ей даромъ. Вся ея нервная система была сильно потрясена и разстроена. По пріѣздѣ въ Гжа.... она, казалось, поздоровѣла, посвѣжѣла, но ненадолго. Мѣсяцъ спустя, она начала чувствовать какое-то томленіе и усталость, но не говорила мнѣ ничего объ этомъ, боясь огорчить меня. Итакъ она перемогалась, продолжала улыбаться, казалась веселою и была въ высшей степени ко мнѣ внимательна.

Къ вечеру 25 марта Софи вдругъ почувствовала сильнѣйшія боли внизу живота и сейчасъ же слегла въ постелю. Я обезумѣлъ отъ испуга и отчаянія. Послалъ за мѣстнымъ лѣкаремъ, но тутъ же убѣдился, что на него плохая надежда. Мнѣ сказали, что верстахъ въ 15 отъ Гжа...., въ имѣніи князя Го—на, есть домашній врачъ, хорошо знающій свое дѣло. Немедленно отправленъ былъ за нимъ гонецъ, и врачъ этотъ явился въ контору на другое утро. Это былъ одинъ изъ военныхъ полковыхъ докторовъ, вышедшій въ отставку и, по приглашенію князя Го—на поселившійся въ его имѣніи. Докторъ этотъ сейчасъ же поставилъ женѣ моей піявки, а къ вечеру еще сдѣлалъ тоже. Боли утихли, за то Софи страшно ослабѣла. Но я сокращу донельзя разсказъ мой о ея болѣзни. Здоровье ея не поправлялось, и она не вставала съ постели. Я сейчасъ же написалъ въ Москву къ ея старшей сестрѣ и умолялъ ее пріѣхать въ Гжа.... и увезти Софи съ собою для того, чтобы пользовать ее у московскихъ врачей. Въ половинѣ апрѣля, т. е. по первому возможному весеннему пути, сестра пріѣхала къ намъ въ Гжа.... и я разстался съ моею несравненною Софи. О, что это было за разставанье! Съ какою силою обняла она меня, прижала къ себѣ, покрыла мое лицо горячими поцалуями и столь же горячими слезами; съ рыданіями сѣла въ карету—и черезъ мигъ все исчезло въ моихъ глазахъ, и я остался одинъ и долго смотрѣлъ въ слѣдъ удалявшейся и исчезнувшей вдали каретѣ.

Снова одинокъ въ опустѣлой конторѣ, которая казалась мнѣ могилою и которую оставилъ я въ тотъ же вечеръ и поѣхалъ объѣзжать уѣздъ.... Прошло два мѣсяца съ отъѣзда Софи. Каждую почту писалъ я къ ней и получалъ объ ней свѣдѣнія. Болѣзнь ея привела въ тупикъ лучшихъ московскихъ докторовъ. Она таяла и гасла. На конецъ сестра, Х—рова, увѣдомила меня, что Софи такъ тоскуетъ обо мнѣ, что если я не пріѣду въ Москву и не поживу тамъ съ нею нѣкоторое время, то нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе. Написалъ я обо всемъ этомъ въ Петербургъ къ Василью Андроновичу и въ самомъ скоромъ времени получилъ отъ него разрѣшеніе ѣхать въ Москву и жить тамъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится здоровье моей жены. Сдавши откупъ новому управляющему, котораго Штукаревъ прислалъ нарочно по этому случаю въ Гжа...., я въ половинѣ іюня пріѣхалъ въ Москву и поселился въ гостинницѣ у Мясницкихъ воротъ. Софи жила на дачѣ, въ Сокольникахъ, у своего брата. Боже, какъ она перемѣнилась! Это была тѣнь прежней Софи. Каждый день ѣздилъ я къ ней, проводилъ съ нею время—то въ чтеніи, то въ прогулкѣ по сосновой рощѣ Сокольниковъ. Такъ прожилъ я въ Москвѣ съ недѣлю, и женѣ моей видимо сдѣлалось лучше. Но все утѣшительное было скоротечно въ моей жизни, въ которой бѣды, неудачи и скорби свили себѣ постоянное гнѣздо.

Однажды ночью, часа въ два, разбудилъ меня стукъ въ двери моего нумера. Я позвалъ человѣка, который и отперъ дверь. Вошелъ почтальонъ и подалъ мнѣ пакетъ и книгу для росписки въ полученіи этого пакета, присланнаго ко мнѣ изъ Вя.... по эстафетѣ. Распечатываю не безъ нѣкотораго волненія: это было слѣдующее донесеніе ко мнѣ изъ главной вя...ской конторы:

«Главноуправляющій с......кими дѣлами Василья Андроновича, Николай Гавриловичъ Макаровъ, объѣзжая откупа, скончался холерою на половинѣ дороги изъ Сы...... въ Гжа.....»

При этомъ донесеніи было приложено письмо управляющаго вя...скимъ откупомъ, Ко—това, который писалъ ко мнѣ, что с.....скія дѣла остались безъ малѣйшаго надзора, ибо Ив. Ѳ. Ма—товъ,.компаньонъ и главноуправляющій всѣми дѣлами Василья Андроновича, находился далеко—въ Пермской губерніи. Ко—товъ прибавлялъ, что въ Вя.... свирѣпствовала въ это время сильнѣйшая холера, что всѣ откупные служащіе бѣгутъ изъ вя...скаго откупа; да и въ прочихъ откупахъ было тоже самое,

ибо холера болѣе или менѣе обняла всѣ с......кіе города. Писалъ онъ мнѣ еще, что мой однофамилецъ, бывши въ Сы......., сдѣлалъ предложеніе дочери тамошняго городничаго, въ которую былъ влюбленъ, получилъ согласіе, и потомъ, сейчасъ послѣ своей помолвки, вдругъ скончался холерою, отъѣхавъ двѣ станціи по дорогѣ отъ Сы.... въ Гжа.... «Пріѣзжайте хоть вы взять въ свои руки с......кіе откупа, иначе будетъ очень худо, и Василій Андроновичъ можетъ понести огромныя потери». Этими словами оканчивалось письмо ко мнѣ Ко—това.

Того же утра я увѣдомилъ Штукарева о случившейся бѣдѣ въ его с......кихъ дѣлахъ, и заключилъ мое письмо слѣдующими словами :

«*С......кія дѣла ваши остались безъ всякаго надзора и подвергаются большой опасности. Если бы подобное случилось во время прежнихъ между нами отношеній, то, разумѣется, не взирая на болѣзнь любимой жены, — для выздоровленія которой пребываніе мое въ Москвѣ необходимо, — несмотря на страшную холеру, которая свирѣпствуетъ теперь въ Вя...., я бы сейчасъ же поскакалъ туда и принялъ бы дѣла въ свои руки, въ ожиданіи дальнѣйшихъ вашихъ приказаній. Но въ настоящее время я могу только скорбѣть о преждевременной кончинѣ добрѣйшаго Николая Гавриловича, и потомъ довести это до вашего свѣдѣнія и ожидать, на что̀ вы рѣшитесь.*»

Но я напередъ зналъ, на что̀ рѣшится Василій Андроновичъ, который обыкновенно цѣнилъ людей, не *по одной ихъ пользѣ для дѣлъ*, а и потому, *насколько они необходимы для дѣлъ*, а особливо цѣнилъ ихъ тогда, *когда ихъ некѣмъ было замѣнить*. У меня и теперь въ памяти его слова: «нынче *нѣтъ нужныхъ людей*»... Вслѣдствіе такихъ соображеній , я началъ приготовлять мою жену къ возможности скорой разлуки, что̀ несказанно огорчило ее; но она не противорѣчила.

Отвѣтъ Штукарева не заставилъ себя ожидать. По прошествіи времени, необходимаго на быстрый переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ и обратно,—въ эту минуту я ѣхалъ съ Софи къ ея сестрѣ въ красныя казармы,—меня догналъ на лихомъ извощикѣ одинъ изъ повѣренныхъ Штукарева, остановилъ мою карету и подалъ мнѣ пакетъ, только что полученный по эстафетѣ. Это было письмо ко мнѣ отъ Василья Андроновича, письмо коротенькое.

Документъ семнадцатый.

С.-Петербургъ. 1848 г. 26 іюня.

«Громовое письмо ваше сію минуту я получилъ. Отвѣчаю вамъ съ эстафетою»,...

Потомъ: «Благодарю васъ за готовность приложить вашу дѣятельность къ с......кимъ откупамъ и прошу васъ отправиться въ Вя.... и живя тамъ, наблюдать за ходомъ всѣхъ дѣлъ.... Довѣренность вамъ вышлю въ Вя....».

А въ постскриптумѣ этого письма значилось: «Надо беречь себя теперь, т. е. надо имѣть во всемъ осторожность, и въ пищѣ, и въ одеждѣ. Мнѣ объ этомъ маменька поручила вамъ написать, дабы вы не употребляли зелени и *носили на животъ фланель, а на ногахъ теплые чулки*».

По всему видно, что, съ тогдашней точки зрѣнія на меня Василья Андроновича, я былъ человѣкомъ «необходимымъ» въ его глазахъ, а главное—не имѣлось подъ рукой никого другаго, чтобы послать въ Вя..... Причина болѣе, нежели достаточная «для заботливости о моемъ здоровьѣ!»

Итакъ, я почти напросился на новую разлуку съ изнемогающею женою, лишая ее тѣмъ наилучшаго для нея лѣкарства — моего присутствія въ Москвѣ и возможности видѣть меня ежедневно. За то какъ и оцѣнили потомъ такое полное мое самопожертвованіе! Какъ и отблагодарили меня за него! И какіе питательные, вкусные, великолѣпные плоды созрѣли на лучахъ этой откупной благодарности! И ужь какъ же покушалъ я этихъ плодовъ отъ «древа питейнаго вертограда»! Вдоволь покушалъ! Но только мнѣ

«Не поздоровилось отъ этакихъ плодовъ», —

могу я сказать, пародируя грибоѣдовскій стихъ.

Итакъ, на другой же день по полученіи письма отъ Штукарева, послѣдовала новая, тяжелая разлука съ женою,—разлука, которую принесъ я, какъ жертвоприношеніе, откупному Молоху на алтарѣ — не дружбы... фи, какъ это старо и какъ это пошло!... — на алтарѣ «крупныхъ итоговъ» для сооруженія изъ нихъ будущихъ виллъ, съ чудесами изъ «Тысячи одной ночи»...

Стремглавъ поскакалъ я въ Вя...., поселился тамъ въ главной конторѣ, гдѣ, въ успокоеніе и въ утѣшеніе мое въ разлукѣ

съ болѣющею женою, я могъ веселить мой взоръ зрѣлищемъ погребальныхъ процессій, которыя по нѣскольку разъ въ день проходили мимо оконъ конторы, шествуя на кладбище съ жертвами жестокой эпидеміи.

Первымъ моимъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Вя..... было—принять самыя скорыя и строгія мѣры для охраненія цѣлости откупныхъ капиталовъ и для предупрежденія малѣйшаго поползновенія къ запущенію лапы въ денежные сборы акцизно-откупныхъ с...кихъ комиссіонерствъ Василья Андроновича. Потомъ я сейчасъ же принялся за изученіе тѣхъ дѣлъ, взятыхъ въ совокупности и потомъ каждаго отдѣльно. Я окружилъ себя массою всевозможныхъ откупныхъ свѣдѣній, испещренныхъ безконечными цифрами; погрузился весь въ эти итоги, вдумывался въ нихъ, соображалъ, сравнивалъ, прокладывалъ на счетахъ и вносилъ въ листы бумаги разныя замѣтки и отмѣтки. Цѣлую недѣлю провелъ я въ этой утомительной работѣ, отуманивающей и умъ, и зрѣніе. И наконецъ изъ всего этого хаоса цифръ я создалъ нѣчто стройное и замѣчательно-ясное цѣлое, гармонически связанное въ своихъ восьми отдѣльныхъ частяхъ, т. е. въ восьми с......кихъ откупахъ, и проникнутое одною общеею идеею, направленное къ одной цѣли — къ результатамъ съ наивозможно-крупнѣйшими «итогами». Это было «Соображеніе о с......кихъ откупахъ», т. е. основанный на откупной стратегіи планъ, какъ вести эти откупа сообразно новой откупной системѣ, новому взгляду на откупа и въ особенности—сообразно тѣмъ исключительнымъ условіямъ и привиллегіямъ, которыя заключали въ себѣ с...кія дѣла Штукарева и которыхъ не было въ дѣлахъ прочихъ откупщиковъ. Окончивъ вчернѣ это соображеніе, я сейчасъ же принялся переписывать набѣло самъ своею рукою эти двадцать страницъ мелкаго письма, въ которыхъ заключалось множество, такъ сказать, откупныхъ семейныхъ тайнъ, а тайны эти должны были быть скрываемы отъ мелкой откупной челяди. Переписавъ, сейчасъ же и отправилъ я это соображеніе къ Василью Андроновичу, который не замедлилъ отвѣчать и написать между прочимъ: «Весьма много благодаренъ вамъ за это соображеніе, потому что оно проникнуто глубокимъ и правильнымъ созерцаніемъ всѣхъ дѣлъ.» Потомъ написалъ я еще и послалъ въ Петербургъ очень дѣльную статью подъ заглавіемъ: *Нѣчто о сложной цѣнѣ и объ аглицкой водкѣ*. Въ этой статьѣ ясно доказывалъ я зло и вредъ для самыхъ же откуповъ, отъ черезчуръ-высокой цѣны на

разлитое вино, чему я всегда и вездѣ противился. Итакъ, всѣ умственныя, душевныя и тѣлесныя мои силы посвятилъ я на служеніе Штукареву, который писалъ ко мнѣ почти каждую почту, и самымъ любезнымъ и ласковымъ тономъ. Между прочимъ, независимо отъ составленнаго мною общаго соображенія, я положилъ составлять ежемѣсячно особое соображеніе, въ которомъ предначертывалось движеніе капиталовъ, выборы и переборы питій и высылка денегъ въ Петербургъ. Цѣлый мѣсяцъ работалъ я неутомимо—для приведенія въ стройный порядокъ и въ ясность многосложную отчетность, для поддержанія строгой и толковой администраціи, которая начала-было шататься, и наконецъ, для соблюденія единства въ распоряженіяхъ и въ разнородныхъ требованіяхъ каждаго изъ восьми откуповъ.

Въ концѣ іюля получилъ я отъ Софи письмо, въ которомъ умоляла она меня пріѣхать въ Москву и взять ее съ собою въ Вя...., увѣряя, что живя вмѣстѣ со мною, если она и не совсѣмъ выздоровѣетъ, то все-таки получитъ болѣе облегченія, нежели пользуясь у московскихъ врачей въ разлукѣ со мною. Съ разрѣшенія Штукарева я поѣхалъ за женою въ Москву на самое короткое время, и 16 августа возвратился вмѣстѣ съ нею въ Вя..... И точно, ей видимо сдѣлалось легче, она начала поправляться, хотя еще была очень далека отъ выздоровленія, которое потомъ, вслѣдствіе письма ко мнѣ Штукарева, сдѣлалось еще болѣе сомнительнымъ.

Между тѣмъ Ма—товъ возвратился изъ своего дальняго путешествія и 21 августа пріѣхалъ въ Вя..... Онъ одобрилъ всѣ мои распоряженія; но, по пословицѣ «у всякаго свой умъ — царь въ головѣ», онъ сдѣлалъ многія измѣненія въ моихъ ежемѣсячныхъ соображеніяхъ. Измѣненія эти совершенно парализовали многія мои распоряженія и предположенія. Въ концѣ августа поѣхали мы съ нимъ обозрѣвать откупа: посѣтили До........, Ел..., Ду....... и потомъ проѣхали въ С......къ, гдѣ я представлялся губернскимъ властямъ въ качествѣ новаго главноуправляющаго г-на Штукарева. Сентября 2-го возвратились мы въ Вя.... и Ма—товъ уѣхалъ въ Москву. Въ концѣ сентября, несмотря на сквернѣйшую погоду, я снова пустился объѣзжать откупа, для того, чтобы уладить многіе споры и ссоры, возникшіе между управляющими откупами и мѣстными властями. Это была чисто дипломатическая поѣздка, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, то есть заключеніемъ «мирныхъ трактатовъ». Прочны ли

были эти трактаты, — это уже дѣло не мое, а будущаго біографа Василья Андроновича и историка бывшаго комиссіонерства его въ с......кихъ откупахъ.

ГЛАВА IX.

НОВОЕ ПОРУГАНІЕ. — КАЗУСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. — РАЗМѢНЪ ПРИВѢТЛИВОЙ УЛЫБКИ НА ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

«Не счесть и тяжкихъ оскорбленій!
Во всѣхъ углахъ я былъ язвимъ —
То рѣчью, полной ухищреній,
То словомъ грубо площаднымъ».
ГЕЙНЕ.

«У сильнаго всегда безсильный виноватъ».
КРЫЛОВЪ.

Итакъ, повидимому все шло хорошо, и небо надъ с......кими откупами и надо мною было ясно; нигдѣ ни одной тучки. Барометръ стоялъ постоянно на хорошей погодѣ. Но откупная метеорологія такая мудреная вещь, что не многіе могутъ примѣниться къ ней, особливо когда ею управляютъ не на основаніи неизмѣнныхъ законовъ справедливости, а по наитію минутной прихоти, произвола, хамелеоновскаго расположенія духа и сообразно полному и возмутительно-циническому неуваженію къ личностямъ, къ заслугамъ и къ достоинству. Къ тому же, въ атмосферѣ, окружающей акцизно-питейныхъ юпитеровъ, бываетъ чрезвычайно много углекислоты, которая, по волѣ уродливой и раздражительной фантазіи, наподобіе тлетворнаго самума, быстро переносится въ самыя отдаленныя мѣстности, и отравляетъ и задушаетъ все, противъ чего была направлена эта губительная струя акцизно-юпитеровской углекислоты.

Въ началѣ октября Ма—товъ снова посѣтилъ Вя...., сдѣлалъ опять перемѣны и помарки въ моихъ распоряженіяхъ и соображеніяхъ и, послѣ недѣли пребыванія своего въ гл. конторѣ, уѣхалъ въ Москву. Видя, что я «толку воду» съ моими соображеніями, исполнять которыя мнѣ препятствовали, я пересталъ посылать ихъ въ Петербургъ и смиренно покорился мелочной надо мною опекѣ московской гл. конторы. Впрочемъ сношенія со мною кабинета нашего акцизнаго падишаха продолжали отличаться благосклонностію, и я время отъ времени бывалъ удо-

стоиваемъ полученіемъ отъ него всеакцизнѣйшихъ благоволеній. А наконецъ послѣдовала и награда—два ящика тенерифу и медоку и бутылокъ двадцать отличнѣйшей мадеры и портвейна. Но подарокъ, или, вѣрнѣе сказать, гостинецъ этотъ заставилъ меня призадуматься: я вспомнилъ золотую змѣю, которую Василій Андроновичъ прислалъ въ подарокъ моей невѣстѣ, послѣ помолвки ея со мною и незадолго до полученія мною отъ него другаго, самаго великолѣпнаго, самаго свадебнаго подарка—мелко-исписаннаго листа сѣрой оберточной бумаги. Урокъ изъ римской исторіи объ императорѣ Домиціанѣ не былъ забытъ мною, и я приготовился къ грозѣ, хотя и не постигалъ, почему, отъ чего и для чего могла бы она произойти. Но нашъ акцизный и ловкій Фукье-Тенвилль никогда не затруднялся и въ карманъ за «пунктами» не лазилъ, когда раждалась у него идея, а потомъ и желаніе—обвинять человѣка, который уже пересталъ быть «необходимымъ» и особенно—котораго «можно было замѣстить». Несмотря на то, горизонтъ надъ Вя..... продолжалъ быть ясенъ, и корреспонденція, получаемая мною изъ Петербурга, не выходила изъ границъ нормальной вѣжливости. Тяжелое на меня впечатлѣніе присланнаго мнѣ гостинца начинало сглаживаться, тѣмъ болѣе, что с......кія дѣла шли превосходно и въ четыре мѣсяца моего управленія перевыручили 68,000 руб., невзирая на холеру и временное разстройство дѣлъ послѣ смерти моего предмѣстника; а къ концу года обѣщали огромную прибыль. Но, какъ я сказалъ выше, въ кажущейся тишинѣ атмосферы скрывается иногда зародышъ близкой и страшной грозы.

Въ концѣ ноября Ма—товъ пріѣхалъ снова въ Вя..... Онъ былъ грустенъ, не въ своей тарелкѣ. Послѣ разныхъ оговорокъ, приготовленій, намёковъ, онъ вручилъ мнѣ письмо отъ Василья Андроновича, но не въ особенномъ и адресованномъ на мое имя конвертѣ, а посланное въ письмѣ отъ него къ Ма—тову, стало быть съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы послѣдній прочиталъ написанное ко мнѣ письмо и чтобы, черезъ такую утонченность, сдѣлать еще чувствительнѣе тѣ оскорбленія и обиды, которыя заключались въ этомъ новомъ для меня подаркѣ, написанномъ на этотъ разъ не на оберточной, а на почтовой бумагѣ. Здѣсь помѣщаю этотъ важный документъ, образчикъ благодарности Штукарева за самоотверженіе и честную службу.

Документъ восьмнадцатый.

С.-Петербургъ. 17-го ноября 1848 года.

«М. Г. Ник. Петр.

«Между тѣмъ, какъ теперь лучшіе мѣсяцы по выручкѣ, то я считаю необходимымъ обратить на ходъ дѣла наибольшее вниманіе. Въ этихъ видахъ я прошу И—на Ѳе—ча отправиться немедленно въ Вя.... и жить въ ней въ ожиданіи меня—не въ видѣ наблюдателя или совѣтника, а въ видѣ дѣйствователя, то есть не тратить напрасно времени, которое у насъ идетъ въ соображеніяхъ, перепискахъ, въ бумажномъ размѣнѣ мыслей, изъ чего никакихъ результатовъ никогда не бываетъ; примѣръ этому я приведу слѣдующій. Начну съ того, что не имѣю времени всѣ вѣдомости разсматривать во всей подробности, да и не люблю этого (*), а опредѣляю дѣло бѣгло, по сложнымъ цѣнамъ продажи и расходовъ, а главное—по частому полученію денегъ отъ дѣлъ.

«Какъ со времени смерти Николая Гавриловича, я имѣю удовольствіе ни копѣйки не получать отъ васъ, то мнѣ и кажется, что дѣло идетъ плохо (**). Мнѣ кажется, что это опредѣленіе и просто, и ясно, и вѣрно. Въ іюлѣ и августѣ *вы меня водили за носъ въ отношеніи высылки* 10 тыс. (о которыхъ я писалъ), и все-таки не выслали. Потомъ прислали соображеніе о движеніи денежныхъ суммъ во второмъ полугодіи, по которому опредѣлили выслать въ Петербургъ въ августѣ 5 тыс., октябрѣ—10 т. и ноябрѣ—22 т.; а на дѣлѣ, всѣ эти опредѣленія вышли *мыльные пузыри*, несмотря даже на то, что въ соображеніи вашемъ предположено перевыручить. На все это вы можете возразить одно, а именно: предположенный излишекъ въ суммахъ исчезъ потому, что увеличили выборъ вина. На это возраженіе отвѣчаю вамъ вотъ что: въ соображеніи вашемъ о движеніи капиталовъ во второмъ полугодіи вы предназначали выбрать вино въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 91,788 ведеръ, а выбрали 103,781, слѣдовательно, болѣе 11,993 ведеръ, на что нужно было денегъ

(*) Да какой же порядочный и толковый откупщикъ, кромѣ васъ, г. Штукаревъ, не просматриваетъ откупныхъ вѣдомостей, если уже не во всѣхъ ихъ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ графахъ, въ которыхъ значится, куда и на что пошли откупные капиталы?

(**) Еще разъ скажу: вольно же было вамъ, г. Штукаревъ, не просмотрѣть графу о движеніи откупныхъ капиталовъ, въ присылаемыхъ къ вамъ вѣдомостяхъ? Просмотрѣли бы вы вышереченныя графы,— тогда увидѣли бы, что не плохо, а очень хорошо шли с......кія дѣла, если въ четыре мѣсяца перевыручили 68 т. рублей, а къ январю дали 146 т. руб. чистаго барыша. И вѣроятно тогда вы не написали бы ко мнѣ такого оскорбительнаго письма.

35.000 рублей. А какъ вы имѣли излишество въ перевыручкѣ на 50 т. руб. сер., то поэтому, покрывая ими сумму излишнихъ расходовъ на вино, все-таки, кажется, могли съ избыткомъ осуществить ваши предположенія насчетъ втораго полугодія, и доказать, что цифры, вами высчитываемыя, не суть призракъ и мечта, а чистѣйшая дѣйствительность. Все это меня до такой степени сбиваетъ съ толку, что я началъ бояться, чтобы и остальные *два года не были подобны соображенію о второмъ полугодіи, и тогда дѣло будетъ горькое* (*). Побуждаемый этимъ опасеніемъ, я прошу Ивана Ѳе—ча не выѣзжать изъ Вя.... до пріѣзда моего; но это не значитъ, что я отдаляю васъ отъ дѣла. Я даже на васъ и не сержусь (**), а пишу то, что чувствую и нахожу нужнымъ передать вамъ». . . . . . .

Вотъ какого рода было письмецо, переданное мнѣ, по коммиссіи, Ма—товымъ!... Вотъ тебѣ и «фланель на животъ»!... Вотъ тебѣ и «теплые чулки на ноги»!... По всему видно, что у Василья Андроновича была тоже своя особенная «точка зрѣнія» и на фланель, и на теплые чулки; особливо, когда «здоровье выручекъ» было уже обезпечено не однимъ моимъ здоровьемъ, но и возможностію замѣстить меня.

Должно быть очень не весело было мое лице, когда, прочитавъ это письмо, написанное хотя и не «по пунктамъ», но все-таки по наитію каприза и хамелеоновскаго расположенія духа, я вошелъ въ комнату жены: она поблѣднѣла, взглянувъ на меня, и опустилась на кресла, закрывъ лицо руками и боясь заговорить со мною и услышать отъ меня вѣсть о новой бѣдѣ. Нѣсколько минутъ продолжалось гробовое молчаніе, которое прервалъ я, сказавши:

— Вотъ какъ Василій Андроновичъ отблагодарилъ меня за честную, усердную службу и за ту готовность, съ которою поѣхалъ я въ Вя.... спасать отъ разстройства его дѣла, несмотря на личную для меня опасность отъ бывшей тогда здѣсь холеры и бросивъ тебя въ Москвѣ больную и убитую разлукою со мною и опасеніями за мою жизнь.

И, сказавъ это, я подалъ женѣ письмо Штукарева. Она быстро пробѣжала его и блѣдность ея уступила мѣсто румянцу

(*) Да, точно горькое! Но только не для васъ, г. Штукаревъ, а для меня, на котораго бросали вы такую оскорбительную тѣнь подозрѣнія въ вашемъ вопіющемъ и безсовѣстномъ письмѣ.

(**) Какое великодушіе! Чувствительнѣйше васъ за него благодарю, г. Штукаревъ! Но только осмѣливаюсь замѣтить вамъ, что такъ же, какъ и отъ вашей благодарности, не поздоровилось мнѣ отъ вашего «кесаревскаго» великодушія.

негодованія. Она заплакала. Я принялся успокоивать, утѣшать ее, хотя и самъ нуждался въ утѣшеніи. Свѣжее и кровавое оскорбленіе растравило и прежнія, еще далеко не зажившія раны моего самолюбія и сердца и кипящимъ масломъ упало на эти раны. Независимо отъ оскорбленій и обидъ, меня приводила въ негодованіе черная неблагодарность и самая возмутительная несправедливость. Но послѣ глубокаго раздумья, я побѣдилъ въ себѣ мое законное негодованіе и еще разъ смирился, чтобы хоть этимъ ослабить, смягчить нѣсколько зловредное дѣйствіе, которое произвело на Софи чтеніе не менѣе зловреднаго письма Штукарева. Я сейчасъ же написалъ къ нему самымъ покойнымъ, нормальнымъ тономъ отвѣтъ, въ которомъ вполнѣ опровергнулъ всѣ его обвиненія обратилъ въ прахъ всю его гнилую аргументацію. Хотя письмо это наполнено цифрами, сухими и ни для кого не интересными, но считаю необходимымъ помѣстить его здѣсь.

Документъ девятнадцатый.

Вя..... 1848 года, 26 ноября.

М. Г. В. А.

«Для оправданія моего въ томъ, что я не исполнилъ высылки денегъ въ Петербургъ, какъ я назначилъ въ моемъ соображеніи на 2-е полугодіе, приведу слѣдующіе факты и цифры:

«1) Въ моемъ соображеніи назначенъ выборъ полуцѣннаго вина только въ Вя...., всего 5,000 ведеръ. Вмѣсто того переборы еще назначены и открыты въ Ел..., Дух......, и Дор......., а для этого я долженъ былъ, вмѣсто отсылки въ Петербургъ, сосредочивать къ ноябрю капиталы въ Вя...., откуда уже и послалъ въ помощь для выбора вдругъ двухъ-мѣсячной пропорціи: въ Ел... 9,000 руб., Дор...... 5,500 руб. и Дух....... 6.500 руб. всего 21,000 руб., которые и послалъ бы я въ Петербургъ.

«2) Въ соображеніи назначено за залоги въ ноябрѣ 5,914 руб., а мнѣ предписано было для освобожденія ихъ внести въ ноябрѣ же и за декабрь 5,914 руб., которые послалъ бы я въ Петербургъ.

«3) По Гжа..., Сы....., Бѣ... и Юх.... должно было, по моему соображенію, оставаться на 1 октября недобору противъ обязательной 3,481 ведро. Недоборъ этотъ предписано было очистить непремѣнно въ сентябрѣ и я внесъ тогда лишнихъ 10,373 р., изъ которыхъ, по соображенію, слѣдовало очистить 2,000 ведеръ только въ ноябрѣ, и потому я бы могъ выслать въ Петербургъ еще 6,000 рублей.

«4) Въ сентябрѣ, по предписанію И—на Ѳе—ча, послано въ Ма.... дышъ 2,000 рублей, да еще въ октябрѣ послано въ Москву 2,500 руб. на разные предварительные расходы и покупку имущества, внѣ моего соображенія. Эти 4,500 руб. я бы могъ выслать въ Петербургъ. Всего же по сіе время я выслалъ бы въ Петербургъ слишкомъ 37,000 руб., вмѣсто назначенныхъ мною 15,000 руб., если бы позволили мнѣ дѣйствовать по моему іюльскому соображенію.

«Вслѣдствіе этого въ сентябрѣ я уже пересталъ посылать въ Петербургъ соображенія, видя что ихъ нельзя исполнять и нельзя—не по моей винѣ. Но дѣлъ я не разстроилъ и денегъ въ свой карманъ не клалъ, а равно и не давалъ ихъ тратить попусту; а всѣ онѣ употреблены на выборъ вина, на очищеніе недоборовъ, на вступленіе въ выборъ полуцѣннаго и на выкупъ залоговъ. Но результатъ прибылей отъ этого нисколько не пострадалъ, а только отсрочился: вмѣсто того, чтобы вынуть деньги изъ дѣлъ для отсылки въ Петербургъ,—съ августа по ноябрь 15 т.. и потомъ до января 52 т.. всего 67 т.,—можно вынуть теперь, имѣя уже свободу въ движеніи капиталовъ, къ серединѣ декабря до 50,000 руб., а къ январю еще 20,000 рублей.

«Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ 1-мъ полугодіи:

«1) Взята въ январѣ мѣсячная обязательная пропорція по всѣмъ городамъ подъ залоги безъ денегъ.

«2) Сдѣланъ былъ по всѣмъ дѣламъ недоборъ противъ обязательной пропорціи, на основаніи § 23 и 26.

«По принятіи мною См....кихъ дѣлъ оставалось на нихъ долгу за залоги 34,938 руб. Да еще недобора противъ обязательной было 16,919 ведеръ, для очищенія котораго слѣдовало внести 50,119 руб. Двѣ эти суммы, составляющія 85,057 руб., были вынуты изъ дѣлъ въ 1-мъ полугодіи на счетъ 2-го полугодія. Но изъ этой суммы должно исключить 8,893 руб., которые оставались въ дѣлахъ на 1 іюля. Затѣмъ 2-е полугодіе должно было уплатить всего 76,164 руб., вынутыхъ во 2-мъ полугодіи и которые, поэтому, принадлежатъ къ барышу не 1-го, а 2-го полугодія. Стало быть, съ предполагаемымъ вынутіемъ въ декабрѣ еще 70,000 руб., второе полугодіе дастъ барыша 146 т. рублей.

«Съ истиннымъ почтеніемъ, и пр.

Написавъ и отправивъ въ Петербургъ это письмо, я терпѣливо сталъ ждать отвѣта, надѣясь, что авось образумится наконецъ эта откупная натура, избалованная, испорченная постоянными удачами во всемъ и доведенная до самыхъ крайнихъ, уродливыхъ размѣровъ самообожанія и вѣрованія въ свою непогрѣшительность. Но откупное *самопоклонство* несравненно хуже

всякаго идолопоклонства: это слѣпота кротовъ, неизлѣчимая, вѣчная.

Ма—товъ хотя и поселился въ Вя...., но оставилъ мнѣ свободу управлять попрежнему дѣлами. Надо отдать полную справедливость деликатности его обращенія со мною. Онъ выказывалъ живое сочувствіе къ моимъ огорченіямъ и, какъ можно было замѣтить, далеко не одобрялъ поступковъ со мною Штукарева. Однажды, въ первыхъ числахъ декабря, онъ по обыкновенію, обѣдалъ у меня. Въ половинѣ стола входитъ въ залу конторщикъ и подаетъ Ма—тову большой пакетъ, только что полученный изъ Петербурга по эстафетѣ. Взглянувъ мелькомъ на поданный конвертъ, адресованный въ главную вя—скую контору, я замѣтилъ на печати готическій вензель Штукарева. Ма—товъ, предугадывая, по какому-то тонкому чутью, что полученный конвертъ скрывалъ нѣчто недоброе, возвратилъ его конторщику, сказавъ:

— Отнеси ко мнѣ на квартиру; прочитаю послѣ.

— Извините, добрѣйшій И. Ѳ— этотъ конвертъ адресованъ въ главную контору; а такъ какъ я еще не отстраненъ отъ управленія с—кими дѣлами Василья Андроновича, то и прошу васъ покорнѣйше распечатать этотъ пакетъ при мнѣ и сейчасъ же прочитать, что̀ въ немъ находится.

Дѣлать было нечего. М—товъ вскрылъ конвертъ и вынулъ оттуда не листъ, а цѣлую тетрадь, исписанную собственною рукою нашего отца и благодѣтеля Василья Андроновича Штукарева. Но едва прочиталъ нѣсколько строкъ, какъ яркая краска стыда и негодованія бросилась ему въ лицо,—онъ пересталъ читать. Я взялъ тетрадь и принялся продолжать назидательное чтеніе: тетрадь была наполнена самыми грубыми, дерзкими выраженіями, бранью, ругательствами. «Дураки, скоты, ослы, болваны» были разсыпаны щедрою рукою въ этомъ сатирическомъ опытѣ русскаго откупнаго Ювенала; это, изволите видѣть, была аттическая соль Василья Андроновича.

Послѣ оскорбительнаго ко мнѣ письма отъ 17 ноября, и недождавшись на него отвѣта, Штукаревъ изволилъ еще разъ разгнѣваться, а за что̀, — я и до сихъ поръ не совсѣмъ понимаю.

Непонравилась, видите, ему форма откупныхъ вѣдомостей и въ особенности слова «со счета на счетъ». (И форма, и слова эти были выдуманы не мною, а велись въ откупахъ съ незапамят-

ныхъ временъ, отъ откупныхъ Адама и Еввы). Ну вотъ и изволилъ разгнѣваться!

Грубости, пошлости и брань были обращены, конечно, не на меня, а попеременно, то на главную контору, то на мѣстнаго вя—скаго управляющаго Ко—това: прямо ко мнѣ обращать ихъ онъ не посмѣлъ.

По прочтеніи мною первыхъ строкъ посланія, жена моя, приведенная въ ужасъ и негодованіе, чувствуя приближеніе нервнаго припадка, ушла въ свою комнату....

По уходѣ Софи, продолжалось и окончилось чтеніе знаменитой тетради. Настала глубокая тишина. Вторую половину обѣда принесли и унесли назадъ непочатою. Впечатлѣніе письма было невообразимо. Ма—товъ первый прервалъ молчаніе и, несмотря на свою всегдашнюю осторожность и тонкій, дипломатическій умъ, сказалъ тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка.

— Вотъ вамъ и награда за наши честные труды и усердіе! Послѣ этого остается только Василью Андроновичу пріѣхать въ Вя...., взять палку и колотить насъ по чемъ попало....

Пора было окончить литературный сеансъ по поводу сатирическаго сочиненія г. Штукарева. Мы встали изъ-за стола. Ма—товъ ушелъ къ себѣ, а я къ женѣ. Войдя къ ней, я объявилъ, что завтра утромъ ѣду въ Петербургъ, для объясненія съ Штукаревымъ. Она поблѣднѣла. Понимая, что не всегда сходитъ съ рукъ игра огнемъ, а тѣмъ болѣе дерзкая попытка курить сквернѣйшую сигару надъ боченкомъ пороху, она хотѣла было отклонить меня отъ этой поѣздки, но послѣ первой своей фразы, замолчала, прочитавъ на моемъ лицѣ одну изъ тѣхъ рѣшимостей, которыхъ ничто и никто не въ силахъ побороть. О, какая раздирающая сцена произошла вслѣдъ за тѣмъ въ комнатѣ жены! Слезы, рыданія, сильнѣйшая дрожь, такъ что слышно было щолканіе зубовъ, однимъ словомъ—все, отъ чего было освободилась моя Софи, возратилось теперь къ ней съ бо̀льшею силою. Что происходило тогда въ глубинѣ моей души! Все тамъ было потрясено, поругано, измучено и растерзано. На мои собственныя, личныя кровавыя обиды падала еще смертельная тоска опасеній и жалости, при видѣ возвратившихся страданій жены; и до такой пытки нравственной и физической доведены мы были нашимъ неутомимымъ, свирѣпымъ гонителемъ, нашимъ питейнымъ Торквемадою!

На другое утро я оставилъ Вя...., а въ ней жену, которая слегла въ постель. О, что это было за прощанье съ нею! Съ воплями и рыданіями она судорожно прижала мою голову къ своей груди и осыпала ее поцѣлуями, обливала слезами, какъ будто бы эта голова обречена была желѣзу гильотины!

Простился я и съ Ма—товымъ. Онъ тоже пытался отклонить меня отъ поѣздки въ Петербургъ, говоря, что «все перемелется и мука будетъ». Но вѣдь такихъ людей, какъ я, «никакая мука» не въ состояніи вознаградить за тяжкія, кровавыя обиды. Итакъ, день и ночь мчался я на почтовыхъ и 13 декабря въ полдень прибылъ въ Петербургъ, остановился у Демута и черезъ часъ послѣ того вошелъ уже въ кабинетъ Василья Андроновича. Онъ былъ дома. Внезапное и неожиданное мое появленіе передъ его глазами ошеломило его. Онъ поспѣшно всталъ съ креселъ, пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и, протянувъ мнѣ руку съ самою привѣтливою улыбкою, похожею на фальшивую ассигнацію, усадилъ возлѣ себя на диванъ и сказалъ голосомъ, изобличавшимъ скрытое безпокойство:

— Получили вы мое письмо?

— Отъ семнадцатаго ноября? Имѣлъ честь и удовольствіе получить его! отвѣчалъ я сухо и отрывисто.

— О нѣтъ,—не то, а послѣднее мое письмо къ вамъ отъ четвертаго декабря, проговорилъ Василій Андроновичъ нетерпѣливо и смущаясь все болѣе и болѣе.

— Никакого другаго письма не получалъ я; а получилъ я еще отъ *васъ* тетрадь *ругательствъ*, адресованную въ главную вя—скую контору, которою имѣю *счастіе* управлять, — произнесъ я медленно и сильно ударяя на слова: отъ васъ, ругательствъ и счастіе.

Минута была торжественная, грозная. Василій Андроновичъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять эту *торжественность*, чреватую *казусами*, не совсѣмъ удобоваримыми даже и для его здороваго желудка. Онъ поспѣшно всталъ и взявъ меня за руку, сказалъ все съ тою же привѣтливою улыбкою, подъ которою умѣлъ мастерски прятать свои заднія мысли.

— Очень сожалѣю, что вы не получили моего послѣдняго письма: оно бы вполнѣ васъ успокоило и удовлетворило. И мнѣ только остается теперь просить у васъ прощенія. Мало того, я готовъ извиняться передъ вами при цѣломъ Петербургѣ, и нисколько не считаю этого для себя унизительнымъ.

— *Этого* съ меня довольно, и на этотъ разъ я болѣе ничего отъ васъ не требую.

И мы оба вздохнули свободнѣе; а сверхъ того Василій Андроновичъ избавился отъ самаго тяжелаго, мучительнаго кошмара.

— Долго пробудете въ Петербургѣ? спросилъ онъ меня послѣ нѣкотораго молчанія , въ продолженіе котораго окружавшая насъ атмосфера освобождалась отъ избытка скопившагося въ ней электричества, не произведя ни грома, ни молніи.

— Сегодня пріѣхалъ я сюда, а завтра выѣзжаю отсюда въ Вя.....

— Очень радъ. Я тоже завтра выѣзжаю въ Вя...., гдѣ мы увидимся. Итакъ, до скораго свиданія.

— До свиданія.

И мы разстались.

На другой же день послѣ этой достопамятной сцены *избытыхъ казусовъ* я уже мчался обратно въ Вя....., *съ твердымъ намѣреніемъ оставить службу Штукарева.* А пока я туда ѣду, прочтемте письмо Штукарева отъ 4 декабря, которое, по его словамъ, должно было *вполнѣ меня и успокоить, и удовлетворить*. Оно получено было въ Вя.... вскорѣ послѣ моего оттуда выѣзда.

Документъ двадцатый.

С. Петербургъ. 4 декабря 1848 года.

«М. Г. Ник. Петр.

«Письмо ваше отъ 26 ноября я получилъ. Отвѣтъ на него сдѣлаю вамъ лично въ половинѣ сего мѣсяца, а теперь скажу то, что хотя вы на меня и посердитесь за письмо мое (доставленное вамъ Ив. Ѳед.), *но за то послѣ это слюбится;* ибо во всѣхъ насъ, откупныхъ дѣятеляхъ, не достаетъ самаго главнаго, это — торговой простоты въ счетахъ и умѣнья каждомѣсячно отдѣлять отъ дѣлъ прибыль, безъ всякихъ путанныхъ разсчетовъ. Все это въ подробности я передамъ вамъ лично.

«Что вы дѣлъ не разстроили и денегъ попустому не тратили, то въ этомъ я столько убѣжденъ, сколько и вы сами; но сознайтесь въ томъ, что дѣло требуетъ привитія къ нему простоты и логичности, основанной не на запутанныхъ формахъ, а на простомъ русскомъ счетѣ. Мало того что я убѣжденъ въ томъ, что вы денегъ попусту не тратили, я даже думаю, что вы скорѣе всѣхъ войдете (послѣ часа личной бесѣды) въ мою идею о упрощеніи счетовъ и о присвоеніи дѣламъ способности выражать свои результаты каждомѣсячно чистыми рублями, а не статьями: *со счета и на счетъ.*

«Прощайте *до пріятнѣйшаго* свиданія въ сердцевинѣ самаго дѣла, т. е. въ Вя.....

«*Искренно* вамъ *преданнѣйшій*

В. Штукаревъ.»

Изъ этого образчика удивительной діалектики и аргументаціи, т. е. изъ набора пустозвонныхъ словъ и фразъ, видно однако же, что Штукаревъ, по полученіи моего оправдательнаго отвѣта, сознался въ душѣ, что оскорбительные упреки его не имѣли ни малѣйшаго основанія. А отчего же онъ не подождалъ этого оправданія, прежде нежели рѣшиться нанести новыя кровавыя оскорбленія сочиненіемъ и отправкою въ Вя.... своего сатирическаго опыта? Оттого, что онъ, Штукаревъ, все позволялъ и извинялъ себѣ, и ничего — другимъ; оттого, что роль волка въ извѣстной баснѣ Крылова, насчетъ права сильнаго, была совершенно понутру ему, Штукареву. Поэтому-то, въ окончательномъ результатѣ, онъ, Штукаревъ, всегда и во всемъ оказывался правымъ, а всѣ прочіе виноватыми.

Вечеромъ 17 декабря возвратился я въ Вя...., а двумя часами позднѣе пріѣхалъ туда Василій Андроновичъ и остановился въ нарочно-приготовленной для него квартирѣ. На другой день утромъ посѣтилъ онъ контору и меня. Разумѣется, онъ не забылъ взять съ собою и свою, столь извѣстную «привѣтливую улыбку». Съ этою улыбкою было тоже, что обыкновенно бываетъ со всякимъ сомнительнымъ знакомъ цѣнности: ее поспѣшили размѣнять на..... дѣйствія христіанской любви и евангельскаго милосердія, и вотъ какъ:

Во первыхъ, были чрезвычайно любезны съ моею женою, этою кроткою страдалицею, которая, обрадовавшись донельзя благополучному моему возвращенію изъ *казусной* поѣздки, встала съ постели и, хотя черезъ силу, пришла въ гостиную взглянуть на своего Пилата, распинавшаго ее столько разъ на крестѣ страданій, и подготовившаго ей послѣднее тихое убѣжище на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря.

Во вторыхъ, соблаговолили пригласить меня къ своему обѣденному столу.

Въ третьихъ, прочитали мнѣ самымъ медоточивымъ голосомъ слѣдующую откупную притчу, впрочемъ сказанную по всѣмъ правиламъ семинарской риторики: «По зрѣломъ соображеніи нашли, что главная контора въ Вя.... въ настоящее время—вещь совершенно лишняя, по той причинѣ, что Ив. Ѳед.

Ма—товъ, живя въ Москвѣ, можетъ каждый мѣсяцъ наѣзжать въ Вя...., дѣлать всѣ необходимыя распоряженія и потомъ возвращаться въ Москву, предоставляя мѣстному управляющему Ко—тову наблюдать за исполненіемъ его распоряженій.... Изъ всего этого слѣдуетъ: а) рѣшено упразднить главную вя...скую контору; б) съ упраздненіемъ главной конторы упраздняется и мѣсто главноуправляющаго с......кими дѣлами; и наконецъ в) чувствительнѣйше меня благодарятъ за добросовѣстную мою службу, которую я могу теперь оставить, дабы отдохнуть отъ столькихъ понесенныхъ мною трудовъ и еще озаботиться лѣченіемъ моей супруги....

Такая заботливость о здоровьѣ моей жены пробудила во мнѣ нѣкоторыя воспоминанія изъ моей давно-прошедшей военной жизни. Въ то «блаженное» время, въ числѣ многихъ другихъ антиковъ, процвѣтали особаго рода отцы-командиры, впрочемъ отличные фронтовики, которые вздуютъ, бывало, кого нибудь изъ своихъ нижне-чинныхъ подчиненныхъ,—вздуютъ, разумѣется, за важное преступленіе, какъ напримѣръ: ошибся во фронтѣ, или при заряжаніи на 12 темповъ сказалъ «два, три», (а слѣдовало сказать «два, два»),—и поэтому вздуютъ его на славу; за то съ какою же нѣжною заботливостію чадолюбиваго отца отсылаютъ потомъ, послѣ ученія, провинившагося подчиненнаго въ полковой лазаретъ для залѣченія его плечъ, спины и прочаго.

Чтеніе откупной притчи было окончено. Это чтеніе—послѣднее явленіе послѣдняго акта траги-комедіи: *Акцизно-откупная дружба и комиссіонерская благодарность*, данной въ бенифисъ великаго акцизно-откупнаго артиста и чародѣя Василья Андроновича Штукарева. Роли выдержаны превосходно, и особливо роль—*друга по душѣ и почитателя высокой честности и горячей преданности сердца....*

Почтеннѣйшая публика! хлопай въ ладоши, кричи—браво-о-о, да погромче!... Но только, пожалуйста, не кричи bis — чуръ меня отъ такого *биса*, и латинскаго, и малороссійскаго!

Такъ окончилась моя служба у Василья Андроновича Штукарева, который въ концѣ 1844 года уговорилъ меня оставить мой тихій сельскій пріютъ и вступить въ его дѣла, «гдѣ обращаются сотни тысячъ и милліоны», обѣщая сдѣлать меня своимъ сотрудникомъ и участникомъ въ этихъ милліонныхъ дѣлахъ и «вполнѣ обезпечить мою будущность». И великолѣпная эта программа была имъ исполнена самымъ акцизнымъ образомъ.

Вскорѣ затѣмъ сцена вя...скаго откупнаго театра опустѣла: бенефиціантъ, великій художникъ и чародѣй уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы на сценѣ несравненно обширнѣйшей разыгрывать новыя піесы, порождаемыя его могучимъ акцизно-откупнымъ геніемъ. Что же касается до меня, пассивная роль котораго окончилась такимъ жалкимъ образомъ, то, собравшись съ моею больною женою и со всѣмъ скарбомъ, я оставилъ Вя.... а съ тѣмъ вмѣстѣ и службу Штукарева, и оставилъ безъ малѣйшаго сожалѣнія. Не только здоровье жены, но и мое собственное сильно пострадало отъ послѣднихъ потрясающихъ событій. Пробывъ съ недѣлю въ Москвѣ, проѣхали мы въ Тулу, а оттуда въ деревню, въ этотъ мирный пріютъ, гдѣ прежде провелъ я шесть лѣтъ самой безмятежной и счастливой жизни съ первою моею женою.

Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ въ деревню, я узналъ, что гл. контора въ Вя.... вовсе не была упразднена и что вскорѣ послѣ моего отъѣзда, туда былъ присланъ новый главноуправляющій, нѣкто Ж—овскій. Это былъ откупной рутинеръ, знавшій хорошо свое дѣло, но увы! — у него, какъ и у Ве—ги, была тоже манія, не помню только какая: хересо, мадеро, коньяко, или просто сивухо-манія. Разница была только та, что періоды его нормальности были несравненно рѣже и короче, нежели у Ве—ги, и потому большую часть времени онъ находился въ блаженномъ состояніи восточнаго теріака.

Хотя и оставилъ я дѣла Штукарева, но прекратить съ нимъ всякія сношенія было невозможно. Никто и ничто въ мірѣ не въ силахъ уничтожить роковой *законъ солидарности*, который тяготѣетъ надъ всѣми и надъ всѣмъ, несмотря ни на какія разрывы, разлуки и разстоянія. Къ тому же Штукаревъ не рѣшился лишить меня участія въ гжа..комъ откупѣ, и мнѣ присылали оттуда ежемѣсячныя вѣдомости, какъ это водится вездѣ въ отношеніи откупныхъ компаньоновъ. Но независимо отъ гжа..каго дѣла, я во множествѣ случаевъ и во всей силѣ испыталъ солидарность, существовавшую между мною и Штукаревымъ: гибельное вліяніе этого человѣка на мою жизнь далеко не прекратилось съ выходомъ моимъ изъ дѣлъ его, какъ это скоро будетъ видно.

ГЛАВА X.

НЕПРОШЕННЫЙ ПОСРЕДНИКЪ. — СИСТЕМА ЛОЖНЫХЪ ОБѢЩАНІЙ ИЛИ ОТКУПНАЯ МИСТИФИКАЦІЯ. — НОВЫЙ ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

Не довернешься — бьютъ, и перевернешься — бьютъ
(Солдатская поговорка.)

Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать.
КРЫЛОВЪ.

Сейчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тулу, я встрѣтился тамъ съ моимъ родственникомъ Ле—вымъ. Между нами возникло недоразумѣніе и потомъ споръ относительно нашего компанейскаго дѣла; но мы порѣшили этотъ споръ тѣмъ, что положили между собою передать въ однѣ руки пап кра.....скаго откупа. По обоюдному и добровольному согласію, дѣло это было передано мнѣ съ тѣмъ, что я обязался заплатить Ле—ву за послѣдніе два года откупнаго четырехлѣтія на его пап, по разсчету прибыль первыхъ двухъ лѣтъ. Итакъ, я принялъ отъ Ле—ва кра.....скій откупъ, уплативъ ему, что̀ слѣдовало по условію, наличными деньгами, и сверхъ того выдавъ ему заемное обязательство на сумму довольно значительную по поводу его 75 паевъ. Я выписалъ сейчасъ же управляющаго, того самаго, который такъ хорошо завѣдывалъ гжа..кимъ откупомъ во время моего путешествія съ Штукаревымъ, и назначилъ ему за управленіе Кр...ою, сверхъ довольно значительнаго содержанія, десять паевъ изъ прибылей откупа. На всякій случай я увѣдомилъ Штукарева о томъ, что произошло между Ле—вымъ и мною. Василій Андроповичъ не замедлилъ отвѣчать и одобрить сдѣлку: «вы очень хорошо сдѣлали: Ал—ру Ива—чу пора отдохнуть отъ двухлѣтнихъ трудовъ, а вамъ необходимо занять свою кипучую дѣятельность». Итакъ, казалось, все пошло хорошо, но на повѣрку впослѣдствіи вышло не такъ хорошо: высокій прокурорскій талантъ Фукье-Тенвилля, какъ и всѣ прочіе высокіе таланты, требуютъ упражненія и пищи.

Первые четыре мѣсяца 1849 года провелъ я въ деревнѣ. Въ началѣ мая поѣхалъ я съ женою въ Москву, гдѣ родилась у насъ дочь. Тогда же я взялъ изъ пансіона старшую мою дочь и помѣ-

стилъ ее въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ. Въ іюнѣ возвратился я съ женою и новорожденною дочерью въ деревню. Тихая жизнь и отсутствіе огорченій и волненій успокоили мою жену въ нравственномъ отношеніи; но физическое состояніе не поправлялось: послѣднія треволненія и потрясенія въ Вя.... уходили ее окончательно, она томилась и таяла, какъ свѣча.

1849 годъ былъ неблагопріятенъ для большей части откуповъ, а въ томъ числѣ и для Кра....ны. Дѣло шло худо, начались огромныя недовыручки. Сначала я наѣзжалъ въ Кра....ну, а потомъ, осенью, совсѣмъ туда переселился и принялся управлять откупомъ самъ, тѣмъ болѣе, что несмотря на хорошее содержаніе и на паи изъ прибылей, управляющій оказался «волкомъ», и я накрылъ и уличилъ его въ одномъ, самомъ нагломъ цапаньи. Въ это же самое время у меня возникъ новый споръ съ бывшимъ моимъ компаньономъ по Кра....нѣ: онъ предъявилъ мнѣ самыя несправедливыя притязанія и, въ случаѣ неисполненія его невозможныхъ требованій, угрожалъ мнѣ «завести дѣло». Отъ роду не имѣлъ я никакихъ «дѣлъ», боялся ихъ пуще огня и старался избѣгать всѣми мѣрами, предпочитая всегда потерять что нибудь, да только помириться, а не тягаться. Что дѣлать? Я прибѣгнулъ къ Ма—тову, который всегда выказывалъ ко мнѣ большое сочувствіе. Объяснивъ ему причину возникшаго у меня съ Ле—вымъ спора, я просилъ его совѣта, какъ и что̀ мнѣ дѣлать въ подобномъ случаѣ, прибавя, что я не хочу обращаться къ посредничеству Василья Андроновича для того, чтобы письмо мое не было принято за жалобу и поставлено мнѣ послѣ въ укоръ. Ма—товъ былъ тогда въ Петербургѣ у Штукарева, и потому я адресовалъ мое письмо въ домъ Василья Андроновича. Отвѣтъ изъ Петербурга пришелъ очень скоро. Но каково было мое удивленіе, когда распечатавъ конвертъ, я вынулъ письмо, написаное не Ма—товымъ, а самимъ Штукаревымъ. Вотъ этотъ отвѣтъ.

Документъ двадцать первый.

С.-Петербургъ. 5-го ноября.

М. Г. Ник. Петр.

«За отъѣздомъ Ивана Өед. я получилъ ваше письмо къ нему. *Вполнѣ сочувствую всѣмъ вашимъ горямъ.* Улаживать ихъ посредствомъ переписки нельзя, потому что пока я буду мирить васъ съ А.

Ив. и обратно его съ вами, пропадетъ много времени попустому, а дѣло требуетъ не пустыхъ словъ, а дѣйствій. Тогда только вы оба будете при средствахъ къ будущимъ торгамъ, когда облегчатъ обязанности Кра....ны. Для достиженія сего и вамъ, и А. Ив., потребно пріѣхать сюда сейчасъ же на недѣльку. Здѣсь я надѣюсь васъ помирить и послѣ сего исходатайствовать нужное для Кра....ны облегченіе.

«Съ письма моего къ А. И. прилагаю копію, равно и съ этого письма посылаю ему копію. Двиньтесь изъ Кра....ны въ Тулу, оттуда пошлите сказать А. И., что вы ѣдете въ Петербургъ, для того, чтобы и онъ ѣхалъ.

«Лично переговоримъ обо всемъ. Увѣрьтесь въ томъ, что я разведу васъ безпристрастно и устрою такъ, что обѣ стороны будутъ довольны.

«Неизмѣнно вамъ преданнѣйшій

В. Штукаревъ.»

Итакъ, г. Штукаревъ позволилъ себѣ распечатать письмо, писанное не къ нему, для того, чтобы оказать *полное свое сочувствіе* къ писавшему это письмо. Покамѣстъ все это было—такъ себѣ, ничего; и программа только-что приведеннаго мною отвѣта Василья Андроновича, то есть примиренія меня съ бывшимъ моимъ компаньономъ, была исполнена какъ нельзя лучше. Но мѣсяцевъ восемь спустя изъ этого «полнаго ко мнѣ сочувствія» вышло *нѣчто*, про которое нельзя уже было сказать: «такъ себѣ, ничего», а напротивъ, это было — *очень чего*, а именно: новое противъ меня обвиненіе, превзошедшее всѣ прежнія по своему шемякинскому кривосудію.

Все было исполнено такъ, какъ писалъ мнѣ Василій Андроновичъ. Я сейчасъ же пріѣхалъ изъ Кра....ны въ Тулу, гдѣ оставилъ больную жену у ея тетки, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ, давши знать о томъ Ле—ву, жившему близь Тулы. На другой же день моего пріѣзда въ Петербургъ явился я къ Штукареву, у котораго нашелъ и Ле—ва. Я заранѣе согласенъ былъ на все, что ни предложитъ мнѣ нашъ посредникъ, и потому послѣ получаса объясненій и переговоровъ, споръ былъ оконченъ миролюбиво тѣмъ, что я передалъ Ле—ву кра.....скій откупъ, но далеко не такъ, какъ самъ принялъ, а именно: не изъ полнаго разсчета прежнихъ прибылей, а со скидкою 40%. Ле—въ обязался уплатить мнѣ за остальные два года на мои паи. Покончивъ это дѣло, причинившее мнѣ много непріятностей и хлопотъ,

я возвратился въ Кра. .ну, сдалъ откупъ моему родственнику и потомъ снова поселился въ деревнѣ съ женою. Здоровье ея не поправлялось; напротивъ, силы ея ослабѣвали съ каждымъ днемъ. Прибѣгать къ тульскимъ эскулапамъ было бы и безполезно, и опасно; и потому рѣшили мы ѣхать въ Москву.

Въ концѣ марта 1850 года снова оставилъ я сельскій пріютъ и поселился въ Москвѣ. Тутъ началась или, вѣрнѣе, продолжалась медленная агонія моей страдалицы Софи, начавшаяся еще въ Гжа...., два мѣсяца спустя послѣ нашей свадьбы. Пользовалъ ее лучшій изъ московскихъ врачей; но искусство и опытность стали въ тупикъ передъ упорнымъ и таинственнымъ недугомъ, который ни прежде, ни послѣ того не былъ вполнѣ разгаданъ ни однимъ изъ врачей, пользовавшихъ мою жену. Оставлю на время болѣзнь ея и возвращусь къ сношеніямъ, то есть къ *солидарности*, продолжавшейся между мною и Штукаревымъ.

Наступало время новыхъ торговъ на откупа. Я готовился къ нимъ и приготовлялъ залоги, хотя и не думалъ дѣйствовать, то есть торговаться самъ. Я имѣлъ намѣреніе просить дѣйствовать, вмѣсто меня, добрѣйшаго Ив. Ѳед. Ма—това, готоваго сдѣлать добро каждому. Но — увы! — это благое намѣреніе осталось безъ исполненія, и вотъ почему: въ концѣ мая пріѣхалъ въ Москву Василій Андроновичъ и сейчасъ же навѣстилъ меня. Онъ былъ необыкновенно любезенъ со мною, приглашалъ меня нѣсколько разъ къ себѣ на обѣды, на прогулки по Москвѣ и даже привозилъ ко мнѣ знаменитаго живописца Штейбена и просилъ меня познакомить его съ моимъ музыкальнымъ талантомъ. Между тѣмъ онъ обнадежилъ меня самымъ положительнымъ образомъ въ успѣхѣ имѣть участіе въ откупахъ на предстоящее четырехлѣтіе, обѣщая помочь мнѣ въ этомъ всѣмъ своимъ вліяніемъ. И я снова и вполнѣ повѣрилъ такимъ обѣщаніямъ. Довѣрчивость есть тоже упорный, хроническій недугъ сердца съ истинно благородными чувствами; недугъ, отъ котораго не легко и не скоро можно исцѣлиться.

Въ іюнѣ Штукаревъ уѣхалъ въ Петербургъ, а вскорѣ за нимъ и я отправился туда, оставя больную жену на попеченіе двухъ докторовъ, которые лѣчили ее. 20 іюня начались торги на откупа. Я посѣщалъ ихъ, но какъ простой зритель, а не какъ дѣйствователь, хотя и могъ я быть имъ, имѣя залоговъ достаточно для двухъ или трехъ небольшихъ дѣлъ. Я не хотѣлъ дѣйствовать самъ по неопытности моей въ тактикѣ откупныхъ сраже-

ній, то есть торговъ и переторжекъ. Но я могъ бы обратиться къ посредству Ма—това и, разумѣется, имѣлъ бы полный успѣхъ, потому что, какъ я самъ это видѣлъ, онъ не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи и другимъ, которые были ему менѣе знакомы, чѣмъ я, и которымъ это содѣйствіе принесло величайшую пользу. Но обѣщанія Василья Андроновича, но надежда на всемогущее содѣйствіе этого властелина откупныхъ судебъ, содѣйствіе, на которое самъ онъ напросился, усыпили меня не хуже хлороформа и парализовали свободу моихъ дѣйствій. Горе тому, кто повѣритъ обѣщаніямъ откупщика.

Итакъ я сидѣлъ въ Петербургѣ сложа руки и ждалъ конца торговъ. Василій Андроновичъ вступилъ въ огромныя дѣла.

Наконецъ торги кончились и я ждалъ, что̀ скажетъ мнѣ Штукаревъ: дастъ ли, и гдѣ мнѣ даетъ пай! И вотъ, когда я не могъ уже ничего предпринять, онъ объявилъ мнѣ, съ суровою важностію верховнаго судіи, что у него нѣтъ для меня никакихъ паевъ, потому что *онъ не имѣетъ отдѣльныхъ дѣлъ, а все только въ компаніи съ другими* (*). Это, какъ видите, были «откупные проводы на бобахъ». Догадался я, но уже поздно, какъ хитро и зло былъ я мистифированъ питейнымъ Боско, посредствомъ лживыхъ обѣщаній содѣйствія. Страшно тяжелы и неудобоваримы оказались обѣды и прогулки, на которыя приглашалъ онъ меня въ Москвѣ. Увѣреніе, что нельзя мнѣ дать ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ, потому что нѣтъ отдѣльныхъ откуповъ, поразило и привело меня въ негодованіе, — я зналъ и видѣлъ, какъ онъ, Штукаревъ, тутъ же, сейчасъ же давалъ участіе въ своихъ дѣлахъ людямъ, которые, какъ сотрудники, были очень мало ему полезны, а другіе вовсе ничѣмъ у него и не занимались! Я сказалъ ему:

— Зачѣмъ же вы мнѣ обѣщали? Вѣдь я могъ бы къ кому нибудь другому обратиться за содѣйствіемъ, и увѣренъ, что имѣлъ бы полный успѣхъ. Но я вѣрилъ вашему слову, которое такъ торжественно дали вы мнѣ, бывши у меня въ Москвѣ!

Не помню хорошо, какую именно отговорку употребилъ тогда Штукаревъ. Помню только, что отговорка была, если не доказательна, то назидательна.... А propos: что это г. Штукаревъ не догадается издать лексиконъ.... Нѣтъ—два: одинъ лек-

---

(*) Неправда!... не одно, а нѣсколько дѣлъ взялъ онъ тогда отдѣльно: П.... Мал...., Кар....., Пор.... и еще нѣсколько, имена которыхъ я не припомню.

сиконъ точекъ зрѣнія и другой—отговорокъ? Вѣдь это была бы великолѣпная афера, никакъ не хуже нѣкоторыхъ изъ его разныхъ аферъ....

Спустя нѣкоторое время послѣ объясненія со мною, Штукаревъ однакоже одумался, т. е. сообразилъ, что на этотъ разъ онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своей недобросовѣстности, и потому рѣшился смягчить, *снизить* ее, — не изъ разскаянія, о совсѣмъ нѣтъ! — а изъ благоразумія, т. е. чтобы не дать мнѣ право сказать и доказать, какъ некрасивъ былъ поступокъ его со мною. Итакъ, могучій нашъ откуподержецъ изрекъ слѣдующее:

— Такъ какъ я не могу дать вамъ участіе въ моихъ дѣлахъ, то взамѣнъ этого я дѣлаю для васъ вотъ что: извѣстно вамъ, что принято платить за откупные залоги 6%. Я же, помѣщая у себя вашъ капиталъ, къ этимъ 6% прибавляю еще 4%. Довольны ли вы этимъ?

Я благодарилъ, сколь ни было ничтожно такое *вознагражденіе*, которое составляло самую незначительную сумму на мой маленькій капиталъ, результатъ добросовѣстной и полезной моей службы у Штукарева и чахоточное осуществленіе блестящей откупной перспективы. Приглашая меня къ своимъ дѣламъ, онъ малевалъ мнѣ когда-то эту перспективу съ искусствомъ перваго театральнаго декоратора и потомъ подмалевывалъ въ періодъ псевдо-дружбы. Итакъ я благодарилъ его, и благодарилъ искренно, отъ всей души, потому что при малѣйшей возможности я старался тогда извинять и понимать его такимъ, какимъ онъ показался мнѣ въ началѣ его откупной дѣятельности, а не такимъ, какимъ онъ оказался потомъ на самомъ дѣлѣ. Вопреки свѣту разума и опыта, сердце человѣческое любитъ иногда возвращаться, хоть на мгновенье, къ своимъ отжившимъ, но все таки сладкимъ заблужденіемъ.... И потому, нерѣдко случалось мнѣ браться за гуммиластикъ и чистить имъ изо всей силы читаемыя мною страницы чужой жизни, которыя мѣстами были такъ запачканы, что не только гуммиластикомъ, но и острымъ ножемъ трудно было выскоблить разныя помарки и кляксы, пестрившія тѣ страницы, и отъ которыхъ рябило въ глазахъ человѣка, непривыкшаго къ такому неряшеству.

Помирившись такимъ образомъ съ жалкими результатами моей поѣздки въ Петербургъ, я взялъ два мѣста въ почтовой каретѣ для возвращенія моего въ Москву, и уже сдѣлалъ прощальные визиты ко всѣмъ моимъ петербургскимъ знакомымъ.

Вдругъ, наканунѣ моего отъѣзда, я получаю по городской почтѣ отъ Ма—това записку слѣдующаго содержанія: «Отложите вашъ отъѣздъ въ Москву, хотя бы и пришлось вамъ потерять ваши мѣста въ мальпостѣ, и пріѣзжайте завтра въ полдень къ Василью Андроновичу: *у него въ головѣ есть для васъ паи*». Напиши мнѣ это кто другой, а не Ма—товъ, я бы не обратилъ на это вниманія и не остался бы въ Петербургѣ. И хорошо бы я сдѣлалъ. Но вѣдь всего не предвидишь и не сообразишь въ одинъ день, который оставался мнѣ до отъѣзда. Итакъ, въ чаяніи чего то, я потерялъ свои почтовыя мѣста и на другой день въ полдень явился къ Штукареву. Боже мой! какимъ величественнымъ, строгимъ и чопорнымъ образомъ принялъ онъ меня! Никогда не забуду того площаднаго и вмѣстѣ іезуитскаго фарса, который разъигранъ былъ тогда со мною. Когда вошелъ я въ его кабинетъ, Василій Андроновичъ возсѣдалъ на креслѣ; но, впрочемъ, возсѣдалъ онъ нисколько не хуже того, какъ возсѣдаютъ на своихъ золоченныхъ тронахъ сіамскіе, кохинхинскіе и многіе другіе азіатскіе властелины во время торжественнаго пріема иностранныхъ пословъ. Улыбка, — но на тотъ разъ не привѣтливая: этотъ сортъ улыбокъ весь уже былъ размѣнянъ «на разныя разности,» перечислять которыя было бы слишкомъ тошно,—итакъ, улыбка необыкновенно величественная лежала на его устахъ. Мановеніемъ своей руки показалъ онъ мнѣ на стулъ, стоявшій невдалекѣ отъ его кресла; я сѣлъ. Дубликатъ сіамскаго властелина, въ русскомъ переводѣ, открылъ аудіенцію и рекъ тако:

— Николай Петровичъ! Вы были моимъ компаньономъ по Щ......, Бо.... и Гжа.... Разумѣется, и на этотъ разъ вы имѣли бы участіе въ моихъ дѣлахъ, участіе, котораго я не подумалъ бы лишить васъ. Но вы сами виноваты, если не получили этого счастія. Вы....

Но чье перо, чья кисть въ состояніи изобразить ту торжественность, ту величавую строгость, съ какими произнесъ онъ недописанную мною выше фразу? Помнится мнѣ изъ французскихъ газетъ описаніе величавой суровости «Беранже изъ Дромы» (т. е. изъ дромскаго департамента), во время предсѣдательства его въ верховномъ народномъ судилищѣ по поводу іюньскаго возстанія 1848 года въ Парижѣ. Но что значитъ величавость и суровость Беранже и всѣхъ прочихъ верховныхъ судей и президентовъ передъ нашею родною, питейною, передъ торжествен-

ностію и суровостію нашего неподражаемаго Васнлья Андроновича Штукарева!... Продолжаю прерванную фразу.

— Вы виноваты тѣмъ, (*) что такъ дурно поступили съ Ле—вымъ, вашимъ компаньономъ по Кр....нѣ.; вы взяли у него откупъ, а потомъ поссорились и хотѣли завести съ нимъ дѣло.

Каково! Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, слушая такой приговоръ, затмившій своимъ кривосудіемъ всѣ когда и гдѣ либо бывшіе шемякинскіе суды, не исключая и суда надъ злополучной памяти герцогомъ Энгіенскимъ. Такъ вотъ какой результатъ вышелъ изъ того *полнаго сочувствія всѣмъ моимъ горямъ*, высказаннаго мнѣ 5 ноября 1849 года въ отвѣтѣ на мое письмо, адресованное не къ нему, Штукареву, и изъ котораго дерзко и нагло, *со взломомъ печати*, была похищена имъ чужая тайна!?... Чувство досады, негодованія, омерзѣнія наполнило мою душу и закипѣло въ ней. Но я сдержалъ себя. Я только всталъ и сказалъ тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка.

— Василій Андроновичъ! Чувство собственнаго достоинства запрещаетъ мнѣ оправдываться въ этомъ новомъ, взводимомъ вами на меня обвиненіи. Но если вамъ измѣнила ваша память, то я берусь напомнить вамъ, что принялъ я Кра...ну отъ Ле—ва вслѣдствіе обоюднаго нашего согласія, и что вы сами одобрили тогда эту сдѣлку. А что вамъ угодно было распечатать мое письмо, адресованное не къ вамъ, а къ И. Ѳе—вичу, то это нисколько не доказываетъ, что я хотѣлъ заводить ссору и тяжбу съ Ле — вымъ; тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе выраженнаго вами тогда *полнаго сочувствія ко всѣмъ моимъ горямъ*, я безусловно покорился всему, чѣмъ угодно было вамъ рѣшить споръ между мною и Ле—вымъ. Но прекращаю эти воспоминанія и прошу васъ сказать мнѣ, для чего я приглашенъ сюда.

Суровое чело моего верховнаго судіи, этого Беранже, но только не изъ «Дромы,» а изъ Со......, прояснилось.... нѣтъ не такъ,—приняло какое-то двухсмысленное выраженіе, придавшее его лицу значеніе самаго плохаго и натянутаго каламбура, а именно: выраженіе это хотѣло означать милосердіе, но въ сущ-

(*) Ну какъ не вспомнить и не повторить при этомъ случаѣ что нибудь изъ Крылова, хоть, напримѣръ, эпиграфъ этой X главы:

«Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать...

ности, было только ширмою для заднихъ мыслей. Послѣ нѣкотораго обдумыванія, судія заговорилъ:

— Я даю Кар..... моему двоюродному брату И—ну Се—ичу и въ этомъ откупѣ назначаю и для васъ 25 паевъ. (!!?)

Натурально, мнѣ слѣдовало отказаться отъ этихъ паевъ. Зачѣмъ же навязывать одному двоюродному братцу компаньона, забракованнаго другимъ двоюроднымъ братцемъ? Но — увы! — не даромъ говорятъ: «русскій заднимъ умомъ крѣпокъ»; я тоже подошелъ тогда подъ эту пословицу, и отказался не отъ Кар....., а вотъ отъ чего и какъ.

— Отъ души благодарю васъ за ваше доброе ко мнѣ расположеніе, сказалъ я. — Но такъ какъ вы даете мнѣ участіе въ Кар....., то позвольте мнѣ отказаться отъ лишнихъ четырехъ процентовъ, которые назначили вы за мои у васъ залоги.

Двоюродный братецъ И—на Се—ича только этого и хотѣлъ: своимъ искуснымъ маневромъ онъ дѣлалъ еще болѣе искусный откупной карамболь — однимъ ударомъ избавлялся и отъ плохаго откупа, и отъ платежа мнѣ лишнихъ процентовъ. Новый талантъ нашего всесторонняго дѣятеля, — талантъ отличнаго карамболиста на откупномъ бильярдѣ! Вотъ что значитъ смотрѣть на вещи или на двоюродныхъ братцевъ съ разныхъ «точекъ зрѣнія». Ужь чего въ нихъ тогда не откроешь!...

Послѣ сказанныхъ мною словъ благодарности за паи и отказа отъ лишнихъ процентовъ, чело двоюроднаго братца И—на Се—ича озарилось улыбкою и на этотъ разъ улыбкою хорошаго чекана, а не изъ аплике, не каламбурною. Взявши меня за руку, онъ сказалъ:

— Я не имѣю права не принять вашего отказа отъ лишнихъ процентовъ.

Тѣмъ и окончилась аудіенція моя у двоюроднаго братца И—на Се—ича. Я раскланялся съ нимъ и черезъ четыре дня послѣ того былъ уже въ Москвѣ возлѣ моей несравненной, но все больной Софи, послѣ полуторамѣсячной съ нею разлуки.

ГЛАВА XI.

СТАРИННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ.

«La critique est aisée, mais l'art est difficile».

Вскорѣ послѣ возвращенія моего въ Москву, я узналъ, что дядя мой уже съ мѣсяцъ, какъ пріѣхалъ въ Бѣлокаменную съ

своею больною женою, которую схоронилъ нѣсколько дней тому назадъ, а теперь и самъ опасно заболѣлъ холерою. Натурально, я сейчасъ же навѣстилъ его, но нашелъ уже въ безнадежномъ положенiи. Однакожь онъ узналъ меня и очень мнѣ обрадовался. Черезъ три дня послѣ того его уже не стало на свѣтѣ, и онъ былъ похороненъ мною возлѣ его жены. Имѣнiе дяди досталось мнѣ пополамъ съ кузиною. Я купилъ потомъ ея половину, и первымъ дѣломъ моимъ было — отпустить на волю всю ватагу доморощеныхъ пѣвчихъ, музыкантовъ и актеровъ, всего до сорока человѣкъ.

Лѣченiе жены шло своимъ порядкомъ, но безъ большаго успѣха. Тлетворная откупная атмосфера и въ особенности звѣрскiе со мною поступки того, кто изъ добраго сдѣлался моимъ злымъ генiемъ, отравили и подточили всѣ ея душевныя и тѣлесныя силы. Послѣ года лѣченiя московскiе врачи объявили, что женѣ моей необходимо ѣхать за границу для пользованiя минеральными водами. Грустна была причина этого путешествiя; но оно улыбалось мнѣ, потому что осуществляло давнишнюю и любимую мою мечту — побывать въ чужихъ краяхъ. Сверхъ необходимости лѣченiя водами жены, явилась еще и другая цѣль для этой заграничной поѣздки. Но чтобы объяснить это, мнѣ необходимо возвратиться къ моему прошедшему. И я охотно это дѣлаю, потому что могу оставить на время удушливую атмосферу откуповъ и подышать, освѣжиться чистымъ воздухомъ жизни артистической.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить, я страстно любилъ музыку. Первая музыкальная моя страсть была—скрипка. Еще до отъѣзда моего на службу въ Варшаву я уже началъ пилить на этомъ инструментѣ, сперва по слуху наигрывая разныя пѣсни, а потомъ уже и по нотамъ, бравши уроки у доморощенаго капельмейстера въ домѣ моей богатой тетки, Ши—вой. По прiѣздѣ въ Варшаву, я умолялъ моего дядю дать мнѣ учителя на скрипкѣ. Онъ и самъ былъ большой поклонникъ музыки и усердно по цѣлымъ часамъ насвистывалъ на флейтѣ разныя арiи изъ извѣстныхъ тогда оперъ, и однажды вызвалъ слѣдующую остроту у одного изъ своихъ товарищей:

«Какой толстый, а какъ тонко свищетъ!»

Но въ отношенiи къ моей музыкальной страсти, этотъ чудакъ-дядя оказалъ сочувствiе, совершенно согласное съ его циническими воззрѣнiями на вещи и на людей. Онъ купилъ для

меня скрипку на одномъ аукціонѣ за три рубля; а въ учители взялъ полковаго и пьянаго музыканта, игравшаго на валторнѣ, но который въ то же время и на скрипкѣ наигрывалъ секунду въ бальномъ квартетѣ. Можете послѣ этого судить о блистательныхъ успѣхахъ моего музыкальнаго образованія. Послѣ десяти такихъ уроковъ я потерялъ всякую охоту продолжать ученіе, которое тѣмъ и кончилось. Черезъ три года послѣ того, когда я подросъ, я былъ отправленъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Тутъ возобновилъ я ученіе мое на скрипкѣ. Мнѣ удалось уже пріобрѣсти инструментъ много лучшій того, что былъ купленъ на аукціонѣ за три рубля. Но не только затруднительно, а почти невозможно было для меня правильное изученіе игры на обожаемомъ мною инструментѣ. Хорошаго и даже никакого учителя нельзя было имѣть въ школѣ, и потому я учился самъ, безъ учителя. Въ промежуткахъ между классами, когда всѣ мои товарищи отдыхали, я уходилъ на чердакъ и тамъ корпѣлъ надъ школою Бальо. Страсть моя усилилась еще болѣе отъ слѣдующаго обстоятельства.

Во время коронованія въ Варшавѣ императора Николая Павловича, въ маѣ 1829 года, пріѣзжалъ туда знаменитый Паганини, этотъ царь всѣхъ бывшихъ и настоящихъ скрипачей. Онъ произвелъ неописанный фуроръ и далъ девять концертовъ въ народномъ театрѣ, которые были биткомъ набиты, несмотря на тройную цѣну билетовъ. Я и не досыпалъ, и не доѣдалъ отъ непреодолимаго желанія слышать знаменитаго скрипача; но — увы! — подпрапорщикамъ запрещено было посѣщать театры и концерты. Страсть моя была сильнѣе всякаго благоразумія: однажды я досталъ партикулярное платье, переодѣлся въ него и отправился въ раёкъ во время одного изъ концертовъ Паганини. Что я тогда прочувствовалъ, этого нельзя описать... Я плакалъ, рыдалъ, слушая дивные звуки, извлекаемые волшебнымъ смычкомъ изъ волшебной скрипки этого гиганта исполнительной, концертной музыки, подобнаго которому я никогда не слыхалъ и вѣроятно никогда не услышу. Я возвратился изъ концерта въ какомъ-то опьяненіи, не спалъ всю ночь: въ ушахъ моихъ все еще слышались небесные звуки новѣйшаго Орфея. Нѣсколько дней я походилъ на помѣшаннаго и однажды думалъ идти къ Паганини, броситься къ нему въ ноги и умолять взять меня къ себѣ въ услуженіе. Но служебныя занятія скоро расхолодили мой музыкальный восторгъ, и я остался въ школѣ и по

прежнему продолжалъ на чердакѣ проходить гаммы и разные учебные пассажи; а въ комнатѣ, между товарищами, наигрывалъ мазурки, вальсы, галопы и аріи изъ «Сороки-воровки, Семирамиды, Севильскаго цирюльника» и многихъ другихъ россиніевскихъ оперъ.

Наконецъ я былъ произведенъ въ офицеры и началъ-было брать правильные уроки у одного хорошаго скрипача изъ театральнаго оркестра. Но черезъ три мѣсяца послѣ моего производства вспыхнулъ польскій мятежъ, и ученіе мое прекратилось. Даже самая скрипка и всѣ мои ноты остались и пропали въ Варшавѣ. По усмиреніи мятежа и взятіи Варшавы, полкъ нашъ оставилъ Польшу и былъ расположенъ на постоянныя квартиры въ Ораніенбаумѣ. Но я уже не возобновлялъ изученія моего любимаго инструмента, хотя и не бросалъ его совершенно. Игралъ я немного и на шестиструнной гитарѣ, но игралъ безъ всякаго серьёзнаго намѣренія, а болѣе для акомпанимента собственному своему пѣнію, которое тоже входило въ кругъ моихъ музыкальныхъ занятій. Такимъ образомъ дожилъ я до второй моей отставки и поселенія въ деревнѣ около Тулы, въ августѣ 1838 г., съ первою моею женою. Въ то время скрипка была уже окончательно мною оставлена, а гитара все болѣе и болѣе входила у меня въ милость, вскорѣ овладѣла всѣми моими мыслями и чувствами и сдѣлалась уже цѣлью моей жизни, предметомъ ежедневныхъ и самыхъ усиленныхъ занятій. Главною причиною такого рѣдкаго увлеченія было слѣдующее: почти всѣ мои родные и многіе изъ знакомыхъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, повторяли мнѣ, что я напрасно теряю время на безплодный трудъ, что гитара—такой инструментъ, на которомъ нельзя съиграть ничего порядочнаго, и что наконецъ мнѣ уже поздно начинать изученіе такого труднаго и неблагодарнаго инструмента и поэтому я никогда не дойду не только до первокласной, художественной, но даже до удовлетворительной игры. Такое мнѣніе сперва возбуждало во мнѣ нетерпѣніе, а потомъ раздражало меня и окончилось возбужденіемъ во мнѣ самой желѣзной настойчивости, самой непреклонной рѣшимости — стать если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ современныхъ гитаристовъ. Около того времени удалось мнѣ пріобрѣсти въ Москвѣ очень хорошую вѣнскую гитару, работы Штауфера, лучшаго тогда гитарнаго мастера въ Европѣ.

Я разучилъ уже нѣсколько серьёзныхъ, большихъ пьесъ для гитары, преимущественно сочиненія Мауро-Джуліани, величайшаго гитарнаго композитора. Но я чувствовалъ тогда же, что стиль джуліяніевской музыки устарѣлъ, что въ этой, впрочемъ прекрасной, музыкѣ не доставало уже многаго, чего я не могъ еще тогда себѣ объяснить; не было въ ней того новѣшаго блеска, того концертнаго шика, который находился въ сочиненіяхъ тогдашнихъ виртуозовъ фортепьяно, скрипки и другихъ главныхъ инструментовъ. Поэтому обладаемый мною репертуаръ гитарной музыки далеко не могъ удовлетворить моего музыкальнаго голода. Я принялся самъ за сочиненія, не взявши ни одного урока гармоніи и не имѣя ни малѣйшаго понятія о правилахъ композиціи. Тогда же я написалъ нѣсколько малыхъ и большихъ сочиненій, а между ними мазурку, которая впослѣдствіи произвела фуроръ въ моемъ концертѣ въ Брюсселѣ, и «большую симфоническую фантазію», которую назвалъ-было я сперва концертомъ, и которая, послѣ многихъ ея передѣлокъ, производила громадный эффектъ на гитаристовъ за границею, во время перваго моего путешествія. Весною 1840 года я посѣтилъ Петербургъ и познакомился тамъ со многими любителями музыки и съ артистами: Вьётаномъ, Дреймономъ, Гилью и Сихрою, этимъ патріархомъ семиструнной гитары. Послѣдній, прослушавъ мою «симфоническую фантазію», наполненную необычайными трудностями и самыми блестящими эффектами, но которую игралъ я тогда еще далеко неудовлетворительно, сказалъ мнѣ:

— Не только играть вашу фантазію, но и смотрѣть на нее страшно; вѣдь это музыкальныя дерзости, которыя едва ли сойдутъ вамъ съ рукъ.

Игралъ я эту фантазію и Гилью, бывшему воспитаннику и потомъ члену парижской консерваторіи, и первому солисту на флейтѣ нашего большаго театра. Вотъ что сказалъ онъ мнѣ, прослушавъ меня со вниманіемъ:

— И вы никогда не брали уроковъ ни композиціи, ни игры на гитарѣ?

— Никогда и ни одного урока.

— Vous devez donc avoir une bosse musicale; et si vous allez de ce train-là, je vous prédis d'avance, qu'un jour vous serez Paganini de guitare (*)

(*) Стало быть вы обладаете музыкальною шишкою (органомъ): и если вы будете продолжать такъ же, какъ начали, то я предсказываю, что современемъ вы сдѣлаетесь Паганини гитары.

Этотъ отзывъ произвелъ во мнѣ необыкновенную радость и наэлектризовалъ меня. Но мнѣ необходимо было взять хоть нѣсколько уроковъ на гитарѣ, чтобы освоиться съ основными правилами игры, и я обратился тогда къ одному итальянцу, учителю на шестиструнной гитарѣ. Прослушавъ меня, онъ всталъ, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Я не могу вамъ давать уроки, потому что вы гораздо сильнѣе меня на гитарѣ.

Познакомился я тогда и съ нашимъ даровитѣйшимъ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ. Онъ далъ мнѣ нѣсколько самыхъ дѣльныхъ совѣтовъ, которые, впослѣдствіи, принесли мнѣ гораздо болѣе пользы, чѣмъ всѣ безусловныя похвалы.

Полный надеждъ возвратился я въ деревню, гдѣ продолжалъ мои музыкальныя занятія еще съ большимъ увлеченіемъ. Зимою 1841 года я прожилъ съ мѣсяцъ въ Москвѣ и взялъ тамъ нѣсколько уроковъ гармоніи у бывшаго тогда директора московскаго театральнаго оркестра, Іоганиса, превосходнаго музыканта и прекраснѣйшаго человѣка, съ которымъ я оставался друженъ до самаго конца его служебнаго въ театрѣ поприща и пребыванія въ Москвѣ. Онъ почти никому не хотѣлъ давать уроковъ гармоніи, но прослушавъ мою игру на гитарѣ, онъ сказалъ: «если бы вы учились играть на скрипкѣ, то сдѣлались бы однимъ изъ величайшихъ виртуозовъ этого инструмента; но вы избрали самый трудный, неблагодарный инструментъ, и я отъ души жалѣю, что вы даромъ тратите вашъ талантъ. Но охотно соглашаюсь давать вамъ уроки генералъ-баса».

Невыразимо грустно раздался въ моемъ сердцѣ этотъ отзывъ, и я тяжело вздохнулъ о скрипкѣ, какъ вздыхаютъ о женщинѣ, которую обожали и съ которою разстались вслѣдствіе какого нибудь ребяческаго, глупаго недоразумѣнія и возникшей отъ того ссоры. Какіе интересные вечера проводилъ я у Іоганниса, вмѣстѣ со многими артистами и любителями, въ томъ числѣ и съ покойнымъ Алябьевымъ, этимъ талантливымъ, но далеко не вполнѣ оцѣненнымъ аматеромъ-композиторомъ.

Великимъ постомъ 1841 года я принималъ участіе въ концертѣ любителей, который былъ данъ въ залѣ Тульскаго дворянскаго собранія въ пользу пріюта. Это былъ мой первый дебютъ въ публикѣ. Несмотря на страшную мою робость, которую я потомъ долго еще не могъ я побѣдить, я съигралъ очень удачно первую часть 3 концерта Джуліани. Акомпанировала мнѣ на

фортепьяно М. С. Д—нова, сестра автора «Горя отъ ума». Это была превосходная піанистка-любительница и одна изъ лучшихъ учени цъ и представительницъ игры Фильда.

Въ началѣ 1844 года я снова посѣтилъ Петербургъ съ единственною цѣлью слышать итальянскую оперу. О, какъ живо помню я первое мое присутствіе въ оперѣ! —Это былъ бенефисъ Віардо. Давали «Соннамбулу» и сцены «Танкреда». Слушая эти восхитительныя партиціи, а главное,—исполненіе ихъ безсмертнымъ музыкальнымъ тріумвиратомъ изъ Рубини, Тамбурини и Віардо, мнѣ казалось, что я заживо перенесенъ былъ на небо... Если бы не присутствіе окружавшей меня блестящей публики, я бы заплакалъ отъ восторга и умиленія, какъ это сдѣлалъ я нѣкогда, слушая волшебника Паганини.

Въ эту поѣздку я возобновилъ мои прежнія музыкальныя знакомства, и между прочимъ посѣтилъ я и прадѣдушку гитаристовъ—восьмидесятилѣтняго Сихру. Я уже игралъ мои сочиненія довольно сносно. На этотъ разъ, прослушавъ меня, Сихра всталъ, поклонился мнѣ, обнялъ и поцаловалъ меня, и потомъ сказалъ:

— Охотно склоняюсь передъ вами: вы сдержали гораздо болѣе того, что мнѣ обѣщала ваша прежняя игра. И фантазія ваша перестала теперь быть дерзостію. Вы современемъ можете убить всѣхъ насъ, семиструнныхъ гитаристовъ, необычайною силою и блескомъ вашего исполненія.

Но—увы!—такія похвалы уже перестали меня радовать: чѣмъ болѣе кто хвалилъ меня, тѣмъ недовольнѣе былъ я своею игрою. Я чувствовалъ, что одной силы, бѣглости и блеска недостаточно,—что у меня не было никакой увѣренности въ себѣ. Чувства и огня было у меня много, даже слишкомъ много; но недоставало нѣжности, мягкости, хорошей фразировки, круглоты и оконченности. Однимъ словомъ, я чувствовалъ, что мнѣ еще страшно-далеко до художественной игры. И на меня находило сомнѣніе въ моихъ музыкальныхъ способностяхъ, и потомъ отчаяніе. Въ это пребываніе мое въ Петербургѣ я выписалъ себѣ изъ Вѣны отъ Штауфера новую гитару, улучшенную прибавленіемъ къ ней двухъ струнъ. Отъ этого прибавленія гитара много выиграла и въ силѣ тона, и въ гармоническихъ средствахъ.

Возвратясь въ деревню, я еще съ большею настойчивостію принялся за гитару, стараясь пріобрѣсти то, чего недоставало моей игрѣ. Вся бѣда моя происходила отъ того, что я началъ

тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаютъ изученіе игры на какомъ бы то ни было инструментѣ. Не проходя школы и не соблюдая правильной постепенности въ упражненіяхъ, я съ самаго начала принялся побѣждать и побѣдилъ величайшія трудности механизма игры, какъ-то: хроматическія гаммы и трели. Первыми пьесами, которыя разучилъ я, и довольно хорошо, были не этюды, а «большой квинтетъ» и «3-й концертъ Джуліяни». Потомъ уже принялся я за свои собственныя сочиненія, наполненныя необыкновенными трудностями, о которыхъ никто изъ гитаристовъ и думать не смѣлъ до меня. Написалъ я еще музыку для нѣсколькихъ романсовъ, которые потомъ изданы были Гольцемъ въ Петербургѣ. Но вскорѣ вся моя музыкальная дѣятельность должна была прекратиться, и надолго. Явился Штукаревъ съ извѣстными предложеніями, увѣщаніями и блестящими обѣщаніями, которыя, какъ было видно изъ предъидущихъ главъ, исполнилъ онъ самымъ блестящимъ акцизнымъ образомъ. Вступивъ въ его дѣла, я посвятилъ всего себя для пользы этихъ дѣлъ и отрекся отъ моей страсти къ музыкѣ, которою занимался только изрѣдка, чтобы не забыть того, до чего достигъ я съ помощію одной необычайной настойчивости и желѣзной воли. Итакъ, четыре года моей жизни были совершенно потеряны для музыки. Но едва оставилъ я дѣла Штукарева въ началѣ 1849 г., какъ сейчасъ же возобновилъ мои музыкальныя занятія и съ тою же, какъ и прежде, настойчивостію. Но—увы!—я уже далеко не имѣлъ прежней увѣренности въ успѣхѣ достиженія цѣли — быть однимъ изъ первыхъ виртуозовъ гитары. Увѣренность эту поколебали во мнѣ разные толки и самые недоброжелательные обо мнѣ отзывы нѣкоторыхъ «строгихъ цѣнителей и судей» въ музыкѣ и еще собратій моихъ по инструменту. Толки и отзывы эти доходили до моего чуткаго слуха и царапали его самымъ немилосердымъ образомъ. Говорили, напримѣръ, что я не играю, а только рву струны, что игра моя отвратительна, что меня слѣдуетъ обязать подпискою, чтобы я не смѣлъ брать гитару въ руки, — и много другихъ подобныхъ любезностей. Обезкураживало меня еще совершенное равнодушіе, встрѣчаемое мною въ бо̀льшей части любителей музыки, съ которыми приходилось мнѣ имѣть дѣло. Доходило иногда до того, что я хотѣлъ сжечь и гитару, и всѣ мои сочиненія и ноты, и навсегда отречься отъ музыки. Но несмотря на это минутное паденіе духа, я постоянно имѣлъ въ виду дальнѣй-

шее улучшеніе гитары въ отношеніи силы, тона и пѣвучести. Хотя у меня была тогда очень хорошая и сильная гитара, я однако еще разъ обратился къ Штауферу и отправилъ къ нему письмо, которое, подѣйствовавъ на его самолюбіе, могло бы подвинуть его къ придуманію новыхъ улучшеній въ моемъ любимомъ инструментѣ. Я умолялъ его создать такую гитару, которая была бы памятникомъ его славы, какъ перваго мастера въ цѣломъ свѣтѣ. Я предлагалъ ему назначить за свои гитары, какую хочетъ цѣну, которую заплачу я охотно, потому что произведенія высокихъ талантовъ оцѣниваются не одинаково съ произведеніями промышленности. И заказалъ я не одну, а двѣ гитары вдругъ, въ той мысли, что на свѣтѣ не бываетъ двухъ совершенно равныхъ вещей. А могло случиться, что лучшею изъ двухъ гитаръ выйдетъ именно та, которая не была бы сдѣлана при заказѣ одной гитары. Мѣсяцевъ черезъ пять спустя, я получилъ отъ Штауфера двѣ гитары, формата гораздо бо̀льшаго, нежели та, которую прислалъ онъ мнѣ въ 1844 году. И я не даромъ издержалъ деньги: новыя гитары были много громче и пѣвучѣе прежней моей. Штауферъ писалъ мнѣ, между прочимъ, о нѣкоемъ Шульцѣ, какъ о величайшемъ современномъ гитаристѣ, и совѣтовалъ мнѣ нарочно съѣздить послушать его въ Лондонъ, гдѣ онъ имѣлъ свое постоянное пребываніе.

Наконецъ настало исполненіе моей давнишней мечты—ѣхать за границу. Сверхъ лѣченія моей жены, путешествіе это должно было рѣшить и мою музыкальную судьбу. Мнѣ хотѣлось знать мнѣніе о моей игрѣ иностранныхъ артистовъ и любителей музыки. Мнѣніе это должно было имѣть для меня значеніе словъ «быть или не быть», значеніе суда присяжныхъ, противъ котораго у меня не было апелляціи. Въ концѣ 1851 года я получилъ заграничный паспортъ и пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ съ женою, болѣзнь которой дошла до того, что она уже не могла ходить и ее переносили на рукахъ съ мѣста на мѣсто. Наконецъ 6 іюня сѣлъ я на любскій пароходъ «Императоръ Николай», вмѣстѣ съ женою и двухлѣтнею дочерью, которая только-что начала ходить. При насъ была еще горничная и вмѣстѣ няня моей дочери, громадная, дебелая нѣмка изъ Любека, которая ѣла и пила за троихъ и воображала и увѣряла, что умѣетъ говорить на четырехъ языкахъ: понѣмецки, пофранцузски, поанглійски и порусски; тогда какъ оказалось потомъ, что кромѣ своего роднаго языка она знала изъ французскаго только

три слова: «oui, monsieur» и «non, monsieur» и столько же изъ англійскаго и русскаго языковъ. Но описаніе моего путешесгвія войдетъ въ слѣдующую главу.

ГЛАВА XII.

ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.—МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ.—КАМБЕРГЕРЪ, ЗАНИ-ДЕ-ФЕРРАНТИ, ШУЛЬЦЪ, КАРКАССИ И КОСТЪ.

«Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ».
(Извѣстное изреченіе).

Плаваніе наше до Травемюнде было очень дурно, и я всѣ три дня пролежалъ на палубѣ почти безъ всякой пищи. Кто ѣзжалъ по морю, тотъ вѣроятно знаетъ, какъ мучительна морская болѣзнь, которая уничтожаетъ въ самомъ твердомъ человѣкѣ всю энергію воли, и дѣлаетъ изъ него слабаго ребенка, почти идіота. Софи съ дочерью страдали отъ морской болѣзни гораздо менѣе, чѣмъ я. 10 іюля въ 5 часовъ утра приплыли мы въ Травемюнде. Но желая разсказывать о моемъ путешествіи, я нисколько не намѣренъ описывать тѣ мѣстности, которыя объѣхалъ я тогда и которыя уже были описаны много разъ, описаны одними очень хорошо, другими очень плохо. Я буду говорить только о томъ, что относится къ моей музыкальной жизни и къ болѣзни моей жены.

Изъ Травемюнде проѣхали мы того же дня въ Любекъ, а оттуда въ Гамбургъ, гдѣ провели недѣлю и гдѣ Софи стало лучше и она начала ходить. Морской воздухъ, движеніе, новизна впечатлѣній и полное освобожденіе отъ всякихъ дѣловыхъ заботъ и дрязговъ благодѣтельно подѣйствовали на ея здоровье....

Изъ Гамбурга проѣхали мы въ Кельнъ, куда прибыли въ прекрасный, теплый іюньскій вечеръ и остановились на правомъ берегу Рейна въ превосходной «Hôtel de belle rue». Я не помнилъ себя отъ радости при видѣ этой поэтической рѣки и, казалось, помолодѣлъ двадцатью годами. Внизу, подъ самыми окнами нашей комнаты, въ садикѣ отеля играла прекрасная музыка. Не перемѣняя дорожнаго платья, сейчасъ же пошелъ я по мосту, черезъ Рейнъ, въ самый Кельнъ, — гостинница находилась въ предмѣстіи, насупротивъ Кельна. На мосту и вездѣ толпы народа съ довольными, веселыми лицами; надъ головою ясное, безо-

блачное небо, а подъ ногами широкій, быстрый, ревущій Рейнъ. Какъ сладостны были тогда мои ощущенія и сколько горя и треволненій заставили они меня позабыть въ одну минуту... Рейнъ съ его живописными берегами, и питейныя конторы съ ихъ полугарами и недогарами!... Широкое приволье и раздолье беззаботной жизни туриста, и ржавые кандалы произвола и каприсовъ питейныхъ тирановъ!... Какой контрастъ, освѣжающій и умъ и душу! На другое утро я выкупался въ быстрыхъ струяхъ Рейна, который былъ для меня, какъ бы купелью возрожденія отъ грѣхопаденія питейной жизни.

Изъ Кельна поѣхали мы на пароходѣ вверхъ по Рейну до Майнца. Кто изъ плававшихъ впервые по этой великолѣпной рѣкѣ не испыталъ на себѣ обаянія очаровательныхъ ландшафтовъ ея береговъ, начиная отъ Майнца до Бонн, или на оборотъ. Что касается до меня и до Софи, мы оба превратились въ восторгъ и не сходили съ палубы, на которой и обѣдали подъ полотнянымъ навѣсомъ и при звукахъ бродящаго оркестра музыки. Изъ Майнца проѣхали мы во Франкфуртъ на Майнѣ, а оттуда въ Гейдельбергъ на консультацію къ знаменитому Геліусу, который присовѣтовалъ женѣ брать ванны, сперва въ Крейцнахѣ, а потомъ въ Швальбахѣ. Разумѣется, мы вполнѣ послѣдовали этому совѣту и черезъ два дня послѣ того были уже въ Крейцнахѣ, гдѣ остановились въ «Hôtel Ebernburg», и всѣ трое, т. е. жена, я, и маленькая Лиза, наша дочь, начали брать ванны.... Не буду много распространяться о пребываніи нашемъ на этихъ довольно скучныхъ водахъ, несмотря на то, что нѣмцы изъ кожи лѣзли, чтобы забавлять пріѣзжую публику. И музыкальные фестивалы въ кургаузѣ, съ танцами подъ-конецъ; и грошевые концерты неизвѣстныхъ виртуозовъ; и вечернія прогулки на лодкахъ по рѣчкѣ Нагѣ, съ нѣмецкимъ пѣніемъ и съ чахоточною иллюминаціею небольшаго сада на берегу рѣки. Въ этотъ счетъ не входили серенады, отъ которыхъ не избавлялся ни одинъ пріѣзжій на воды иностранецъ, съ мало-мальски порядочнымъ чиномъ или титуломъ; въ особенности же изъ русскихъ рѣдкій и то развѣ самый плохенькій на видъ, избѣгалъ серенады и титула князя, графа или барона, смотря по тому, какъ вздумаетъ рѣшить этотъ вопросъ хозяинъ гостинницы, дѣлавшійся временнымъ герольдмейстеромъ останавливающихся у него иностранцевъ съ туго-набитыми карманами.

Въ концѣ іюля окончился курсъ нашего лѣченія водами въ Крейцнахѣ и въ началѣ августа мы переѣхали въ Швальбахъ, гдѣ я и устроилъ жену съ дочерью. А такъ какъ эти воды для меня были не нужны, то я и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы совершить чисто-музыкальное путешествіе и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить лондонскую всемірную выставку. Я началъ съ Майнца, гдѣ жилъ нѣкто Камбергеръ, который слылъ великимъ гитаристомъ на берегахъ Рейна. Сейчасъ же по пріѣздѣ въ Майнцъ, я взялъ лонъ-лакея и отправился съ нимъ къ Камбергеру. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, смуглый, съ открытымъ, добрымъ лицомъ и одѣтый весьма небрежно. Онъ принялъ меня очень радушно. Я рекомендовался ему, какъ страстный любитель гитары, но не болѣе того, и прибавилъ, что мнѣ хотѣлось бы взять нѣсколько уроковъ на этомъ инструментѣ, который изучалъ я до сихъ поръ безъ всякаго учителя. Камбергеръ взялъ въ руки свою гитару, о шести струнахъ, самую посредственную, которая и вполовину не имѣла той силы тона и пѣвучести, какъ моя осьмиструнная. Съигралъ онъ мнѣ нѣсколько пьесъ своихъ и Джуліяни. Игралъ онъ очень сильно, бѣгло, съ одушевленіемъ, но совершенно по методѣ нѣмецкихъ гитаристовъ, т. е. въ игрѣ его не было нѣжности, строгой отчетливости, круглоты; а сверхъ того часто былъ слышенъ непріятный дребезгъ, т. е. рычаніе басовъ. Однимъ словомъ—въ игрѣ его не было вкуса; о стилѣ же игры нечего было и думать.

Поблагодаривъ Камбергера за удовольствіе, доставленное мнѣ его игрою, я просилъ его къ себѣ для того, чтобы онъ послушалъ мою игру и рѣшилъ, стоитъ ли мнѣ продолжать заниматься этимъ труднымъ инструментомъ. Онъ съ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе и черезъ часъ явился ко мнѣ въ «Hôtel d'Angleterre.» Я подалъ ему мою «симфоническую фантазію», сказавъ:

— Изъ этого вы можете судить и рѣшить о методѣ и силѣ моей игры.

Потомъ взявши гитару, я съигралъ отъ начала до конца это большое сочиненіе, раздѣленное на три части, и съигралъ очень удачно, хотя я далеко не освободился тогда отъ моей робости, которая такъ вредна для начинающихъ, парализуя ихъ природный талантъ и пріобрѣтенныя ученіемъ средства. Съ тетрадью нотъ въ рукахъ, Камбергеръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за моею игрою, восклицая по временамъ: «schön, sehr

schön.» Когда я окончилъ, онъ былъ нѣкоторое время въ какомъ-то остолбѣненіи, казался уничтоженнымъ, и потомъ сказалъ мнѣ съ большимъ одушевленіемъ , крѣпко пожимая мою руку:

— И вы хотите брать уроки! Да кто же осмѣлится давать ихъ вамъ? Не вамъ, а у васъ слѣдуетъ брать уроки гитарной игры.

И точно: онъ взялъ у меня урокъ, разспрашивая о моихъ треляхъ, которыя дѣлалъ я на двухъ струнахъ и четырьмя пальцами, съ необыкновенною быстротой, ровностью и силою, въ тоже самое время акомпанируя имъ на басахъ; и потомъ о хроматической гаммѣ, для которой употреблялъ я не два, а три пальца правой руки, что̀ придавало этой гаммѣ быстроту и отчетливость—неслыханныя до того ни у одного изъ знаменитыхъ гитаристовъ. Разумѣется, слова Камбергера очень польстили моему самолюбію, но далеко не были достаточны для того, чтобы вполнѣ успокоить меня насчетъ моего музыкальнаго таланта, въ которомъ я постоянно сомнѣвался, встрѣчая, вмѣсто поощренія, одно равнодушіе и потомъ недоброжелательство между моими любезными соотечественниками, на симпатію которыхъ взяли исключительную привиллегію всѣ заморскіе артисты, и даже фокусники и штукари, которымъ не везло на ихъ родинѣ и которые отправлялись морочить публику полуночныхъ странъ, и морочили ее съ полныхъ успѣхомъ, т. е. собирали обильную дань рукоплесканій и кредитныхъ билетовъ.

Изъ Майнца отправился я на лондонскую выставку, вмѣстѣ съ моимъ шуриномъ, Бо—евскимъ, младшимъ изъ четырехъ братьевъ Софи, который отплылъ за границу на одномъ со мною пароходѣ. По дорогѣ заѣхали мы въ Брюссель, который намъ чрезвычайно понравился, и гдѣ я отыскалъ знаменитаго Zani de Ferranti, придворнаго гитариста бельгійскаго короля. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень умный, образованный, свѣтскій, любезный и съ изящными манерами. Онъ когда-то, въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, былъ въ Петербургѣ и посвятилъ тогда ѳдно изъ своихъ сочиненій для гитары императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ принялъ меня наилюбезнѣйшимъ образомъ. Гитара у него была тоже шестиструнная, парижской и самой простой работы. Онъ объявилъ мнѣ, что почти бросилъ этотъ инструментъ и занимается теперь болѣе литературою, нежели музыкою. Однако же онъ съигралъ мнѣ одну какую-то тему и потомъ «Rosa-Valzer» Штрауса, и съи-

гралъ ихъ превосходно. Въ игрѣ его была бездна вкуса, нѣжности, пѣвучести и выраженія, которыхъ я до тѣхъ поръ не встрѣчалъ ни у одного изъ шестиструнныхъ гитаристовъ. Но онъ принадлежалъ къ партіи отсталыхъ въ гитарномъ мірѣ, потому что рѣшительно отвергалъ явную пользу прибавленія къ гитарѣ двухъ струнъ и отстаивалъ гитарное statu-quo, т. е. сохраненіе прежнихъ шести струнъ. Между прочимъ, онъ показалъ мнѣ съ гордостію на одинъ драгоцѣнный документъ. Это была четвертушка простой бумаги, оправленная въ рамки и висящая на стѣнѣ. Но на этой четвертушкѣ было написано по итальянки и собственноручно слѣдующее: «Свидѣтельствую симъ, что г. Зани-де-Ферранти—одинъ изъ величайшихъ гитаристовъ, которыхъ когда либо я слышалъ, и который доставилъ мнѣ невыразимое наслажденіе своею чудною, восхитительною игрою». И за тѣмъ подписано: «Nicolo Paganini». Есть чѣмъ гордиться и есть чему позавидовать! . На другой день Зани-де-Ферранти отдалъ мнѣ визитъ. Разумѣется, онъ желалъ меня слышать; я съигралъ ему тоже, что и Камбергеру, и вотъ что услышалъ отъ него по окончаніи моей игры:

— Я думалъ, что вы простой любитель; но вы великій виртуозъ и для васъ нѣтъ учителя. Напрасно вы хотите отыскивать въ Лондонѣ Шульца и Чибру: они ничему васъ не научатъ, а только испортятъ вашу оригинальную игру. Вы создали свою, особенную методу игры, и продолжайте идти тѣмъ же путемъ. Если позволите мнѣ говорить съ вами откровенно, то я сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе о вашей игрѣ: относительно лѣвой руки я пожалуй не соглашусь съ вами насчетъ нѣкоторыхъ позицій, которыя у меня совершенно различествуютъ съ вашими: я почти никогда не беру открытыхъ нотъ. Но что касается до вашей правой руки, то это верхъ совершенства. Никогда и ни у кого не видалъ я подобной правой руки.

Надо сказать, что съ самаго начала серьезнаго изученія мною гитары я понялъ, что главное зависитъ отъ правой руки; тѣмъ болѣе, что лѣвая у меня была уже подготовлена прежнею моею игрою на скрипкѣ. Я сейчасъ же понялъ, что сила, бѣглость, отчетливость и особенно нѣжность, мягкость и такъ называемый стиль игры зависятъ наиболѣе отъ правой руки, и потому съ особенною заботливостію и настойчивостію занялся я воспитаніемъ этой руки, изобрѣтая для того разныя механическія формулы и постоянно употребляя метрономъ,—этотъ наи-

лучшій учитель, съ помощію котораго можно побѣдить наивеличайшія механическія трудности и пріобрѣсть и бѣглость, и отчетливость, не сбивая, не утомляя рукъ. Я даже изобрѣлъ маленькую карманную гитарку, т. е. дощечку, на которой навязаны были три терціи, для развитія силы въ пальцахъ правой руки и особенно въ безъимянномъ пальцѣ, который всегда слабѣе прочихъ. Только съ помощію этой гитарки и метронома могъ я пріобрѣсть трель, какой не было и нѣтъ ни у одного гитариста, и еще то громовое «crescendo» и замирающее «morendo», которымъ многіе отдали наконецъ должную справедливость.

Сужденіе Зани-де-Ферранти о моей игрѣ имѣло уже большое значеніе въ моихъ глазахъ, потому что оно имѣло несравненно болѣе авторитета, чѣмъ сужденіе Камбергера. Я оживалъ, слушая его, и сомнѣніе, которое уже давно и постоянно обитало въ моемъ умѣ, начало понемногу давать мѣсто возрождавшейся надеждѣ. Проведя три дня въ Брюсселѣ, мы поѣхали въ Лондонъ черезъ Остенде. Переѣздъ на пароходѣ, который былъ биткомъ набитъ пассажирами, совершался ночью и въ самую бурную погоду. Едва успѣли отвалить отъ берега, какъ сейчасъ же всѣхъ укачало. Я всю ночь за-мертво пролежалъ на палубѣ, несмотря на дождь и сильнѣйшій вѣтеръ, закутавшись въ широкій плащъ. Чувствовалъ иногда, что на меня падали другіе пассажиры, которымъ удавалось выкарабкаться наверхъ изъ душной каюты. Рано утромъ вошли мы въ Темзу; дождь и вѣтеръ прекратились, а вмѣстѣ съ ними и морская болѣзнь. Я всталъ на ноги; но и я, и всѣ пассажиры были въ страшномъ безпорядкѣ,—даже дамы, въ которыхъ морская болѣзнь убиваетъ,—на время, разумѣется, — всякое кокетство, малѣйшую мысль о томъ, могутъ или не могутъ онѣ нравиться.

Итакъ, я въ Лондонѣ, куда стремился съ величайшимъ нетерпѣніемъ не столько для того, чтобы посмотрѣть на выставку, сколько для того, чтобы познакомиться съ Шульцемъ, о которомъ писалъ мнѣ Штауферъ. Мы остановились въ самой лучшей части города, близь «Тафальгарской площади», въ улицѣ «Spring gardens», въ домѣ примыкавшемъ къ «зеленому парку». Изъ таможни, гдѣ продержали насъ часа два, какой-то факторъ привезъ насъ въ этотъ домъ, одинъ изъ нанятыхъ и устроенныхъ обществомъ «La prévoyance» для пріѣзжавшихъ на лондонскую выставку. Намъ дали печатную программу; въ ней распре-

дѣлена была цѣлая недѣля пребыванія въ Лондонѣ такъ, что въ каждомъ изъ семи дней назначалось то, что слѣдовало обозрѣвать и утромъ до обѣда, и вечеромъ послѣ обѣда. Это было чрезвычайно удобно и избавляло насъ отъ всякихъ заботъ и хлопотъ, потому что насъ всюду водилъ и возилъ нашъ хозяинъ, Sir Henri Bennet, очень умный, образованный и любезный англичанинъ, который превосходно говорилъ по-французски и самъ бывалъ не одинъ разъ въ Парижѣ. Онъ очень толково и умно знакомилъ насъ съ обычаями и нравами своихъ соотечественниковъ и объяснялъ намъ многое, что̀ безъ его помощи, осталось бы для насъ непонятнымъ или даже незамѣченнымъ.

Измученные ужасною ночью, мы въ день пріѣзда въ Лондонъ никуда не выходили изъ квартиры и отдыхали. На другой день утромъ, сейчасъ послѣ завтрака, первый мой выходъ былъ въ одинъ изъ музыкальныхъ магазиновъ, чтобы узнать адресъ Шульца. Но ни въ одномъ не могли мнѣ дать этого адреса, а отправили меня за нимъ къ брату Шульца, піанисту герцога Девонширскаго, который жилъ не далеко отъ Трафальгарской площади и котораго засталъ я дома.

— Позвольте узнать у васъ адресъ вашего брата, сказалъ я, входя въ комнату къ Шульцу піанисту.

— Леопарда? Я три года его не видалъ.

— Я русскій, страстный любитель гитары, и пріѣхалъ въ Лондонъ нарочно для вашего брата.

— А, понимаю! Но, къ большому моему сожалѣнію, я не могу сообщить вамъ его адреса. Братъ мой—величайшій талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и первѣйшій кутила и мотъ Лондона, не слушаетъ моихъ совѣтовъ и потому мы три года какъ ни видимъ другъ друга. Обратитесь къ его портному, Келлеру, который живетъ въ двухъ шагахъ отъ меня и вѣроятно знаетъ адресъ моего брата.

Въ ту же минуту зашелъ я къ Келлеру, забывъ и выставку, и всѣ прочіе чудеса Лондона, для обозрѣнія которыхъ ожидали меня мой шуринъ, хозяинъ дома—нашъ чичероне и одинъ швейцарецъ, пріѣхавшій вмѣстѣ и остановившійся въ одномъ домѣ съ нами. Это былъ профессоръ изъ бернскаго университета, добрый малый, умный, добродушный, постоянно веселый и смѣющійся.

*

— Знаете вы Леонарда Шульца, спросилъ я у Келлера, угрюмаго, непривѣтливаго нѣмца, который однако же, хотя и плохо, но говорилъ по-французски.

— Знаю.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ Лондонѣ.

— Адресъ его квартиры?

— На что вамъ?

— Я русскій, страстно люблю гитару, и пріѣхалъ изъ Москвы въ Лондонъ нарочно для того, чтобы познакомиться съ г-мъ Шульцемъ и слышать его игру.

Угрюмый нѣмецъ посмотрѣлъ на меня подозрительно и сказалъ:

— Онъ живетъ очень далеко отсюда.

— Ничего не значитъ: я готовъ ѣхать всюду, какъ бы это далеко ни было, чтобы только узнать и услышать г-на Шульца.

— Но его трудно застать дома.

— Напишите къ нему, что я буду ждать его къ себѣ; вотъ мой адресъ.

Нѣмецъ задумался; и потомъ еще разъ осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, сказалъ сквозь зубы:

— Хорошо, я напишу къ нему, но не обѣщаю вамъ успѣха въ желаніи видѣть г-на Шульца: это такъ трудно. Впрочемъ заходите ко мнѣ за отвѣтомъ завтра объ эту пору.

Я вышелъ отъ Келлера, пораженный этою таинственностію, за которою скрывался Шульцъ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ былъ въ долгу, какъ въ шелку, прятался отъ своихъ кредиторовъ и, разумѣется, отъ тюрьмы за долги; и потому съ величайшими предосторожностями, и только послѣ многихъ предварительныхъ распросовъ и развѣдываній, соглашался онъ на свиданіе съ поклонниками своего таланта. Сейчасъ же по возвращеніи моемъ съ розыска о Шульцѣ, мы отправились на выставку. Четыре часа употребили мы на это первое посѣщеніе, и только успѣли обѣжать всѣ отдѣленія и галлереи этого необъятнаго дворца чудесъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Хотя бы могъ я много интереснаго поразсказать о томъ, что я видѣлъ и слышалъ въ продолженіе семи дней моего пребыванія въ Лондонѣ, руководствуясь моимъ дневникомъ, но это много возьметъ времени и мѣста, и потому я ограничусь одною музыкальною частію моего разсказа.

Всякій день заходилъ я къ Келлеру, и все напрасно: отвѣта отъ Шульца не было. Наконецъ черезъ пять дней послѣ пріѣзда моего въ Лондонъ, получилъ я утромъ слѣдующую лаконическую записку: «сегодня въ 8 часовъ вечера г. Шульцъ явится къ г. Макарову». Натурально я отказался ѣхать послѣ обѣда съ моими спутниками осматривать зоологическій садъ и потомъ въ воксалъ, какъ это значилось въ программѣ, и остался дома. Да и отъ чего бы я не отказался тогда, чтобы только увидѣть и услышать Шульца? Едва ли пылкій и страстный юноша ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ свою возлюбленную, во время перваго назначеннаго ему свиданія, нежели какъ я ожидалъ прихода ко мнѣ великаго гитариста, свиданіе съ которымъ составляло предметъ моихъ задушевныхъ думъ, желаній и стремленій, въ продолженіе полутора года.

Ровно въ 8 часовъ раздался колокольчикъ и черезъ минуту вошелъ ко мнѣ Шульцъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати шести, высокаго и стройнаго роста, очень пріятной наружности, съ прекрасными манерами, одѣтый безукоризненно, похожій болѣе на англичанина, чѣмъ на нѣмца; — онъ былъ родомъ изъ Вѣны, но уже двадцать лѣтъ, какъ безвыѣздно жилъ въ Лондонѣ. Я не помнилъ себя отъ радости; сердце билось во мнѣ такъ же сильно, какъ и тогда, когда я дѣлалъ мои признанія въ любви. Я не зналъ, съ чего и какъ начать съ нимъ мой разговоръ. По счастію оказалось, что Шульцъ довольно хорошо объяснялся по-французски, и онъ самъ заговорилъ со мною и сталъ извиняться въ томъ, что такъ долго заставилъ ждать себя. Мы усѣлись. Я вкратцѣ разсказалъ ему исторію моей страсти къ гитарѣ и тѣхъ надеждъ и сомнѣній въ музыкальномъ успѣхѣ, которыя давно уже боролись во мнѣ, попеременно одерживая верхъ однѣ надъ другими. Шульцъ слушалъ меня съ большимъ участіемъ. Потомъ я подалъ ему мою гитару, которую нашелъ онъ превосходною и много лучшею, нежели его гитара, шестиструнная и сдѣланная въ Лондонѣ. Безъ малѣйшихъ отговорокъ и жеманства онъ началъ играть, хотя и затрудняли его двѣ лишнія струны, къ которымъ онъ не привыкъ. Много пьесъ, все своего сочиненія, проигралъ онъ мнѣ и привелъ меня въ неописанный восторгъ, въ какое-то опьяненіе. Въ его игрѣ было все: и необычайная бѣглость, и отчетливость, и сила, и нѣжность, и одушевленіе, и вкусъ, и блескъ, и выраженіе, и новые, поразительные эффекты, и широкій стиль. А сверхъ этого вид-

на была у него необыкновенная увѣренность въ самомъ себѣ, такъ что, казалось, онъ игралъ шутя, нисколько не замѣчая страшныхъ трудностей, какими изобиловали играемыя имъ пьесы. Между этими пьесами меня особенно очаровали своею прелестію: «Gabriellen-Valse» «Valse Autrichienne» и «Rondo Savoyard».

Я спросилъ Шульца, могу ли я гдѣ достать эти три его сочиненія. Онъ отвѣчалъ, что они еще не изданы, но что онъ завтра же принесетъ ихъ мнѣ въ манускриптахъ. Я просилъ его принесть еще и своихъ печатныхъ сочиненій, какъ можно болѣе. Наконецъ дошла очередь и до меня. Шульцъ передалъ мнѣ гитару и просилъ познакомить его съ моею игрою. Съ сильнымъ волненіемъ положилъ я гитару на свою лѣвую ногу, прижалъ ее къ своей груди и мысленно сказалъ ей: «не измѣни мнѣ, не выдай меня, родная!» Взявъ нѣсколько аккордовъ, я началъ «3 концертъ Джуліани» и съигралъ его отъ доски до доски, съ отчетливостію и съ выдержанностію, какихъ я не ожидалъ отъ себя. На лицѣ Шульца изобразилось сперва удивленіе, а потомъ удовольствіе, которое выразилъ онъ мнѣ самымъ непритворнымъ образомъ. Послѣ концерта съигралъ я увертюру изъ «Вильгельма Телля,» которую довольно удачно аранжировалъ для гитары извѣстный когда-то гитаристъ Леньяни. Исполненіе этой пьесы тоже заслужило полное одобреніе Шульца. Потомъ игралъ я свою «мазурку», «большую 4 фантазію,» нѣсколько русскихъ пѣсенъ изъ моихъ «попури» и наконецъ 2-ю, т. е. «симфоническую фантазію». Когда я окончилъ эту послѣднюю пьесу, исполненную мною такъ, какъ я рѣдко исполнялъ ее, Шульцъ всталъ, обнялъ, разцаловалъ меня и сказалъ:

— Я играю на гитарѣ тридцать лѣтъ, т. е. съ шести-лѣтняго возраста, когда началъ учить меня мой отецъ, замѣчательный въ свое время гитаристъ. Но откровенно признаюсь вамъ, что я не въ состояніи съиграть эту пьесу. И ни одинъ изъ всѣхъ существующихъ теперь извѣстныхъ гитаристовъ не въ силахъ разъиграть ее въ концертѣ. Въ Парижѣ или въ Вѣнѣ васъ сейчасъ же провозгласили бы первымъ въ мірѣ гитаристомъ.

О, какъ отрадно, чудно звучали въ моихъ ушахъ и отзывались въ моей душѣ эти слова, произнесенныя тономъ самаго глубокаго убѣжденія! И я невольно повторилъ въ своемъ умѣ извѣстное изреченіе: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ».

До часу за-полночь просидѣлъ у меня Шульцъ, и я не замѣтилъ, какъ прошли эти пять часовъ. На другой день онъ снова явился ко мнѣ въ 8 часовъ вечера и принесъ цѣлую кипу своихъ печатныхъ сочиненій и еще три манускрипта, о которыхъ просилъ я его наканунѣ. Я выбралъ пьесъ пятнадцать, которыя онъ предварительно съигралъ мнѣ, и заплатилъ за нихъ по продажной цѣнѣ, кромѣ манускриптовъ, за которые далъ я вдесятеро дороже, нежели за печатныя пьесы. Но пора проститься и съ Шульцемъ и съ Лондономъ. Однако же я прежде долженъ разсказать курьезный случай, по поводу покупки сочиненій Шульца. Въ первый свой визитъ онъ съигралъ мнѣ одну восхитительную польку, и я спросилъ его:

— Издана ли она?

— Да, отвѣчалъ Шульцъ: — но только она не такъ хороша въ печати, прибавилъ онъ, немного заминаясь.

— Какъ это?

— Да такъ: когда я издаю свои сочиненія, то нѣкоторыя изъ нихъ *передѣлываю для*..... того, чтобы онѣ не были очень трудны.

— Но не вздумайте также передѣлать и тѣ манускрипты, о которыхъ я просилъ васъ.

— О, нѣтъ! Я напишу ихъ такъ, какъ играю самъ.

И что же? Когда потомъ, пріѣхавъ въ Парижъ, я принялся разбирать эти манускрипты, то нашелъ, что они вовсе негодны для игры: до того дурно были они аранжированы для гитары, или вѣрнѣе—нарочно испорчены: и басы, и позиціи, и ходъ мелодіи, и цѣлые пассажи были такъ неловки, неудобоисполнимы, что я пробовалъ, пробовалъ и наконецъ вовсе бросилъ эти пьесы, хотя онѣ далеко не были такъ трудны, какъ мои собственныя, — и тогда какъ я переигралъ на гитарѣ несмѣтное число сочиненій всевозможныхъ стилей и композиторовъ. Печатныя пьесы Шульца тоже были интересны только тогда, когда исполнялись имъ самимъ; а иначе не возбуждали ни малѣйшаго желанія разучивать ихъ. По возвращеніи моемъ въ Россію, я однако же разучилъ три изъ его печатныхъ сочиненій. Однимъ словомъ—какъ исполнитель, Шульцъ оказался великимъ виртуозомъ; но какъ композиторъ—ничтожнымъ. Какая необъятная разница въ этомъ отношеніи была между имъ и Мерцемъ, манускрипты котораго, находящіеся въ моемъ исключительномъ владѣніи, составляютъ драгоцѣнные перлы гитарнаго репертуара.

Наслушавшись вдоволь Шульца, я уже не сталъ отыскивать въ Лондонѣ Ригонди и Чибру, двухъ первоклассныхъ гитаристовъ, о которыхъ говорили мнѣ въ Германіи. Послѣдній пріѣзжалъ потомъ на мой конкурсъ въ Брюссель. Пробывши въ Лондонѣ ровно недѣлю, мы возвратились на твердую землю тоже черезъ Остенде. Но хотя погода была прекрасная, ясная и тихая, насъ все-таки укачало, потому что на океанѣ всегда бываетъ какая-то зыбь. Шуринъ мой поѣхалъ изъ Остенде въ Парижъ, а я—въ Швальбахъ, гдѣ ожидали меня ласки дорогихъ моему сердцу жены и дочери. Курсъ лѣченія ихъ водами окончился, и мы 1 сентября простились съ Швальбахомъ, который былъ еще много скучнѣе Крейцнаха. Мы отправились въ Парижъ черезъ Страсбургъ, гдѣ я слазилъ на знаменитую колокольню. 5-го въ полдень прибыли мы наконецъ въ Парижъ. Мы остановились сперва на «Итальянскомъ бульварѣ, въ Hôtel de Bade»; но черезъ нѣсколько дней я нанялъ отличную меблированную квартиру въ улицѣ «Chaussée d'Antin», куда мы и переѣхали.

Четыре съ половиною мѣсяца прожилъ я въ Парижѣ, гдѣ былъ свидѣтелемъ переворота 2 декабря и многихъ другихъ весьма любопытныхъ событій. Но ничего не описываю для того, чтобы поскорѣе окончить мое путешествіе, а потомъ добраться и до конца моей исповѣди, которая уже сильно утомила меня самого. Здоровье Софи мало поправилось. Она и въ Парижѣ постоянно лѣчилась, пила «вишскія воды» и брала ванны. Грустныя и бурныя семейныя сцены передъ свадьбою, и потомъ зловѣщія событія и потрясенія въ В....ѣ навсегда разстроили, сокрушили эту нѣжную, хрупкую организацію. Поэтому очень немного было у меня совершенно ясныхъ, безоблачныхъ дней во время четырнадцатимѣсячнаго путешествія моего за границею.

Въ Парижѣ познакомился я съ двумя гитаристами. Это были: Каркасси, извѣстный и у насъ въ Россіи, — любителямъ гитары разумѣется,—своими легонькими и жиденькими сочиненіями. и Наполеонъ Костъ, ученикъ знаменитаго Сора и издатель его сочиненій. Съ послѣднимъ я сошелся очень близко. Это былъ умный и любезный французъ, скромный и самый страстный и безкорыстный обожатель гитары. Онъ часто бывалъ у меня, и мы играли съ нимъ въ двѣ гитары разныя сочиненія Сора. Въ игрѣ его было много отчетливости, чистоты, нѣжности и вкуса; но

она была холодна и неспособна увлечь и расшевелить васъ, какъ игра Шульца или даже Зани-де-Ферранти.

Въ половинѣ января 1852 года оставили мы Парижъ и поѣхали въ Италію черезъ Ліонъ и Марсель. Сперва посѣтили мы Ниццу, Геную; потомъ — оттуда поѣхали въ Ливорно, во Флоренцію, въ Римъ; изъ Рима проѣхали мы въ Неаполь, куда прибыли 15 февраля и остановились въ «Hôtel de commerce», напротивъ театра Фіорентино и въ двухъ шагахъ отъ «Толедо», главной улицы въ Неаполѣ.

Софи и здѣсь продолжала лѣчиться и брала ванны морской воды. Часто дѣлали мы прогулки по окрестностямъ Неаполя и обозрѣли все, что̀ было любопытнаго, въ томъ числѣ Геркуланумъ и Помпею. Жизнь въ Неаполѣ чрезвычайно дешева. Но что непріятно поражало меня и здѣсь и почти во всей Италіи, поражало, какъ страстнаго поклонника музыки, это—отсутствіе хорошей, серьезной музыки. Кромѣ оперы, съ третьестепенными пѣвцами и пѣвицами и съ безконечными балаганными балетами,— нигдѣ ни квартетовъ, ни дуэтовъ, ни малѣйшаго проявленія меломанизма, какъ напримѣръ въ Германіи, гдѣ въ большихъ городахъ вы на всякомъ шагу — въ ресторанахъ, въ кафе, на гуляньяхъ, на улицахъ, вездѣ и всегда можете слушать музыку, иногда очень и очень порядочно исполняемую. Вздумалъ-было я разузнать, нѣтъ ли въ Неаполѣ хорошаго гитариста, и для этого обратился въ музыкальные магазины. «Имѣется, отвѣчали мнѣ, — отличный гитаристъ, *первый сортъ*, нѣкто Іорданъ». Черезъ два дня послѣ того является ко мнѣ самая непрезентабельная фигура, у которой шея была обмотана полинявшимъ шарфомъ. Это былъ Іорданъ, неаполитанскій гитаристъ «перваго сорта». И вотъ подалъ я ему мою гитару. Съ необыкновенною увѣренностію и самодовольною улыбкою усѣлся онъ, ударилъ по струнамъ и пошелъ «валять» какую-то польку, потомъ еще что-то, и еще и еще, не дожидая, чтобы его просили.... О, Боже! что̀ это была за музыка, и особенно — что̀ за исполненіе! Самый первый сортъ «снизу!» Дребезгъ на всѣхъ струнахъ и ладахъ; чистоты, отчетливости и вкуса не было и въ поминѣ; при этомъ страшныя гримасы и какое-то захлебыванье ртомъ, которое, вѣроятно, исправляло должность выраженія въ его игрѣ. Угостилъ меня, варваръ!... Съ тѣхъ поръ я сдѣлался гораздо осторожнѣе при отъискиваніи гитаристовъ «перваго сорта».

Но пора проститься и съ Неаполемъ, какъ ни интересенъ этотъ городъ.... Марта 23-го выѣхали мы изъ Неаполя на французскомъ почтовомъ пароходѣ и послѣ трехдневнаго и самаго покойнаго плаванія прибыли въ Геную. Того же дня отправились оттуда въ Миланъ, потомъ въ Венецію, гдѣ встрѣтили мы Пасху въ греческой церквѣ, въ которой гнусливое церковное пѣніе не восхитило насъ. Изъ города дожей, направились мы черезъ Тріэсто въ Лейбахъ, осмотрѣвъ, по дорогѣ, обширнѣйшіе въ мірѣ сталактитовые гроты съ подземною рѣкою близь Аденсберга. Накопецъ 4 апрѣля пріѣхали мы въ Вѣну, гдѣ остановились въ гостинницѣ «Wildemann» и куда влекло меня какое-то особенное, необъяснимое чувство. И это чувство меня не обмануло, потому что я нашелъ въ Вѣнѣ то, чего нигдѣ не находилъ, — въ музыкальномъ отношеніи, разумѣется. Во-первыхъ, я нашелъ удивительнаго мастера, который одинъ, самъ собою, усовершенствовалъ, пересоздалъ гитару. Инструменты его работы, начиная съ 1852 года, обладаютъ такою необыкновенною силою и вмѣстѣ нѣжностію и пѣвучестію, что гитары всѣхъ прочихъ мастеровъ кажутся лукошками, въ сравненіи съ гитарами Шерцера. Во-вторыхъ, я нашелъ величайшаго композитора современной гитарной музыки. Встрѣча и знакомство мое съ нимъ имѣли огромное и самое благодѣтельное вліяніе на мою музыкальную судьбу. Его превосходныя сочиненія принесли гораздо болѣе пользы моему таланту, чѣмъ превосходная игра всѣхъ прочихъ извѣстныхъ и слышанныхъ мною гитаристовъ. Эти задушевныя и вмѣстѣ блистательныя сочиненія произвели полный переворотъ въ моей игрѣ: сдѣлали ее несравненно нѣжнѣе, выразительнѣе, законченнѣе; однимъ словомъ — сформировали у меня окончательно стиль, котораго нѣтъ и признаковъ въ игрѣ большей части,—если только не у всѣхъ,—гитаристовъ по ремеслу и аматеровъ. Пожалуй, если хотите, я согласенъ въ томъ, что въ игрѣ многихъ изъ нихъ есть и бѣглость, и чистота, и пріятность, и отчетливость, и нѣжность; да только это игра не рельефная, а плоская, вялая, блѣдная, которая пріятно щекочетъ уши, но не западетъ глубоко въ душу, не расшевелитъ, не вскипятитъ ее.... Это игра безъ оттѣнковъ, безъ этого высшаго искусства, или, вѣрнѣе, музыкальнаго инстинкта, посредствомъ котораго понимается и истолковывается не одна буква, но и душа исполняемаго сочиненія, разумѣется, если сочиненіе это принадлежитъ талантливому ком-

позитору; потому что въ нынѣшнюю промышленную и довольно повыдохшуюся для музыки эпоху появляется для всѣхъ инструментовъ бездна композицій, съ чрезвычайно-замысловатыми и трескучими заглавіями, но изъ которыхъ не только самыми могучими пальцами, да и гидравлическимъ прессомъ не выжмешь души и смысла. При «сей вѣрной оказіи» я хочу высказать нѣкоторыя задушевныя мои убѣжденія и вызвать нѣкоторыя воспоминанія изъ давно-прошедшаго.

Изъ огромной массы гитаристовъ и любителей этого скромнаго инструмента, которыхъ удалось мнѣ слышать во время длиннаго періода моей гитароманіи, вотъ тѣ немногіе, которые произвели на меня сильное впечатлѣніе: Зани-да-Ферранти, Шульцъ, испанецъ Чибра и еще..... Но это еще принадлежитъ къ древней исторіи моей музыкальной жизни, и я разскажу его подробнѣе, потому-что оно имѣло самое рѣшительное вліяніе на возраставшее пристрастіе мое къ гитарѣ.

Это было въ октябрѣ 1837 года. Разставшись, вскорѣ послѣ свадьбы, съ моего первою женою, я пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ для того, чтобы перемѣнить свой военный костюмъ и изъ пѣхотнаго гвардейскаго переодѣться въ армейскій кавалерійскій мундиръ. Я стоялъ на Тверской, въ гостинницѣ Яковлева. Въ первый же день моего пріѣзда въ Москву, вечеромъ я досталъ свою гитару, довольно плохонькую, началъ играть и, между-прочимъ, съигралъ первую часть «третьяго концерта Джуліяни,» который я игралъ уже въ то время довольно сносно, хотя я и называю теперь всю тогдашнюю мою игру — «царапаньемъ». Когда я пересталъ играть, то услышалъ въ сосѣднемъ нумерѣ говорящихъ вполголоса. Сколько я могъ разслышать, дѣло шло о гитарѣ и, кажется, о моей игрѣ. Вскорѣ послѣ этого раздались и звуки гитары; кто-то за стѣною началъ играть, и игралъ превосходно, какъ я никогда еще не слыхалъ до тѣхъ поръ. Я весь превратился въ слухъ и меня начала бить лихорадка удивленія и восторга. Никогда не забуду я того глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія, которое произвела тогда на меня игра на гитарѣ въ сосѣднемъ нумерѣ. Въ этой игрѣ были и сила, и необычайная бѣглость, и безукоризненная отчетливость, и нѣжность, и выраженіе, и глубокое чувство.. Что̀ за «crescendo» и что̀ за «morendo»! Однимъ словомъ, тутъ было все, къ чему я потомъ стремился и что̀ пріобрѣлъ только много лѣтъ спустя, послѣ самыхъ настойчивыхъ упражненій и усилій, и то не пре-

жде, какъ познакомившись съ Мерцомъ и по пріобрѣтеніи мною его драгоцѣнныхъ манускриптовъ.

Едва кончилась игра за стѣною, какъ я послалъ моего человѣка узнать, кто былъ мой сосѣдъ. Оказалось, что это былъ тульскій помѣщикъ Павелъ Александровичъ Ла—женскій. Я сейчасъ же отправился къ нему и отрекомендовался. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ со мною и охотно сообщилъ мнѣ нѣсколько подробностей о себѣ. Игралъ онъ на семиструнной гитарѣ и былъ однимъ изъ учениковъ Сихры, когда этотъ послѣдній пользовался большою извѣстностію въ цѣлой Россіи. Прослужа резонный срокъ въ гвардіи, Павелъ Александровичъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ тульскомъ имѣніи, занимаясь хозяйствомъ, но не бросая и своего любимаго инструмента. Я провелъ у него весь вечеръ. Онъ игралъ много и все такъ же очаровательно. Обаяніе его игры на меня было такъ велико, что я тутъ же объявилъ, что намѣренъ перейти отъ шести — къ семиструнной гитарѣ. Но Павелъ Александровичъ былъ такъ добросовѣстенъ и безпристрастенъ, что сказалъ мнѣ:

— Напрасно. Не совѣтую вамъ бросать шестиструнную гитару, которая имѣетъ огромныя достоинства и преимущества передъ нашею семиструнною, тѣмъ болѣе, что вы обладаете замѣчательнымъ талантомъ и уже очень развитымъ механизмомъ. Продолжайте же заниматься, работайте безъ устали и не унывайте, если въ началѣ и встрѣтите неудачи. Только однимъ терпѣніемъ и настойчивостію, независимо отъ врожденаго таланта, можно дойти до чего-нибудь и сдѣлаться истиннымъ артистомъ.

Я отъ души благодарилъ его за эти дѣльные и умные совѣты, которые глубоко запали мнѣ въ душу и которыми я вполнѣ воспользовался. Но искренно сожалѣю, что самъ онъ впослѣдствіи не сдѣлалъ того, что совѣтовалъ мнѣ.... Онъ опочилъ на лаврахъ.... Встрѣча эта рѣшила тогда мою музыкальную судьбу, и если я играю, и играю порядочно на гитарѣ, главный виновникъ того—Павелъ Александровичъ Ла—женскій, съ которымъ я впослѣдствіи поддерживалъ знакомство.

ГЛАВА XIII.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ ПРЕБЫВАНІЕ МОЕ ЗА ГРАНИЦЕЮ.—МЕРЦЪ, ШЕРЦЕРЪ И ФИШЕРЪ.—ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ.

«Où, diable! la vertu va-t-elle se nicher!» (*).
(Изъ французской книги).

Устроившись для житья въ Вѣнѣ, я сейчасъ же отправился къ священнику, состоявшему при нашемъ посольствѣ, человѣку умному, образованному и любезному, который принялъ меня, какъ принималъ всѣхъ русскихъ, т. е. самымъ радушнымъ образомъ. Отъ него я пошелъ отыскивать нѣкоего Ковацика, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Это былъ чиновникъ изъ канцеляріи австрійскаго императора, превосходно знавшій Вѣну, родомъ славянинъ и добрѣйшій, услужливѣйшій человѣкъ, который любилъ всѣхъ русскихъ и хорошо говорилъ по-французски, что̀ было очень важно для меня, которому не далась нѣмецкая грамота. Онъ во все время пребыванія нашего въ Вѣнѣ, всякій день являлся къ намъ и былъ чичероне, адъютантомъ, чиновникомъ особыхъ порученій при моемъ семействѣ. На другой же день по пріѣздѣ, я отправился съ нимъ за разными музыкальными справками и розысками. Входимъ въ музыкальный магазинъ Гасслингера.

— Кто лучшій гитаристъ въ Вѣнѣ, спросилъ Ковацикъ?

— Мерцъ!

— А кто лучшій гитарный мастеръ?

— Фишеръ, гардировщикъ вѣнской консерваторіи.

— Отчего же не Штауферъ?

— Оттого, что Штауферъ еще въ 1848 году пересталъ дѣлать гитары, и въ настоящее время его, кажется, нѣтъ въ Вѣнѣ.

Взявши адресы, мы сейчасъ же вошли въ мастерскую Фишера, жившаго въ двухъ шагахъ отъ Гасслингера, въ самой консерваторіи. Насъ встрѣтилъ очень почтенный господинъ лѣтъ за пятьдесятъ; это былъ самъ хозяинъ. Я объяснилъ ему, черезъ посредство Ковацика, что я добиваюсь имѣть сколь возможно лучшую гитару и что для этого не пожалѣю денегъ. Можете ли вы сдѣлать мнѣ отличную гитару?

(*) Куда нелегкая занесла добродѣтель.

— Постараюсь, отвѣчалъ почтенный нѣмецъ.

— Такъ выслушайте же меня со вниманіемъ. Я стою въ гостинницѣ «Wilde-mann»; приходите ко мнѣ хоть завтра утромъ и посмотрите гитару, сдѣланную для меня Штауферомъ. Если вы сработаете мнѣ гитару, хоть немного лучше той, т. е. сильнѣе и пѣвучѣе, я прибавляю, въ видѣ награды, 50% къ той цѣнѣ, какую вы сами назначите за свою гитару. Согласны вы на это условіе?

— Очень согласенъ.

— Итакъ принимайтесь за дѣло и постарайтесь окончить и выслать гитару къ концу іюля въ Берлинъ на мое имя «poste-restante». Къ тому времени я буду тамъ, проѣздомъ въ Россію. Если гитара ваша будетъ лучше моей теперешней, вы получите отъ меня за нее награжденіе, какъ сказалъ я выше; если же нелучше или хуже моей, то я заплачу вамъ только назначенную вами цѣну.

Мы вышли отъ Фишера и Ковацикъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, что Штауферъ здѣсь, и я хорошо помню, гдѣ онъ живетъ: это близехонько отсюда. Пойдемте.

Мы прошли два или три поворота изъ улицы въ улицу и очутились передъ дверью, надъ которою красовалась вывѣска съ изображеніемъ гитары. Но написано было не «Штауферъ», а «Шмидтъ.» Мы вошли. Насъ встрѣтилъ низенькій, толстенькій человѣчекъ съ вопросительнымъ знакомъ на лицѣ.

— Здѣсь была мастерская Штауфера? сказалъ Ковацикъ.

— Да, отвѣчалъ толстенькій нѣмецъ. Но въ 1848 году Штауферъ передалъ мнѣ свое заведеніе и въ настоящее время живетъ въ Прагѣ. Да на что вамъ нуженъ Штауферъ? сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія Шмидтъ. — Если вамъ хочется имѣть отличную гитару, то это возможно и безъ Штауфера.

Мы съ Ковацикомъ посмотрѣли на Шмидта, и потомъ другъ на друга и улыбнулись.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Шмидтъ:—я могъ бы предложить себя къ вашимъ услугамъ. Но для того, чтобы имѣть превосходную гитару, надо обратиться къ Шерцеру, бывшему подмастерью Штауфера. Это—великій талантъ и мастеръ своего дѣла, съ которымъ я и думать не смѣю состязаться. Онъ находится теперь въ крайней бѣдности, тогда какъ Штауферъ черезъ его искусство нажилъ себѣ независимое, хорошее состояніе. Адресъ Шерцера—«Margarethen, № 99.»

Мы поблагодарили честнаго Шмидта за совѣтъ и вышли.

— Ну что? спросилъ меня Ковацикъ:—хотите ѣхать къ этому Шерцеру? До него страшная даль. Или удовольствуетесь тѣмъ, что заказали гитару Фишеру.

— Ѣдемъ, непремѣнно ѣдемъ къ Шерцеру; можетъ быть онъ сдѣлаетъ гитару много лучше, нежели Фишеръ. Я рѣшился не жалѣть денегъ, чтобы только успѣть въ надеждѣ еще большаго усовершенствованія гитары. Итакъ, надо испробовать всѣ средства.

Мы сѣли въ фіакръ и поѣхали въ отдаленнѣйшее предмѣстье, на самый край Вѣны. Пріѣхавъ и отыскавъ квартиру, по данному намъ адресу, мы вошли въ маленькую, но чистенькую и свѣтлую комнату. Насъ встрѣтилъ низенькій, худенькій и смуглый человѣчекъ, но съ лицомъ умнымъ, выразительнымъ и грустнымъ. Это былъ Шерцеръ. Ковацикъ передалъ ему тоже самое, что̀ было сказано Фишеру и прибавилъ, что я—русскій и страстный любитель гитары. Я спросилъ, нельзя ли показать мнѣ хоть одну гитару его работы?

— Я работаю только по заказу и не иначе, какъ получа задатокъ, ибо я такъ бѣденъ, что мнѣ не на что купить дерева. Въ настоящее время заказанныхъ гитаръ у меня нѣтъ. Но вотъ мандолина, которую сдѣлалъ я для графа Ледуховскаго; по ней вы можете судить о чистотѣ моей работы.

Мандолина была изъ паллисандроваго дерева и превосходно сдѣлана.

— Вы сказали, что гитара ваша — работы Штауфера; въ которомъ году вы ее получили? спросилъ меня Шерцеръ, какъ будто что-то припоминая себѣ.

— Въ 1849 году, отвѣчалъ я.

— Штауферъ прислалъ вамъ тогда двѣ гитары, окрашенныя подъ палисандръ?

— Точно такъ.

— Вы, вѣроятно, г. Макаровъ?

— Я самый, къ вашимъ услугамъ.

— Да вѣдь эти гитары дѣлалъ я — собственными своими руками и въ этой комнатѣ, потому что Штауферъ тогда передалъ свое заведеніе Шмидту. Вотъ вамъ и письмо ко мнѣ Штауфера, жившаго въ то время въ Ольмюцѣ.

И говоря это, Шерцеръ досталъ изъ столика письмо и подалъ его мнѣ. Я передалъ его Ковацику, который точно вычиталъ въ немъ заказъ двухъ гитаръ для меня.

— А сколько заплатилъ вамъ Штауферъ за тѣ гитары?

— По сорока флориновъ (22 рубля) за каждую.

Выписка же этихъ гитаръ черезъ одинъ музыкальный магазинъ въ Петербургѣ обошлась мнѣ по 120 руб. за каждую. А послѣ я узналъ, что Штауферъ взялъ съ магазина за тѣ гитары по 80 флориновъ за каждую, т. е. вдвое болѣе противъ того, что заплатилъ онъ Шерцеру, и почти втрое дешевле того, сколько обошлись онѣ мнѣ. Вотъ какъ богатѣютъ и жирѣютъ всѣ торговыя и многія прочія знаменитости, на счетъ истинныхъ, но безвѣстныхъ талантовъ, въ родѣ Шерцера, которые сами едва не умираютъ съ голоду. И грустно, и досадно!...

Мы оставили Шерцера, которому далъ я задатокъ для покупки матеріаловъ и у котораго не было ни подмастерья, ни работника, ни даже ученика: стало быть, онъ работалъ все самъ, своими руками. На другой день, покончивъ дѣло съ гитарными мастерами, я собрался-было къ Мерцу; но онъ предупредилъ меня: узнавъ отъ Фишера и отъ Шерцера о моемъ пріѣздѣ въ Вѣну и о желаніи познакомиться съ нимъ, онъ самъ явился ко мнѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, ни худъ, ни полонъ, очень скромный и безъ малѣйшихъ претензій на какое бы то ни было значеніе. Я уже давно зналъ Мерца по множеству его печатныхъ сочиненій и особенно по передѣлкамъ для гитары всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ оперъ.

Но кромѣ немногихъ его пьесъ, которыя игралъ я, всѣ остальныя, въ особенности переложеніе оперъ, были неинтересны, сухи и носили на себѣ явные признаки спекуляціи и стряпни на скорую руку для того, чтобы поскорѣе удовлетворить любопытство невзыскательныхъ гитарныхъ меломановъ. Сообразивъ все это, я не обѣщалъ себѣ большаго наслажденія отъ игры Мерца. По-французски зналъ онъ столько же, сколько я по-нѣмецки, т. е. очень мало; но жена моя была нашимъ переводчикомъ. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, я усадилъ моего гостя, подалъ ему гитару, и онъ сейчасъ же съигралъ мнѣ большую пьесу, превосходную, удивительную. Я спросилъ:

— Чья эта пьеса?

— Моя.

— Напечатана она?

— Нѣтъ.

Потомъ Мерцъ съигралъ мнѣ еще пьесу, и еще, и еще, и все одну другой лучше, восхитительнѣе. Я не могъ опомниться отъ удивленія и сильной радости: я чувствовалъ, что я открывалъ *гитарную Америку,* т. е. великаго гитарнаго композитора, въ существованіе которыхъ я пересталъ уже вѣрить послѣ того, какъ, перешаривъ всѣ музыкальные магазины Москвы, Петербурга и другихъ большихъ иностранныхъ городовъ, я понакупилъ въ разныя времена бездну гитарныхъ нотъ. А потомъ перепробовавъ, съ отчаяніемъ въ душѣ побросалъ я весь этотъ негодный музыкальный хламъ,—стряпню бездарныхъ современныхъ композиторовъ гитарной музыки, какъ напримѣръ: Падовца, Каркасси, Бобровича, Байера, Сусмана, Кюффнера, Петтол... Ну, да опять

«Чтобъ гусей не раздразнить».

Въ пьесахъ же, которыя съигралъ мнѣ Мерцъ и которыя прослушалъ я съ возрастающимъ восторгомъ, было все: богатое содержаніе, основательное знаніе музыки, превосходная разработка и развитіе идей, музыкальное единство, свѣжесть и широта стиля, отсутствіе общихъ, избитыхъ мѣстъ, разнообразіе и полнота гармоніи, нисколько не затемнявшей мелодію, которая всегда всплывала надъ волнами арпеджій и аккордовъ, необыкновенно блестящіе, смѣлые, но не пошлые эффекты, наконецъ глубокое изученіе всѣхъ средствъ и тайнъ гитары. Въ этихъ задушевныхъ сочиненіяхъ особенно отличались интродукціи и финалы по своей развитости и разнообразію, такъ что, отдѣльно взятыя, они составляли нѣчто цѣлое, могущее удовлетворить всякаго любителя. И послѣ каждой съигранной Мерцомъ пьесы я дѣлалъ ему одни и тѣ же вопросы и получалъ одни и тѣ же отвѣты: «не напечатаны».

— Да отчего же вы ихъ не печатаете и лишаете любителей нашего инструмента высокаго наслажденія — играть ваши дивныя сочиненія, оставляя ихъ голодать на безвкусныхъ произведеніяхъ Падовца и Бобровича съ братіей?

— А вотъ почему не печатаю: во-первыхъ, издатели музыки говорятъ мнѣ каждый разъ, когда принесу имъ игранную пьесу: «это очень трудно, надо передѣлать»; а передѣлать — значитъ испортить. Во-вторыхъ, пока эти сочиненія у меня въ портфелѣ, они новы. Но издай я ихъ, и черезъ полгода они сдѣлаются ста-

рыми, да еще въ добавокъ изуродуютъ тѣ несчастные, которые не играютъ на гитарѣ, а царапаютъ. А что же я тогда буду играть самъ въ моихъ концертахъ? Не музыку ли Падовца и Бобровича съ компаніею, какъ вы сказали?

— Хотите ли вы уступить мнѣ ваши манускрипты?

— Охотно, отвѣчалъ Мерцъ, — и назначилъ мнѣ самую умѣренную цѣну.

Тутъ я разсказалъ ему исторію манускриптовъ Шульца и прибавилъ:

— Не вздумайте и вы, на манеръ Шульца, передѣлывать свои манускрипты для того, чтобы они были «не такъ трудны».

— Сохрани меня Боже отъ этого! Я слишкомъ уважаю и себя и васъ, и потому перепишу для васъ—нотка въ нотку, такъ, какъ самъ играю.

И онъ сдержалъ слово: недѣлю спустя, онъ принесъ мнѣ манускрипты пяти своихъ сочиненій. Они переписаны были съ величайшею точностію, даже съ подробнѣйшимъ обозначеніемъ «дуатэ». Но пора сказать нѣсколько словъ о самой игрѣ Мерца. Какъ исполнитель, это безспорно былъ лучшій изъ всѣхъ нѣмецкихъ гитаристовъ, которыхъ я слышалъ за границею. Въ игрѣ его было много силы, энергіи, чувства, отчетливости, выраженія и увѣренности. Но въ ней находились и недостатки нѣмецкой школы, а именно: порою слышался дребезгъ на басахъ; нѣкоторые быстрые пассажи не всегда выходили чистыми. Особенно въ отдѣлкѣ и круглотѣ музыкальныхъ фразъ и періодовъ, и въ нѣжности, мягкости и пѣвучести тона онъ далеко уступалъ Зени-де-Ферранти и Шульцу,—и, какъ исполнитель, былъ несравненно ниже послѣдняго. За то, какъ композиторъ, стоялъ необъятно выше его и по вдохновенію, и по оригинальности, и по знанію музыки вообще, а свойствъ гитары въ особенности.

Черезъ нѣсколько дней я отдалъ визитъ Мерцу. Онъ съигралъ мнѣ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, написанныхъ для гитары и фортепьяно, на которомъ играла его жена, очень хорошая піанистка. Гитара у Мерца была о десяти струнахъ. Но такъ какъ десятая струна была басъ contre La, который нашелъ я совершенно лишнимъ, потому что достаточно было одного баса La, открытаго въ шестиструнной гитарѣ, то я велѣлъ Фишеру и Шерцеру дѣлать для меня гитары о девяти струнахъ. Гораздо необходимѣе былъ бы басъ contre Sol, но онъ оказался невозможнымъ по причинѣ неявственности звука такой

низкой ноты. И только черезъ полгода, по возвращеніи моемъ въ Россію разрѣшилъ я эту трудность тѣмъ, что прибавивъ десятую струну, сдѣлалъ изъ нея открытый басъ Sol, который чрезвычайно обогатилъ гитару, пополнивъ собою три тона (гаммы), а именно: Do, Sol и Re, и придавъ имъ открытыя доминанту, тонику и поддоминанту, что̀ чрезвычайно облегчило игру на гитарѣ и увеличило ея гармоническія средства. Да еще прежде, въ 1840 году, будучи въ Петербургѣ, я сдѣлалъ важное улучшеніе: предложилъ гитарному мастеру удлинить грифъ и довести его до двухъ полныхъ октавъ, черезъ что прибавилось у гитары пять полутоновъ. Это улучшеніе было впослѣдствіи принято Штауферомъ и потомъ Шерцеромъ. Но пора проститься съ Мерцомъ, Шерцеромъ и Вѣною и ѣхать далѣе.

Слишкомъ три недѣли прожили мы въ Вѣнѣ, которая очень понравилась намъ и оставила во мнѣ пріятныя воспоминанія. Не терплю я Австрію, но Вѣна имѣетъ въ себѣ что-то обаятельное: просто, бывало, выйдешь на улицу—и уже весело, легко на сердцѣ. И какая разница въ этомъ отношеніи съ Берлиномъ! Берлинъ такъ обширенъ, такъ правильно выстроенъ, на его широкихъ, прямыхъ улицахъ постоянно движется оживленная толпа, — между тѣмъ въ Берлинѣ тоска! А сколько красавицъ въ Вѣнѣ! И какъ онѣ любезны, милы и общительны, особенно съ иностранцами! А какъ дешевы жизнь и общественныя удовольствія въ Вѣнѣ! Приведу въ доказательство тому слѣдующій примѣръ изъ моихъ воспоминаній.

Однажды собралось насъ русскихъ два семейства, всего пять человѣкъ, и мы поѣхали въ Шёнбруннъ. Осмотрѣвъ дворецъ съ многочисленными портретами Маріи-Терезіи и ея семейства, мы вошли въ воксалъ, гдѣ игралъ превосходный оркестръ Фарбаха. Мы усѣлись за отдѣльнымъ круглымъ столомъ и спросили обѣдъ, состоявшій изъ девяти блюдъ. Выпили мы еще двѣ бутылки краснаго вина, бутылку шампанскаго. Потомъ пили кофе, ѣли мороженое. Этотъ прекрасный обѣдъ и со всѣми прибавленіями обошелся по два флорина и пятьдесятъ крейцеровъ (по 1 р. 50 коп.) съ человѣка. Входъ въ воксалъ стоилъ 12, да мѣсто въ крытой коляскѣ стоило взадъ и впередъ 34 крейцера. Итого, вся эта поѣздка стоила намъ по 1 руб. 80 коп. съ каждаго. Не угодно ли попробовать провести такой пріятный день у насъ въ Петербургѣ или Москвѣ? Во первыхъ, это невозможно по неимѣнію тѣхъ элементовъ удовольствій,

какія есть за границею вообще, а въ Вѣнѣ въ особенности; во вторыхъ, самая скромная прогулка въ одномъ изъ нашихъ увеселительныхъ лѣтнихъ мѣстъ, съ плохимъ чаемъ, съ рюмкою «Свѣтланы» или «Шведской водки», да съ плохимъ бифстексомъ, обойдется вамъ гораздо дороже, нежели обошелся намъ въ Вѣнѣ цѣлый день, проведенный пріятнѣйшимъ образомъ.

28-го апрѣля выѣхали мы въ Прагу, гдѣ я не преминулъ отыскать Штауфера и познакомиться съ нимъ. Изъ Праги поѣхали мы въ Дрезденъ, Лейпцигъ и потомъ во Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь пробыли мы девять дней, сдѣлавъ множество разныхъ заказовъ бѣлья и платья къ отъѣзду нашему въ Россію. Потомъ снова поѣхали мы въ Крейцнахъ, чтобы повторить наше общее лѣченіе водами. Такъ какъ я началъ и поэтому окончилъ свое лѣченіе ранѣе моего семейства, то, оставя его въ Крейцнахѣ, самъ совершилъ небольшое, но интересное путешествіе по Швейцаріи....

13 іюля возвратился я въ Крейцнахъ изъ моего путешествія по Швейцаріи; а черезъ три дня послѣ того, мы уже оставили эти воды, которыя не принесли большой пользы ни мнѣ, ни женѣ моей. Но, благодаря лучшему климату, она чувствовала себя крѣпче, нежели годъ тому назадъ. Пребываніе въ чужихъ краяхъ помогло ей, но ненадолго. Послѣдній актъ драмы приближался, и дни Софи были уже сочтены.

Для возвращенія въ Россію мы черезъ Франкфуртъ поѣхали въ Берлинъ, куда прибыли 19-го. На другой же день я самъ отправился на таможню за гитарами, о высылкѣ которыхъ меня уже увѣдомили изъ Вѣны Фишеръ и Шерцеръ. Съ нетерпѣніемъ возвращался я изъ таможни, везя съ собою двѣ новыя гитары. Первая, которую досталъ я изъ крѣпко-заколоченнаго гвоздями ящика, была гитара работы Фишера. Отдѣлка превосходная; но тономъ она была много ниже бывшей у меня. Итакъ одинъ вопросъ рѣшенъ: Фишеръ—плохой гитарный мастеръ. Достаю гитару Шерцера, настраиваю. Съ первыхъ же аккордовъ она оказывается много лучше своей предшественницы: тонъ и сильнѣе, и нѣжнѣе, и пѣвучѣе. Работа превосходнѣйшая. Форматъ больше формата прежнихъ улучшенныхъ гитаръ; но самое новое и важное усовершенствованіе, это — два желѣзные прута, вставленные внутрь и вдоль гитары. Такъ умно задуманное и ловко исполненное улучшеніе основано было на томъ же соображеніи, какъ и введеніе желѣзныхъ полосъ надъ декою роялей: страш-

ная сила натянутыхъ струнъ покоилась прежде у гитаръ на верхней декѣ, у которой отъ этого вибраціи были какъ бы задушены, задавлены, и которую очень часто коробило впослѣдствіи. Теперь же вся сила натянутыхъ струнъ опиралась уже на желѣзныхъ прутьяхъ, оставляя декѣ полную свободу въ ея вибраціяхъ, что много увеличивало и силу, и пѣвучесть тона. Спустя два мѣсяца, когда новая гитара Шерцера пообыгралась, тонъ ея достигъ невѣроятной степени силы и оставилъ далеко за собою всѣ прежнія гитары, которыя казались передъ нею дрянными балалайками. Вмѣстѣ съ желѣзными прутьями внутри гитары было еще одно улучшеніе: это двойная нижняя дека, которая усиливала тонъ *отрицательно* и вотъ какъ: прежде, во время игры, дно гитары опиралось на грудь отчего уменьшалась и притуплялась сила звука тѣмъ, что часть его поглощалась сукномъ платья. Введеніе же втораго дна устраняло это неудобство, оставляя первому дну всю полноту отраженія звука. Сверхъ того, у этой гитары были механическіе колки, отчего гитара настраивалась легче и вѣрнѣе. Улучшеніе это было, впрочемъ, не ново; но только я въ первый разъ рѣшился имъ воспользоваться.

Итакъ, усилія мои увѣнчались полнымъ успѣхомъ и, вслѣдствіе ничтожнаго поощренія съ моей стороны, любимый мною и такъ несправедливо осмѣянный иструментъ вдругъ, безъ всякой постепенности, сдѣлалъ огромные шаги впередъ, на пути усовершенствованія, шаги, какихъ не дѣлалъ онъ въ продолженіе цѣлаго предшествовавшаго двадцатилѣтія. Съ какимъ наслажденіемъ отослалъ я Шерцеру условленную награду, т. е. лишнихъ 50%, и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно и много благодарилъ его за новыя и столь важныя усовершенствованія въ гитарѣ; благодарилъ его и за себя, и за всѣхъ истинныхъ почитателей гонимаго инструмента. Фишеру же, разумѣется, отослалъ я только назначенную имъ за гитару плату, не болѣе. Но пора возвращаться въ Россію.

Августа 2 сѣлъ я въ Штетинѣ на почтовый пароходъ «Владиміръ» вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, съ огромнымъ багажемъ и съ тремя гитарами. На этотъ разъ плаваніе наше совершилось благополучно: погода была ясная, тихая, и никого изъ насъ ни разу не укачало. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ провели мы по нѣскольку дней и поселились снова въ тульской деревнѣ. Я опять принялся за правильныя и усиленныя музыкальныя упражненія

и съ наслажденіемъ разучилъ и потомъ игралъ пріобрѣтенные мною отъ Мерца манускрипты. Мѣсяца черезъ два я разрѣшилъ, какъ сказалъ я выше, трудность пополненія гармоническихъ средствъ гитары басомъ Sol. Сейчасъ же написалъ я объ этомъ въ Вѣну къ Шерцеру и выслалъ ему задатокъ на три десятиструнныя гитары,—двѣ для себя, а одну для знакомаго мнѣ любителя, съ обѣщаніемъ новой награды въ 50% при малѣйшемъ улучшеніи тона гитары. Мѣсяцевъ черезъ пять получилъ я эти три гитары, изъ которыхъ только одна превзошла силою и пѣвучестію тона ту гитару, которую получилъ я отъ Шерцера въ Берлинѣ. Но я послалъ ему за всѣ три по 30% лишнихъ. Мало того, всякій разъ, когда потомъ кто нибудь просилъ меня о выпискѣ для него шерцеровской гитары, я не иначе брался за исполненіе такого порученія, какъ по соглашеніи на 30% награжденія, — разумѣется, если только любитель обладалъ хорошими средствами. Написалъ я также и къ Мерцу, прося его о присылкѣ мнѣ манускриптовъ тѣхъ новыхъ его сочиненій, которыя онъ не назначалъ къ изданію. Такимъ образомъ я каждый годъ получалъ отъ него по три и по четыре манускрипта, и подъ конецъ у меня скопился самый обширный и богатый гитарный репертуаръ, котораго бы достало на всю жизнь многихъ гитаристовъ или любителей. Но оканчиваю мою музыкальную исторію; я возвращусь къ ней впослѣдствіи, когда дойдетъ очередь до моего конкурса. Итакъ, скрѣпя сердце возвращусь въ угарную и удушливую атмосферу откуповъ, чтобы досказать дальнѣйшіе подвиги, которыми великолѣпный откупщикъ и меценатъ Василій Андроновичъ Штукаревъ завершилъ возведенное имъ зданіе неслыханныхъ и вопіющихъ неправдъ, жестокосердія, пристрастія и недобросовѣстности.

ГЛАВА XIV.

ИСТОРІЯ О ДВОЮРОДНОМЪ БРАТЦѢ И ЕГО ПОСТУПКАХЪ. — ЭПИЛОГЪ ДРАМЫ.

Сейчасъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія, я увѣдомилъ о томъ моего компаньона по кар....скому откупу, и просилъ его присылать мнѣ попрежнему всѣ свѣдѣнія и вѣдомости, которыя принято высылать въ подобныхъ случаяхъ. «Двоюродный

братецъ» Василья Андроновича не замедлилъ исполнить мою просьбу, и изъ полученныхъ мною свѣдѣній я увидѣлъ, что откупъ идетъ очень хорошо и обѣщаетъ значительныя прибыли. Мѣсяца четыре продолжалъ я аккуратно получать такія свѣдѣнія. Но съ новаго года прекратилась эта присылка. Подождавъ съ мѣсяцъ, я письменно напомнилъ моему компаньону о его обязанности въ отношеніи ко мнѣ. Но ни отвѣта, ни свѣдѣній не было. Прошло такъ еще два мѣсяца. Въ это время я жилъ въ Тулѣ съ женою, у которой прежняя болѣзнь возродилась съ новою силою. Видя упорное молчаніе моего компаньона И—на Се—нча, я написалъ объ этомъ въ Петербургъ къ его «двоюродному братцу», Василью Андроновичу. Недѣли черезъ двѣ послѣ того, въ одно прекрасное утро, является ко мнѣ одинъ откупной чинъ, котораго Штукаревъ, вслѣдствіе моего къ нему письма, отправилъ въ кар..... для строжайшаго обревизованія откупа и дѣйствій своего двоюроднаго братца. Исполнивъ этимъ визитомъ наружный знакъ уваженія ко мнѣ, какъ къ одному изъ хозяевъ кар....скаго откупа, питейный чинъ отправился далѣе. А спустя недѣли двѣ, онъ снова явился ко мнѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ и отрапортовалъ такъ: «въ кар....скомъ откупѣ все обстоитъ благополучно», прибавя еще, что И—нъ Се—ичъ очень извиняется передо мною въ неаккуратной присылкѣ мнѣ свѣдѣній; что онъ былъ очень занятъ, заваленъ дѣлами и пр., и пр., и что на будущій разъ этого болѣе не случится». Откупной этотъ чинъ, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежалъ къ пропагандѣ, главнымъ догматомъ которой было правило: «рука руку моетъ», и котораго придерживаются даже многіе неоткупные чины.

Итакъ въ мартѣ 1853 года я жилъ въ Тулѣ. Благодаря эмпирическимъ стараніямъ двухъ тульскихъ эскулаповъ, болѣзнь моей жены усилилась до того, что не оставляла ни малѣйшей надежды на выздоровленіе. Долго было бы разсказывать, какъ изъ маленькаго прыщика на пальцѣ правой руки, съ помощію три раза поставленныхъ піявокъ, образовали страшный карбункулъ; а потомъ, черезъ трехдневное натираніе руки льдомъ, застудили бокъ; далѣе, — черезчуръ горячими ваннами произвели изнурительную лихорадку. Изъ этого видно, что многіе провинціяльные эскулапы бываютъ по временамъ такъ же опасны, какъ и самые искусные и записные дуэлисты: словно пулею изъ кухенрейтерскаго пистолета положатъ васъ на мѣстѣ

своимъ эмпирическимъ рецептомъ! Очень жаль, что строгіе законы существуютъ только противъ однихъ дуэлистовъ на пистолетахъ, а не противъ бреттеровъ на рецептахъ, у которыхъ медицинскія познанія весьма походятъ на нарѣзные стволы, — а рецепты на коническія пули. Не изъ желанія острить, а изъ многихъ грустныхъ опытовъ говорю я это. Но довольно съ васъ, господа эмпирическіе и провинціальные эскулапы! Прощайте, и да избавитъ меня Богъ отъ встрѣчи съ вами, даже на самой «благородной дистанціи....»

Въ половинѣ іюня переѣхалъ я въ Москву, гдѣ обратился къ тѣмъ же самымъ медикамъ, которые пользовали мою жену передъ поѣздкою нашею за границу. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Москву заболѣлъ опасно старшій братъ Софи. Проходя въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ черезъ различныя медицинскія руки и системы, словно черезъ этапы, онъ дошелъ до тихаго убѣжища, «идѣже нѣсть болѣзнь и печаль, ни воздыханіе,» и былъ похороненъ въ сентябрѣ на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря. Онъ предшествовалъ своей младшей сестрѣ, моей женѣ, которая тоже начала уже роковой путь медицинскихъ этаповъ, и переходила изъ однихъ докторскихъ рукъ въ другія. Такая передача почти всегда бываетъ съ тѣми, которыхъ неумолимый рокъ уже отмѣтилъ своимъ перстомъ.

О, какіе страшные полгода пережилъ я тогда! При какомъ разрывающемъ душу зрѣлищѣ присутствовалъ я! Столько красоты, ума, доброты и благородства сердца; столько высокихъ, христіанскихъ и женскихъ добродѣтелей погибало преждевременно!...

Человѣкъ, начавшій подготовлять ей еще до свадьбы раннюю могилу, находился тогда въ Москвѣ; онъ задавалъ великолѣпные завтраки разнымъ извѣстнымъ и вліятельнымъ лицамъ. Ни единымъ словомъ не выразилъ онъ ни малѣйшаго участія къ моей женѣ, этой ни въ чемъ неповинной и кроткой мученицѣ. Хоть бы изъ простаго любопытства справился онъ, что дѣлается со мною, въ моемъ домѣ!... Напротивъ, онъ готовилъ противъ меня новыя козни, новыя злоухищренія, которыя могутъ привести меня къ раззоренію, а быть можетъ приведутъ преждевременно и туда—къ моимъ покойнымъ женамъ и дѣтямъ, оставя здѣсь троихъ круглыхъ сиротъ, безъ подпоры и путеводителя.

Разрывайся же теперь, мое сердце! Терзайся, моя душа! Лейтесь жгучія, разъѣдающія слезы! Я досказалъ: могила на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря вырыта, и 5 марта 1854 г. въ нее опущено тѣло обожаемой жены; и черный каменный крестъ возвышается теперь надъ нею и стоитъ грознымъ обвинителемъ и обличителемъ кривды и безчеловѣчія.... Этого безчеловѣчія не выкупятъ никакіе подвиги искусственной, громогласной филантропіи, прикрывающей чудовищную жажду извѣстности, жажду, мѣшающую мирно наслаждаться блаженствомъ, приплывшимъ по широкой рѣкѣ недогара и перевыручекъ изъ новой и таинственной откупной Калифорніи....

Миръ праху твоему, добрая жена и другъ! Слишкомъ пять лѣтъ прошло послѣ твоей смерти. Да еще передъ твоею смертію, въ продолженіе почти семи лѣтъ,—всего около двѣнадцати лѣтъ переносилъ я съ невѣроятнымъ терпѣніемъ и самымъ христіанскимъ смиреніемъ несправедливость и поруганія. Двѣнадцать лѣтъ страдалъ я и молчалъ!... Но не тронулось жосткое и безчеловѣчное сердце моего мучителя, не смягчилась его черствая душа. Ни малѣйшаго сожалѣнія, ни тѣни сознанія въ своей несправедливости!... Но всему есть мѣра и всему бываетъ конецъ. И я воспрянулъ. И все прошедшее воскресло въ моей памяти; все наболѣвшее, накипѣвшее въ душѣ зашевелилось, и снова закипѣло, и просится вонъ, стремится наружу. —

«Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

ГЛАВА XV.

ОКОНЧАНІЕ ИСТОРІИ О ДВОЮРОДНОМЪ БРАТЦѢ. — ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ СТОЛИЦУ.

«Съ кѣмъ былъ? Куда меня забросила судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ: мучителей толпа...
ГРИБОѢДОВЪ.

Въ концѣ 1853 года явился ко мнѣ въ Москвѣ еще одинъ откупной чинъ, посланный въ Кар..... для вторичнаго обревизованія «двоюроднаго братца», который своими отличными рас-

поряженіями и въ особенности добросовѣстностію довелъ откупъ до неисправности, такъ что его взяли подъ казенный надзоръ. Надо сказать, что я уже съ полгода не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о ходѣ кар....скаго дѣла, потому что И—нъ Се—ичъ, послѣ первой ревизіи, не сдѣлался аккуратнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не думалъ присылать мнѣ вѣдомостей. Писалъ я ему объ этомъ нѣсколько разъ, и все понапрасну; а наконецъ махнулъ рукой и плюнулъ. Второй ревизоръ оказался несравненно дѣльнѣе перваго, а главное—онъ нисколько не принадлежалъ къ сектѣ, основанной на «эдакихъ кушахъ», да на магарычахъ, да на правилѣ «рука руку моетъ». Поэтому недѣли черезъ двѣ онъ увѣдомилъ меня о слѣдующихъ патетическихъ событіяхъ въ Кар..... «Въ откупной кассѣ не явилось 32 тыс. руб. сер., которыя въ разныя времена были вынуты И—номъ Се—чемъ и положены въ его собственный карманъ. А съ процентами на захваченный капиталъ, «двоюродный братецъ» остался долженъ кар....скому откупу *тридцать восемь тысячъ рублей.*» Молодецъ!... Впрочемъ это — манера, хотя и отзывающаяся рыцарствомъ большихъ дорогъ, но манера прямая, откровенная: просто цапнулъ себѣ въ карманъ надлежащій кушъ, да и дѣлу конецъ. Право, по мнѣ эта манера много лучше и честнѣе, нежели система «предательскихъ цалованій», свадебныхъ и разныхъ другихъ подарковъ, «привѣтливыхъ улыбокъ», писемъ съ «глубокими сочувствіями» и «визитовъ съ обѣщаніемъ содѣйствія».

Однако же, вскорѣ по открытіи захвата И—номъ Се—чемъ, его петербургскій «двоюродный братецъ» писалъ мнѣ, *чтобы я былъ покоенъ, что онъ заплатитъ мнѣ все, что будетъ слѣдовать на мою долю съ И—на Се—ича.* Такъ окончилась исторія объ этомъ двоюродномъ братцѣ и его дѣйствіяхъ. Конецъ же моего участія въ Кар..... былъ слѣдующій: первые два года откупъ далъ хорошій барышъ, около тридцати двухъ тысячъ рублей. Потомъ вспыхнула восточная война, и потому на третій годъ откупъ не далъ ни барыша, ни убытка. А въ четвертый и послѣдній годъ былъ убытокъ въ двадцать тысячъ, и мнѣ прислали вотъ какой разсчетъ: «*откупъ далъ двѣнадцать тысячъ рублей убытка!?* Разумѣется, съ меня не потребовали причитавшихся трехъ тысячъ убытка на мои паи: это было бы уже слишкомъ *того*... Стало быть въ барышахъ остался одинъ «двоюродный братецъ», положа себѣ въ карманъ 32 тыс. руб., а съ процента-

ми 38 тысячъ руб., тогда какъ за исключеніемъ убытка двадцати тысячъ, ему бы слѣдовало получить только девять тысячъ рублей. Вотъ тебѣ и паи, за которые отказался я отъ лишнихъ четырехъ процентовъ, къ явному удовольствію Василья Андроновича, которому страхъ какъ хотѣлось, если уже не вовсе уничтожить, то по крайней мѣрѣ до-нельзя уменьшить скудные результаты моей честной у него службы. Впослѣдствіи, какъ увидитъ читатель, онъ вполнѣ достигъ этой филантропической цѣли.

Въ началѣ мая оставилъ я Москву и поселился снова въ тульской деревнѣ съ моими дѣтьми. Въ іюнѣ Василій Андроновичъ увѣдомлялъ меня, что онъ въ концѣ того года выбываетъ изъ откуповъ и потому возвращаетъ мнѣ помѣщенный у него мой капиталъ. «Но, прибавилъ онъ, вы можете помѣстить свой капиталъ у И—на Ѳе—вича, который вѣроятно не откажетъ вамъ въ этомъ». И я снова повѣрилъ этому обнадеживанію; повѣрилъ и вслѣдствіе того не предпринималъ никакихъ мѣръ къ употребленію моего капитала болѣе прибыльнымъ образомъ, нежели помѣщеніемъ его въ банкѣ. Въ ноябрѣ мнѣ необходимо было ѣхать въ Петербургъ. На станціи «У...ки» я увидѣлъ Василья Андроновича, входящаго въ вагонъ. Я пошелъ съ нимъ поздороваться и сѣлъ подлѣ него.

— Итакъ вы рѣшительно оставляете откупа? сказалъ я ему.

— Рѣшительно оставляю. А вмѣстѣ со мною оставляетъ ихъ и И—нъ Ѳе—вичъ.

— Стало быть И—нъ Ѳе—вичъ не захочетъ помѣстить у себя мой капиталъ, который вамъ угодно возвратить мнѣ?

— Вѣроятно не захочетъ.

— А какъ же вы писали мнѣ, что И—нъ Ѳе—вичъ согласится помѣстить у себя мой капиталъ?

Василій Андроновичъ замялся и чуть было не запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ. Но что значатъ какія бы то ни было сѣти для откупнаго льва, у котораго находится въ одномъ карманѣ двадцать тысячъ «точекъ зрѣнія», а въ другомъ двадцать тысячъ отговорокъ! Въ настоящемъ случаѣ нашъ откупной левъ выпутался, употребивъ извѣстную уловку всѣхъ записныхъ подъячихъ, да нѣкоторыхъ грошевыхъ политиковъ, дипломатовъ и остряковъ,—уловку состоящую въ томъ, чтобы не отвѣчать прямо на вопросъ, а обойти его, сдѣлать искусную диверсію и тѣмъ сбить съ толку противника черезчуръ добросовѣст-

наго, прямаго и деликатнаго. Итакъ левъ, то есть Василій Андроновичъ, отвѣчалъ мнѣ:

— Такъ что же? Я могу помѣстить вашъ капиталъ у Дмитрія Егоровича или у Степана Дмитріевича.

И я снова повѣрилъ обѣщанію Василья Андроновича помѣстить мой капиталъ у одного изъ двухъ сильнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей откупнаго міра, что для него не стоило бы ни малѣйшаго труда. Но на меня тогда рѣшительно нашла куриная слѣпота, и я, живя въ Петербургѣ, не сдѣлалъ ни шагу для пріисканія болѣе выгоднаго помѣщенія моего капитала. И вотъ, черезъ полтора мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Петербургъ, явился я къ Василью Андроновичу. Каково же было мое изумленіе, когда возвращая мнѣ въ срокъ ломбардные мои билеты, онъ даже не заикнулся объ обѣщанномъ мнѣ помѣщеніи капитала у бывшихъ своихъ компаньоновъ. Я уже не хотѣлъ напоминать ему о его обѣщаніи, а просто сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Ради Бога! — оставьте у себя мой капиталъ хоть за указные проценты. Для васъ это ничего не стоитъ, а мнѣ вы окажете благодѣяніе; мнѣ необходимо поселиться въ Петербургѣ для воспитанія моихъ младшихъ дѣтей; а вѣдь съ казенными процентами мнѣ рѣшительно нечѣмъ будетъ жить здѣсь, какъ бы я ни экономничалъ.

Разумѣется, для Василья Андроновича ровно ничего не стоило исполнить мою просьбу; это ли онъ дѣлалъ для другихъ! Стоустая молва передавала уже не разъ широкія и размашистыя черты его щедрости. Но на это были особенныя, важныя причины: или крупный чинъ, или вѣсъ въ обществѣ, или литературная извѣстность, или... ну да такихъ «или» не перечтешь въ нашъ «ходульный» вѣкъ. А я?... Неизвѣстный ничѣмъ и никому, да еще съ неважнымъ, первымъ штабъ-офицерскимъ чиномъ!.. Фи!... Игра не стоитъ свѣчъ. Питейныя знаменитости, какъ и знаменитости артистическія, любятъ разыгрывать пьесы своего сочиненія, артистическія или филантропическія, передъ многочисленною блестящею публикою или передъ какимъ нибудь властелиномъ міра; за то и нотки не захотятъ проронить передъ одинокимъ и неизвѣстнымъ слушателемъ. Имъ нужна не благодарность спасеннаго отъ бѣды, а шумные аплодисменты. Къ тому же и сердце, и душа, и умъ у питейныхъ филантроповъ устроены совершенно иначе, нежели у филантроповъ обы-

кновенныхъ, а именно: у питейныхъ филантроповъ (не у всѣхъ: есть между ними и добрые, а только у тѣхъ, которые въ какихъ нибудь семь или восемь лѣтъ ухитрились изъ ничего пріобрѣсть и мильоны, и огромные дома, и дачи), вмѣсто сердца находится гидрометръ. Прикинувшись людьми, умѣющими «сочувствовать чужимъ скорбямъ» и вызывая на откровенность, они затѣмъ стараются посредствомъ этого «незримаго гидрометра» опредѣлить «недогаръ» или «перегаръ» въ свойствахъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣла или дѣло. Теперь, — вмѣсто души у нихъ счеты, на которыхъ они безпрестанно дѣлаютъ разныя выкладки, по всѣмъ четыремъ правиламъ ариѳметики: тутъ умножатъ, тамъ раздѣлятъ — свои улыбки, рукопожатія, обѣщанія, а иногда и паи, то есть плюсы или минусы, смотря по вдохновенію и минутному капризу. Наконецъ,—вмѣсто ума у нихъ снарядъ для скорѣйшаго пріисканія разныхъ уловокъ, продѣлокъ, кунштиковъ и въ особенности, «отговорокъ» и «точекъ зрѣнія». Впрочемъ умъ ихъ еще не очень отличается отъ обыкновенныхъ, непитейныхъ умовъ, особенно относительно грибоѣдовскаго стиха:

Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.

Итакъ, вслѣдствіе того, что̀ я сейчасъ имѣлъ честь объяснить, Василій Андроновичъ пребылъ глухъ и нѣмъ къ моимъ моленіямъ. Мало того, онъ былъ со мною холоденъ и суровъ до невѣжливости. Куда дѣлась и его «привѣтливая улыбка?» Вѣроятно она лежала въ резервномъ фондѣ, до перваго «удобнаго для размѣна случая», потому что въ настоящую минуту размѣнять ее было не на что. Съ отчаяніемъ въ душѣ вышелъ я изъ дома Василья Андроновича, изъ этого обширнаго депо различныхъ обѣщаній того же самаго свойства и сорта, какъ и его «привѣтливая улыбка». Я рѣшительно не зналъ, куда дѣться и что дѣлать съ выброшеннымъ мнѣ такъ неожиданно капиталомъ. Недѣли двѣ метался я во всѣ стороны и дѣлалъ разныя попытки, но все неудачно. Наконецъ ко мнѣ подоспѣлъ на помощь одинъ изъ моихъ старыхъ товарищей по гвардейской службѣ и мой добрый пріятель. Желая искренно помочь моему горю, онъ нашелъ и предложилъ мнѣ слѣдующую аферу.

Года за четыре передъ тѣмъ, одинъ иностранецъ устроилъ на арендованной землѣ, верстахъ въ восьмидесяти отъ Петербурга, одно промышленное заведеніе: известко-обжигательныя пе-

чи и плитную ломку, съ желѣзно-конною дорогою. Окончивъ устройство этого довольно большаго заведенія, стоившаго ему до тридцати пяти тысячъ рублей, сверхъ оборотнаго капитала, иностранецъ тотъ умеръ, задолжавъ болѣе тридцати тысячъ рублей — по большей части англичанамъ. Кредиторы вступили во владѣніе и пользованіе тѣмъ заведеніемъ. Вдругъ вспыхнула восточная война: англичане-кредиторы уѣхали въ Лондонъ и боясь, чтобы у нихъ не конфисковали доставшееся имъ за долги имущество, поручили продать его хоть за что нибудь. Это самое заведеніе и предложили мнѣ купить. Я сейчасъ же поѣхалъ осмотрѣть его, нашелъ тамъ все въ исправности и, недолго думая, купилъ его за самую невысокую цѣну, сравнительно съ тѣмъ, чего стоило это заведеніе его основателю. Предпріятіе это обѣщало большія выгоды. Но я не сообразилъ одного: для успѣха во всякомъ промышленномъ и комерческомъ предпріятіи, сверхъ капитала, необходимы спеціальныя познанія и опытность, а у меня не было ни того, ни другаго. Много зависѣло еще и отъ того, чтобы успѣть найти хорошаго и знающаго человѣка для управленія промышленнымъ заведеніемъ.

Вскорѣ послѣ моей покупки явился ко мнѣ одинъ изъ старыхъ моихъ товарищей по Варшавѣ, гдѣ мы были вмѣстѣ въ школѣ подпрапорщиковъ. Тогда онъ былъ извѣстенъ мнѣ за добраго, аккуратнаго и честнаго малаго. Потомъ я служилъ въ гвардіи, а онъ въ арміи, и мы не встрѣчались нигдѣ болѣе двадцати лѣтъ. Уже лѣтъ восемь, какъ оставилъ онъ военную службу и гдѣ-то управлялъ имѣніемъ; въ настоящее же время былъ безъ мѣста и пріѣхалъ въ Петербургъ искать частной службы. Между тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что превосходно знаетъ производство извести, потому что занимался имъ года четыре, управляя однимъ имѣніемъ, въ которомъ онъ самъ создалъ эту отрасль доходовъ. Я обрадовался вдвойнѣ встрѣчѣ съ моимъ старымъ однокашникомъ, котораго считалъ теперь счастливою находкою для только-что пріобрѣтеннаго мною известковаго и плитнаго заведенія. Въ одну минуту было предложено и принято мѣсто управляющаго моимъ заводомъ. Я положилъ большое содержаніе моему бывшему товарищу, и сверхъ жалованья назначилъ ему еще 10% изъ чистой прибыли, если только буду доволенъ его службою. Водворивъ его на заводѣ и оставя сумму необходимую для производства работъ, я уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню, вполнѣ довольный употребленіемъ возвращеннаго мнѣ Штукаревымъ

капитала, и успокоенный насчетъ средствъ къ моему переселенію на житье въ Петербургѣ. Это было въ мартѣ 1855 года.

Между тѣмъ перенесенныя мною несчастія и потрясенія разстроили мое здоровье. Я сильно нуждался въ серьезномъ, радикальномъ лѣченіи. И вотъ, вслѣдствіе многихъ совѣтовъ, я собрался и поѣхалъ лѣтомъ въ Самарскую губернію, на Сергіевскія минеральныя воды, гдѣ и выдержалъ полный курсъ лѣченія. По возвращеніи съ водъ, я началъ готовиться къ переселенію моему въ Петербургъ со всѣмъ домомъ. Въ августѣ я совершилъ это переселеніе и водворился въ Петербургѣ съ моими дѣтьми. Заводъ мой шелъ ни дурно, ни хорошо. Да и нельзя было еще ожидать блестящихъ результатовъ, которыхъ вначалѣ не даетъ ни одно промышленно-коммерческое предпріятіе. Мой управляющій-товарищъ, казалось, лѣзъ изъ кожи, чтобы услужить мнѣ, и обѣщалъ большія выгоды на слѣдующій годъ, то есть когда дѣло будетъ совсѣмъ налажено и вступитъ въ нормальную колею. Коммерческія мои заботы не мѣшали, однако же, мнѣ заниматься музыкою, хотя и не съ прежнимъ увлеченіемъ, но все еще довольно усердно. Въ это время дозрѣвала въ моемъ умѣ музыкальная мысль, которая давно пришла мнѣ въ голову.

Въ то время, когда страсть моя къ гитарѣ была еще въ полной силѣ, я началъ сознавать въ душѣ, несмотря на мое тогдашнее увлеченіе, что гитара отжила свой вѣкъ. Тяжело и грустно было это сознаніе. Независимо отъ механическаго несовершенства этого инструмента, причина его малаго употребленія или, скажемъ прямѣе, его повсемѣстнаго паденія заключалась еще и въ томъ, что онъ нисколько не двигался впередъ, не совершенствовался, какъ, напримѣръ, фортепьяно и многіе другіе музыкальные инструменты. Гитара оставалась съ тѣмъ же слабымъ, чахоточнымъ тономъ, какъ и лѣтъ двадцать тому назадъ. Къ тому же послѣ смерти Джуліани не появилось ни одного талантливаго композитора для гитары.

Неужели гитара осуждена на вѣки, безъ аппеляціи? думалъ я тогда. Неужели невозможны для нея ни техническое улучшеніе инструмента, ни существованіе талантливаго композитора? Нельзя ли посредствомъ соревнованія,—этого могучаго рычага всякаго прогресса,—возбудить жизнь въ умирающемъ гитарномъ мірѣ, и вызвать къ усиленной и толковой дѣятельности и гитарныхъ мастеровъ, и гитаристовъ-композиторовъ? Вотъ откуда родилась у меня идея конкурса, еще до вступленія моего въ от-

купныя дѣла, которыя отвлекли меня надолго и отъ музыки, и отъ всѣхъ прочихъ безкорыстныхъ мыслей. Потомъ постоянная болѣзнь моей второй жены не позволяла мнѣ заняться осуществленіемъ идеи конкурса. Наконецъ, послѣ ея смерти, овладѣла мною такая тоска, что необходимо было развлечь себя. Съ болѣзненнымъ, судорожнымъ увлеченіемъ я снова предался гитарѣ — и идея конкурса быстро созрѣла. Это было въ мартѣ 1856 года. Я тогда сейчасъ же написалъ программу конкурса, въ которой назначалъ четыре преміи: двѣ — за лучшія сочиненія для гитары и двѣ — за наилучше-сдѣланныя гитары. Мѣстомъ конкурса назначилъ я Брюссель. Я самъ перевелъ эту программу на французскій языкъ и далъ перевести ее на нѣмецкій. Желая напечатать ее сперва въ русскихъ газетахъ, я обратился къ «С.-Петербугскимъ Вѣдомостямъ», и не прямо въ редакцію, а въ книжный магазинъ г. Ратькова, гдѣ была тогда контора этой газеты. И теперь, при этомъ удобномъ случаѣ, вмѣняю себѣ въ обязанность изъявить признательность редакціи этой газеты: безъ малѣйшей рекомендаціи или протекціи, программа моя была напечатана черезъ нѣсколько дней послѣ отдачи ея мною г. Ратькову.

Но не такъ было, когда я обратился съ французскимъ переводомъ программы въ контору другой газеты, издаваемой въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ. Мнѣ объявили, что программу мою не иначе могутъ напечатать, какъ тогда, когда я заплачу за нее «побуквенно», какъ это обыкновенно дѣлается со всѣми промышленными объявленіями, то есть программу мою помѣстили бы на послѣднемъ листѣ газеты, между объявленіями о вновь изобрѣтенной ваксѣ и о Ждановской жидкости. Я съ негодованіемъ отвергнулъ такое предложеніе.

Вскорѣ и за границею программа моя была напечатана въ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Въ это время игра моя на гитарѣ вступила уже въ періодъ игры художественной. А главное, — я начиналъ уже достигать той важной точки искусства, которая составляетъ sine qua non виртуозности и до которой достигаютъ далеко не всѣ, даже и самые талантливые музыканты-исполнители, это—играть при всѣхъ такъ же хорошо или почти такъ, какъ у себя дома, безъ свидѣтелей,— это искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ привычка быть полнымъ господиномъ своего музыкальнаго чувства и своихъ артистическихъ средствъ. И сколько было и есть великихъ виртуозовъ, для ко—

торыхъ играть въ публикѣ — настоящая пытка! Кто изъ истинныхъ любителей и знатоковъ не слыхалъ о покойномъ великомъ Шопенѣ? Онъ дѣлался настоящимъ мученикомъ всякій разъ, когда приходилось ему участвовать въ какомъ нибудь концертѣ.

Итакъ я началъ собираться за границу. Къ тому же здоровье мое требовало новаго лѣченія водами. Сергіевскія мнѣ мало помогли, и мнѣ совѣтовали ѣхать въ Ахенъ, горячія воды котораго были бы для меня весьма полезны. Передъ отъѣздомъ моимъ за границу я принималъ участіе въ одномъ концертѣ, происходившемъ въ университетской залѣ и составленномъ изъ однихъ любителей. Участіе мое прошло незамѣченнымъ, вѣроятно вслѣдствіе изрѣченія: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Хотя многіе мои собраты по инструменту и согласились наконецъ отдать мнѣ должную справедливость, но все еще находились между ними и такіе благопріятели, которые, не краснѣя и во всеуслышаніе, провозглашали, что «я играю на гитарѣ отвратительно, что нѣтъ въ Петербургѣ ни одного сапожника, ни одного кучера, ни одного дворника, который бы не могъ играть гораздо лучше меня.» И не вспомнишь всего, что было сказано тогда обо мнѣ.... Не вѣрите? Такъ я могу указать вамъ пальцемъ на одного такого благопріятеля и панегириста. И вы удивитесь, когда увидите, что̀ это за господинъ! Какихъ почтенныхъ лѣтъ и какого почтеннаго чина! А главное,—это добрѣйшій и честнѣйшій изъ людей, котораго я душевно люблю. Но у многихъ господъ, достигшихъ извѣстныхъ лѣтъ, а особенно извѣстнаго чина, открывается иногда какой нибудь пунктъ помѣшательства.

C'est terrible, mais c'est vrai!

ГЛАВА XVI.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. — КОНКУРСЪ.

«Dans ce monde où tout s'oublie,
Où chacun ne pense qu'à soi,
Il faut bien que l'on s'écrie:
Pensez à moi»? (*)

Въ началѣ іюля поѣхалъ я за границу на почтовомъ пароходѣ, и прибывъ въ Ахенъ, принялся брать сѣрныя ванны и

(*) Въ этомъ свѣтѣ, въ которомъ все забывается, въ которомъ всякій только о себѣ думаетъ, поневолѣ закричишь иногда: подумайте и обо мнѣ.

пить тухлую воду. Тутъ я нашелъ много русскихъ, съ которыми очень весело проводилъ время. Вообще жизнь въ Ахенѣ несравненно веселѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ Крейцнахѣ. Посѣщалъ я и театръ, съ нѣмецкою оперною труппою, которую послѣ нашей итальянской можно было слушать только ради скуки. Но проѣздомъ участвовала въ нѣсколькихъ представленіяхъ примадона мадритскаго театра «Angles Fortunia», превосходная пѣвица, самой строгой и рѣдкой нынѣ итальянской школы. Одно было уморительно: она пѣла (въ «Соннамбулѣ») съ итальянскимъ текстомъ, а вся остальная труппа съ нѣмецкимъ.

Посѣтили меня еще два гитариста: Жансенъ и Фишеръ. Послѣдній, очень молодой и бѣлобрысый нѣмчикъ, слылъ великимъ гитаристомъ на берегахъ нижняго Рейна. Но — увы!— игра его оказалась высшею экзажераціею нѣмецкой гитарной школы, т. е. это было нестерпимѣйшее царапанье. Бѣглости и силы — бездна, но ни отчетливости, ни чистоты, ни малѣйшей пріятности,—и при постоянномъ forte и fortissimo—безпрерывный дребезгъ на всѣхъ струнахъ и ни одной христіанской нотки. И вотъ повадился ко мнѣ, почти всякой день, этотъ Фишеръ и смертельно надоѣлъ мнѣ. Во первыхъ курилъ сквернѣйшія сигары, во вторыхъ портилъ струны на гитарѣ и страшно терзалъ мои уши, а въ третьихъ — всякій разъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я сказалъ ему мое откровенное мнѣніе о его игрѣ и далъ ему совѣтъ для дальнѣйшаго усовершенствованія. И вотъ наконецъ я исполнилъ его просьбу слѣдующимъ образомъ:

— Въ вашей игрѣ, сказалъ я ему, есть важныя качества: страшная сила и чрезвычайная бѣглость. Но для того, чтобы ваша игра была пріятна, вамъ необходимо сдѣлать слѣдующее: положить вашу гитару въ футляръ, запереть ее и потомъ три года не вынимать изъ ящика и не брать ее въ руки. Если въ продолженіе этого времени вамъ удастся забыть совершенно свою теперешнюю игру, тогда постарайтесь послушать Шульца въ Лондонѣ или Зени-де-Ферранти въ Брюсселѣ, и принявъ ихъ за образецъ, достаньте вашу гитару и принимайтесь за нее. Вотъ единственный для васъ путь къ усовершенствованію.

Не знаю, послѣдовалъ ли Фишеръ моему совѣту, но только я уже болѣе не встрѣчался съ нимъ въ Ахенѣ. Независимо отъ своей плохой игры, онъ былъ еще причиною безполезнаго моего путешествія въ Майнцъ, куда съѣздилъ я по окончаніи курса лѣченія моего въ Ахенѣ, — и вотъ почему и какъ: Фишеръ со-

общилъ мнѣ, между прочимъ, что есть три великіе гитариста: Штиллингъ въ Фульдѣ, Брандтъ въ Вюрцбургѣ и Францъ въ Мюнхенѣ, и совѣтовалъ мнѣ съѣздить послушать ихъ, говоря, что я не буду жалѣть ни времени, ни денегъ, издержанныхъ на это путешествіе. Вотъ я и собрался, и вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Брюссель устроивать конкурсъ, поѣхалъ на отысканіе нѣмецкихъ гитаристовъ «перваго сорта.» Заѣхавъ по дорогѣ въ Майнцъ, я послалъ за Камбергеромъ, который немедля явился ко мнѣ. Когда онъ узналъ, куда и зачѣмъ я ѣду, то сказалъ мнѣ: «вы будете жалѣть о потерѣ и денегъ и времени, потому что это самые обыкновенные гитаристы, которые не должны при васъ брать гитару въ руки.» Прокатался я даромъ, послушавъ бѣлобрысаго нѣмца. Нечего дѣлать. Итакъ я возвратился вспять изъ Майнца и пріѣхалъ въ Брюссель, гдѣ и поселился надолго, нанявъ себѣ весьма приличную квартиру.

Первое лице, къ которому я обратился по пріѣздѣ моемъ въ столицу Бельгіи, былъ нашъ генеральный консулъ, Ба—ракъ, умный и любезный человѣкъ, который и вначалѣ, и во все время пребыванія моего въ Брюсселѣ, не переставалъ оказывать мнѣ искреннее сочувствіе и содѣйствіе во всемъ, что касалось устройства моего конкурса. Онъ сейчасъ же поѣхалъ со мною къ пресловутому Фетису, директору брюссельской консерваторіи. Несмотря на почетную рекомендацію нашего консула, этотъ Фетисъ принялъ меня съ высоты самого уморительнаго, чтобы не сказать глупаго, величія. Я сейчасъ же увидѣлъ, что мнѣ нечего ожидать съ этой стороны. Вскорѣ мнѣ сообщили, что самое вѣрное, дѣйствительное средство расположить въ свою пользу патрона бельгійскихъ музыкантовъ, это—написать къ нему униженное письмо съ моленіями о покровительствѣ, а главное — со вложеніемъ банковаго билета въ пятьсотъ, а еще лучше если въ тысячу франковъ. О! тогда *сей* велемудрый музикусъ сейчасъ же написалъ бы обо мнѣ и моемъ консурсѣ великолѣпную статью, тиснулъ бы ее въ печать и потомъ открылъ бы передо мною настежь двери консерваторіи и въ ея пресловутой залѣ устроилъ бы конкурсъ подъ предсѣдательствомъ собственной своей сѣдовласой персоны. Разумѣется, я съ негодованіемъ и отвращеніемъ отвергнулъ это грязное средство.

Но не буду повторять здѣсь всего, что я, живя въ Брюсселѣ, слышалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ о великомъ мужѣ Фетисѣ, который пользуется незаслуженною славою от-

личнаго музыканта. А какъ на человѣка, общественное мнѣніе въ Бельгіи наложило на него печать самой непочетной репутаціи, отъ которой каждому порядочному бельгійцу бываетъ тошно и стыдно, стыдно — за свое правительство, терпящее въ главѣ консерваторіи такого человѣка, какъ Фетисъ, вся жизнь котораго была и есть не что иное, какъ сплетеніе грязныхъ и чорныхъ дѣлъ. Въ доказательство истины моихъ словъ имѣется у меня документъ; это — нумеръ одной изъ бельгійскихъ газетъ («La Vérité, Organe Constitutionnel № 87»), гдѣ напечатана преостроумная статья по поводу пятидесяти-лѣтняго юбилея супружества Фетиса, праздновавшаго въ брюссельской консерваторіи, въ октябрѣ 1856 года. Въ этой смѣлой статьѣ юбилей Фетиса называютъ скандаломъ и обращаются къ бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ, г. Дедекеру, съ просьбою «выбросить вонъ изъ консерваторіи, какъ марающій ея стѣны, бюстъ ея недостойнаго директора, поставленный туда его подобострастными учениками и разными другими льстецами и низкопоклонниками». Но довольно о Фетисѣ.

Для устройства конкурса я обошелся и безъ Фетиса, по пословицѣ «свѣтъ не безъ добрыхъ людей.» Я отыскалъ въ Брюсселѣ Дамке, глубокаго музыканта и контрапунктиста, проживавшаго прежде нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и оказалъ мнѣ самое разумное и полезное содѣйствіе. Сейчасъ же познакомилъ онъ меня съ лучшими артистами и профессорами консерваторіи, въ томъ числѣ съ Серве, Леонаромъ, Блазомъ, Бендеромъ, Куффра и многими другими. Всѣ они съ готовностію приняли предложеніе — быть членами суда присяжныхъ въ моемъ конкурсѣ.

Между прочимъ Дамке посовѣтовалъ мнѣ дать концертъ, чтобы ознакомить публику съ моимъ талантомъ исполнителя. На этотъ предметъ директоръ филармоническаго общества въ Брюсселѣ, г. Гейнбургъ, отличный человѣкъ, предложилъ мнѣ сейчасъ же залу. Это была превосходная зала въ акустическомъ отношеніи, вмѣстимостію немного болѣе петербургской университетской залы. Въ воскресенье 23 сентября, въ часъ по полудни, происходилъ этотъ концертъ. Несмотря на неблагопріятное для него время, — въ этотъ день и часъ происходилъ блистательный концертъ въ зоологическомъ саду, гдѣ была вся королевская фамилія и куда, благодаря отличной погодѣ, устремился весь Брюссель, — несмотря на это обстоятельство, въ

концертѣ моемъ собралось до четырехъ сотъ человѣкъ. Тутъ находилось все, что только было въ Брюсселѣ порядочнаго и истинно-любящаго музыку. Я игралъ одинъ, безъ малѣйшаго посторонняго содѣйствія. Гитара раздавалась на всю залу и была такъ громка, что входящіе съ улицы въ сѣни, во время моей игры, не хотѣли вѣрить, что это была гитара, и думали, что какой нибудь піанистъ принимаетъ участіе въ моемъ концертѣ. Но самый большой фуроръ произвели — моя мазурка и потомъ мой же венеціанскій карнавалъ, въ которомъ есть вещи недоступныя никакому другому гитаристу, напр. играется тема на басахъ и въ тоже время слышится быстрѣйшая трель на верхнихъ нотахъ, играемая на двухъ струнахъ и четырьмя пальцами. Когда я окончилъ программу концерта, меня окружила толпа незнакомыхъ мнѣ, но восторженныхъ любителей, — артистовъ, ученыхъ, служащихъ, которые жали мнѣ руки, а многіе обнимали меня. Но я этимъ не отдѣлался: по всеобщей убѣдительной просьбѣ, я повторилъ мою мазурку, а потомъ, по просьбѣ дамъ, я съигралъ еще ненаходившуюся въ программѣ пьесу—бравурную фантазію Мерца, на тему изъ «Elixir d'amore», одну изъ самыхъ блистательныхъ гитарныхъ пьесъ Въ числѣ увлеченныхъ моею игрою былъ одинъ настоящій «fanatico per la musica e per la chitarra»,—это нѣкто Аданъ, товарищъ бельгійскаго министра финансовъ. Онъ объявилъ мнѣ, что страстно любитъ гитару, на которой играетъ съ шестнадцатилѣтняго возраста и для которой переложилъ онъ почти всѣ симфоніи Бетговена (?). Онъ переслушалъ всѣхъ великихъ гитаристовъ: Карулли, Джуліяни, Леньяни, Сора, Агуадо, Штоля, Зани-де-Ферранти и Гуэрту; но, если вѣрить его словамъ, ни одинъ изъ нихъ не подвинулъ такъ далеко исполненіе на гитарѣ, какъ я. На другой день послѣ концерта является ко мнѣ курьеръ министерства финансовъ и подаетъ огромный конвертъ. Тутъ было вложено «Rondo» для гитары, сочиненія Адана, который посвящалъ его мнѣ въ письмѣ, наполненномъ самыми восторженными похвалами моей игрѣ.

Это былъ третій мой дебютъ въ публикѣ, и самый удачный, потому что гитара, на этотъ разъ, была уже не послѣднею спицею въ колесницѣ, которую богатый и гордый баринъ удостоиваетъ иногда, но очень рѣдко, приглашать къ своему обѣденному столу, да еще сажаетъ ее на концѣ стола, гдѣ порою обнесутъ ее и блюдомъ и чарочкою. Нѣтъ! Въ моемъ концертѣ гитара

владычествовала нераздѣльно, не вымаливая себѣ заранѣе содѣйствія разныхъ мѣстныхъ полу-знаменитостей, да благосклонной улыбки фельетониста. Нѣтъ! Она одна наполняла звуками всю огромную залу и увлекла довольно значительную публику, составленную изъ истинныхъ знатоковъ и любителей музыки, и неподготовленныхъ ни одной изъ тѣхъ статей, которыя часто печатаются торгашами и раздавателями похвалъ перваго, втораго и третьяго сорта, и печатаются задолго до появленія на концертной эстрадѣ смышленнаго концерто-промышленника.

Теперь хотите ли знать, какъ велики были издержки при этомъ концертѣ? Афиши съ разсылкою ихъ по домамъ стоили мнѣ шесть франковъ. Это не то, что у насъ въ Петербургѣ. Ну, за то въ брюссельскихъ афишахъ нельзя и усладить себя прочтеніемъ напримѣръ того, какъ Фаустъ гуляетъ и встрѣчается съ хоромъ московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ Григорья Соколова. Куда же имъ до паѳоса нашихъ афишъ!

Далѣе: привратнику филармоническаго общества за то, что онъ разставлялъ скамейки и стулья, далъ я 15 фр. А когда узналъ объ этомъ Гейнбургъ, президентъ общества, то прибѣжалъ ко мнѣ въ попыхахъ, удивленный и пораженный моею щедростію, и сказалъ:

— Да вѣдь платить, какъ вы, значитъ баловать, портить людей! Пяти франковъ было бы вполнѣ достаточно для нашего привратника. Дать же десять франковъ, значитъ *платить по-княжески*. А вы дали ему *пятнадцать франковъ!!!*...

Итого: 6 + 15 = 21 франкъ, что на русскій, т. е. на мѣдный счетъ составитъ 5 р. 25 коп. Да у насъ возьмутъ дороже и за то только, чтобы васъ порядочно поколотить. И за это сдерутъ съ васъ, да еще примолвятъ: «помилуйте! себѣ дороже стоитъ;» или «съ кого же и взять, какъ не съ васъ?» Но прошу покорнѣйше не дѣлать каламбура изъ моей фразы, а понимать ее такъ: дороже возьмутъ не съ того, кто поколотитъ, а съ того, кого поколотятъ.

Вскорѣ послѣ моего концерта образовался и судъ присяжныхъ. Чтобы охотнѣе приступить къ дѣлу, я предварительно собралъ всѣхъ членовъ суда у Дюбоста, брюссельскаго Донона, гдѣ угостилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ, о которомъ позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ, въ назиданіе нашимъ ресторраннымъ знаменитостямъ. Собралось насъ девять человѣкъ.

Обѣдъ былъ такой, какого я не ѣдалъ ни до, ни послѣ того: блюдъ двѣнадцать, самыхъ тонкихъ. И остендскія устрицы, и супъ изъ черепахи, и омары, и стразбургскій пирогъ, и разная рыба, и дичь; потомъ великолѣпный дессертъ, ликеры и кофе. А при томъ выпито: двѣ бутылки шабли съ устрицами, шесть бутылокъ превосходнаго стараго бордо и четыре бутылки шампанскаго «Moet glacé». И все это стоило.... угадайте! навѣрно не угадаете,—стоило 149 франковъ и 90 сантимовъ, что составитъ на наше серебро, т. е. на нашу мѣдь—37 руб. 47 к. А такъ какъ насъ обѣдало девятеро, то и выходитъ по 4 руб. 16$^1/_3$ коп. на человѣка. Одинъ обѣдъ безъ вина стоитъ по шести франковъ съ каждаго.... Можетъ, вы не вѣрите этой дешевизнѣ, такъ у меня сохранилась карта того обѣда, которую могу я показать всѣмъ и каждому. Теперь, для большаго назиданія, я упомяну здѣсь объ обѣдѣ, бывшемъ прошлаго лѣта у одного изъ петербургскихъ знаменитыхъ ресторатор овъ, въ Большой Морской, только не у Дюссо, а у его визави—у Бореля. Вотъ этотъ обѣдъ.

Было насъ четверо. Обѣдъ изъ шести самыхъ не тонкихъ блюдъ, какъ напр. щи *изъ щавеля*, потомъ котлета *со щавелемъ*, да кусокъ засушенаго судака съ кусочкомъ лимона, а на жаркое — тетерька, родная сестра Петрушки изъ «Мертвыхъ душъ», чрезвычайно похожая на своего брата тѣмъ, что у нея былъ «свой собственный запахъ», довольно сильный. При томъ выпито: двѣ рюмки «свѣтланы» или «шведской», не припомню,—четыре рюмки дряннаго хереса, бутылка лафиту—такъ-себѣ и рюмка коньяку. Само собою разумѣется, что былъ тутъ и кофе. И вся эта мизерность стоила 13 р. 25 к., т. е. по 3 руб. 31 к. съ человѣка. За одинъ хересъ (4 рюмки) выставлено въ счетъ 2 р., а за двѣ рюмки водки — 80 коп!!... Исполать вамъ, г. Борель! Но все-таки врядъ ли вамъ удастся выстроить, не только четырехъ-этажный домъ, но и деревянную избу изъ такихъ обѣдовъ съ тетерькою, сестрою гоголевскаго Петрушки; потому что сотни такихъ, какъ я, пообѣдаютъ у васъ разъ, да болѣе никогда къ вамъ и не заглянутъ.

Наконецъ 4 (16) октября происходило у меня въ квартирѣ первое засѣданіе суда присяжныхъ; я открылъ его небольшою рѣчью. Потомъ сейчасъ приступили къ выбору президента, въ которые я былъ избранъ единодушно. Въ это засѣданіе постановлены были условія и правила относительно присылки на конкурсъ и обратной отсылки гитаръ и сочиненій, и потомъ назна-

ченъ былъ день присужденія премій, а именно 1 декабря н. ст.; но впослѣдствіи онъ былъ отсроченъ до 10 декабря. Постановленіе это было сейчасъ же напечатано во многихъ брюссельскихъ журналахъ и потомъ перепечатано въ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Между тѣмъ я со всѣхъ сторонъ началъ получать сочиненія, предназначаемыя для конкурса: изъ Франціи, Германіи, Венгріи, Польши, Голландіи и Испаніи; послѣднія были одни изъ худшихъ. Болѣе тридцати конкуррентовъ прислали мнѣ слишкомъ шестьдесятъ сочиненій. Многіе изъ нихъ прилагали и письма ко мнѣ, въ которыхъ превозносили меня, называя покровителемъ гитары, и, какъ водится въ этихъ случаяхъ, титуловали меня—то барономъ, то графомъ, то княземъ. Нѣкоторыя изъ писемъ были донельзя уморительны, и при нихъ прилагались афиши концертовъ, данныхъ ихъ авторами. Что касается до Мерца, то еще въ бытность мою въ Петербургѣ онъ прислалъ мнѣ для конкурса четыре новыя свои сочиненія. Съ самаго возвращенія моего изъ перваго путешествія я постоянно переписывался съ нимъ. Несмотря на исковерканный французскій языкъ его писемъ и на даваемый мнѣ титулъ *свѣтлости* (Monseigneur), въ нихъ просвѣчивалось много теплаго чувства и самой искренней, почтительной ко мнѣ любви. Но всего болѣе плѣняла меня въ Мерцѣ его необыкновенная скромность. Присылая мнѣ свои очаровательныя задушевныя сочиненія, онъ, казалось, нисколько не сознавалъ ихъ достоинствъ. Какъ мало походили на него въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ его собратій, напримѣръ Щепановскій, который лѣтъ шесть тому назадъ былъ въ Петербургѣ и насмѣшилъ всѣхъ своимъ безсиліемъ и претензіями на концертную игру. Явился-было онъ ко мнѣ въ Брюсселѣ и началъ свое со мною знакомство съ объявленія, что онъ — первый гитаристъ въ Европѣ, что онъ игралъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ и Богъ-знаетъ еще гдѣ, и повсюду производилъ страшный фуроръ, а въ Петербургѣ, между прочимъ, *убилъ своею игрою піаниста Лешетицкаго!?* И говорилъ онъ все это, нимало не краснѣя, а только подергивая свои длинные усы. Потомъ досталъ онъ и показалъ мнѣ нумеръ какого-то иллюстрированнаго журнала, гдѣ упоминалось о немъ, Щепановскомъ....

Между тѣмъ мнѣ хорошо были извѣстны его музыкальные успѣхи въ Петербургѣ, гдѣ во второмъ своемъ концертѣ онъ игралъ передъ пустыми креслами Михайловскаго театра. А когда

я заговорилъ съ нимъ о Зени-де-Ферранти, Шульцѣ и Мерцѣ, то онъ сдѣлалъ самую презрительную гримасу и тутъ же объявилъ, что всѣ они — дрянь. Даже великій Мауро Джуліяни — дрянь!... На свѣтѣ только и есть одинъ великій гитаристъ, это— онъ, Щепановскій, онъ, который изобрѣлъ особую методу игры посредствомъ безпрерывнаго «Ѣагге», безъ котораго на гитарѣ нѣтъ спасенія. И метода эта съ нимъ и умретъ, потому что онъ никому ее не передастъ. Но ни памяти, ни терпѣнія не достанетъ у меня пересказать все, что намолола мнѣ эта ничтожная посредственность, помноженная на самую заносчивую самонадѣянность. Столько наглаго хвастовства и безстыдной лжи возмутили мнѣ душу и возбудили во мнѣ сильнѣйшее негодованіе: мнѣ такъ и хотѣлось повернуть его къ дверямъ и вытолкать вонъ. Но я удовольствовался тѣмъ, что, не приглашая его ни играть на гитарѣ, ни даже садиться, сказалъ ему:

— Г. Щепановскій! Не знаю, какъ и что происходило въ вашихъ концертахъ въ Лондонѣ, Константинополѣ или хоть и въ Томбукту; но объ успѣхахъ вашихъ въ Петербургѣ слѣдуетъ говорить вамъ со мною поскромнѣе, потому что я самъ петербургскій житель и имѣю полное понятіе о лаврахъ, которые вы тамъ пожали. А что касается до Зени-де-Ферранти и до Шульца, то я имѣлъ честь и счастіе самъ ихъ слышать и объявляю и вамъ, и кому угодно, что, какъ исполнители, они стоятъ несравненно выше всѣхъ остальныхъ гитаристовъ, не исключая и меня съ вами, г. Щепановскій, которому считаю долгомъ напомнить, что скромность есть лучшее украшеніе таланта и что хвастовство унижаетъ талантъ, даже самый необыкновенный.

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ громко и рѣшительно, хвастунишка вдругъ притихъ,—да такъ, что и рта уже не раскрывалъ, а только сталъ крутить свои длинные усы, крутилъ, крутилъ ихъ да и отретировался, не хуже Гіулая, свѣжей памяти, отретировавшагося изъ Піэмонта со стыдомъ сокрушенной гордыни,—и потомъ уже ноги ко мнѣ не показывалъ. Да и въ цѣломъ Брюсселѣ никто не говорилъ о немъ ни слова. Не вѣдаю, что потомъ сталось съ нимъ. Вѣроятно, морочитъ гдѣ нибудь и какихъ нибудь невзыскательныхъ меломановъ, готовыхъ приходить въ восторгъ отъ всякой дребедени, сопровождаемой поддѣльною важностію и самодовольною улыбкою, да еще легковѣрныхъ и плохо-знающихъ музыку фельетонистовъ, готовыхъ признать чудомъ каждаго шарлатана, который пуститъ имъ пыль въ глаза

своею мнимо-новою методою игры, состоящею изъ нѣсколькихъ плаксивыхъ нотъ, завывающихъ пассажей и раздирающихъ пальцы аккордовъ. Но возвращусь къ конкурсу.

Въ проѣздъ мой черезъ Берлинъ я получилъ тамъ письмо отъ Мерца: онъ увѣдомлялъ меня о своей тяжелой болѣзни. Въ Ахенѣ я получилъ письмо отъ его жены, извѣщавшей меня, что ея мужу стало еще хуже, и что онъ уже не въ силахъ самъ писать ко мнѣ. Сильно обезпокоило и огорчило меня это извѣстіе: я душевно полюбилъ и уважалъ скромнаго и талантливаго гитарнаго композитора, единственную надежду немногихъ почитателей моего инструмента. Наконецъ въ октябрѣ я получаю изъ Вѣны письмо за черною печатью. Съ замирающимъ сердцемъ я распечатываю это письмо: оно было отъ г–жи Мерцъ, которая въ самыхъ горестныхъ выраженіяхъ сообщила мнѣ вѣсть о кончинѣ мужа. Я горько заплакалъ. И теперь, когда пишу эти строки, слезы текутъ изъ глазъ, грусть сжимаетъ сердце. И гитара, и всѣ гитаристы должны были тогда облечься въ трауръ, потому что утрата Мерца до сихъ поръ незамѣнима. Конкурсъ мой, какъ это будетъ потомъ видно, не открылъ ни одного, даже хоть сколько нибудь подходящаго къ нему по таланту, композитора гитарной музыки. Письмо жены Мерца кончалось слѣдующими словами: «мужъ мой обожалъ васъ; послѣднее слово, которое произнесъ онъ, умирая, было—ваше имя».

Незадолго до конкурса, гитара моя пріобрѣла новый и самый блистательный успѣхъ: это было полнѣйшее торжество и возрожденіе этого загнаннаго инструмента. Дамке познакомилъ меня съ двумя домами, гдѣ страстно любили искусство Моцарта и Бетговена и собирали у себя часто все, что было знаменитаго въ Брюсселѣ по части музыки. Главами этихъ двухъ домовъ были два брата, бароны Даннетанъ, принадлежащіе къ высшей бельгійской аристократіи. Одинъ изъ нихъ былъ секретаремъ короля Леопольда, а другой—генеральнымъ сборщикомъ податей. Сперва одинъ изъ братьевъ сдѣлалъ у себя музыкальный вечеръ, на которомъ играли Серве и я. Сыгралъ я тогда двѣ пьесы Мерца: фантазіи на темы изъ «Montechi» и «Elixir d'Amore» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Потомъ былъ музыкальный вечеръ у другаго брата. Этотъ вечеръ имѣлъ важное значеніе. У Серве, какъ у многихъ великихъ артистовъ, была слабость: онъ любилъ балаболки. У него было тогда ихъ двѣ: бельгійскій орденъ Леопольда, да, кажется, какой-то кобургскій крестикъ.

И вдругъ Серве началъ страдать сильнѣйшею жаждою—ордена Почетнаго Легіона. Бароны Даннетанъ, прекраснѣйшіе люди, очень любили Серве и взялись помочь ему въ его недугѣ. Незадолго передъ тѣмъ король Леопольдъ пожаловалъ орденъ своего патрона французскому піанисту Герцу. Вотъ на этомъ-то пожалованіи и основали они свои надежды и планъ своихъ дѣйствій. Второй Даннетанъ, секретарь короля, пригласилъ на свой вечеръ многихъ министровъ и посланниковъ, а въ томъ числѣ и французскаго, Фердинанда Барро, на котораго и задумали повести такую искусную атаку, что онъ долженъ бы былъ непремѣнно сдаться на капитуляцію. А первымъ условіемъ этой капитуляціи было бы, разумѣется, обѣщаніе испросить для Серве у императора французовъ орденъ Почетнаго Легіона, какъ любезность для короля Леопольда, въ отвѣтъ на его любезность относительно Герца, французскаго подданнаго.

Итакъ, вечеръ этотъ былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ. Дѣятелями его были: Серве, который съигралъ три свои пьесы и превзошелъ себя, потомъ молодая и прекрасная графиня Росси, дочь знаменитой Росси-Зонтагъ, пѣла два раза, и пѣла безподобно; она вполнѣ наслѣдовала талантъ своей славной матери. Потомъ Дамке игралъ на фортепьяно превосходное «Allegro» изъ своей симфоніи, аранжированное имъ на четыре руки. Съ нимъ играла жена его, ученица Гензельта; наконецъ игралъ два раза и вашъ покорнѣйшій слуга. Въ первый разъ, и сейчасъ послѣ первой игры Серве, исполнилъ я фантазію Мерца на извѣстную тему изъ «Пирата». Это превосходная пьеса, и блестящая, и задушевная. Въ ней есть одна страница изъ флажолетовъ, которые на моей гитарѣ удивительно сильны и нѣжны. Шумныя, искреннія рукоплесканія наградили за эту пьесу и меня, и память покойнаго Мерца. Подъ конецъ вечера Серве съигралъ свой блистательный «Souvenir de Varsovie». Я было надѣялся, что этимъ все и кончится, и что *казнь моя* не возобновится; я считалъ, да и теперь считаю для себя казнію—играть въ многочисленномъ и блестящемъ обществѣ. Но—увы!—я надѣялся напрасно. Едва замолкли очаровательные звуки віолончели Серве, ко мнѣ подошла хозяйка дома и сказала мнѣ съ всепобѣждающею улыбкою:

— Чтобы достойнымъ образомъ заключить нашъ вечеръ, всѣ мы просимъ васъ взять еще разъ въ руки вашу чудесную гитару и подарить намъ наслажденіе слушать очаровательные звуки,

которые вы такъ мастерски умѣете извлекать изъ вашего инструмента.

— Какъ, баронесса! Играть на гитарѣ послѣ пѣнія графини Росси и послѣ віолончели г. Серве! Да это будетъ неслыханная дерзость съ моей стороны!

Но съ дамами, да еще съ баронессами, да къ тому же умными и милыми, трудно спорить. Еще не придумано такихъ аргументовъ, которые могли бы убѣдить ихъ, и потому я долженъ былъ, какъ говорятъ французы: «m'exécuter de bonne grâce». Досталъ я свою гитару и пошелъ на эшафотъ, т. е. сѣлъ на стулъ и положилъ гитару на лѣвую ногу. Въ эту критическую для меня минуту подошелъ ко мнѣ Дамке и сказалъ мнѣ вполголоса:

— Что вы намѣрены играть? Съиграйте вашу «симфоническую фантазію.»

— Нѣтъ! отвѣчалъ я — она слишкомъ длинна и слишкомъ серьезна. Хочу съиграть мой «карнавалъ». Это и эффектно, и не такъ утомительно.

— Ну, съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха.

Прижалъ я къ груди свою *возлюбленную*, окинулъ взоромъ многочисленное и блестящее собраніе и мысленно призвалъ къ себѣ на помощь тѣни великихъ гитаристовъ: покойнаго Джуліяни и еще здравствующаго Шульца. И началъ, и окончилъ я мою игру съ акомпаниментомъ сильнаго біенія сердца. Исполнилъ я мой карнавалъ, — этотъ ослѣпительный музыкальный фейерверкъ такъ, какъ я не всегда его исполнялъ. Невозможно описать тотъ неудержимый, потрясающій взрывъ рукоплесканій, который послѣдовалъ за окончательнымъ аккордомъ карнавала. И это было слѣдствіемъ не одной обычной вѣжливости, а всеобщаго, неподдѣльнаго увлеченія и восторга. Дамке, мужъ и жена, подошли ко мнѣ и крѣпко пожимали мнѣ руки. О хозяинѣ и хозяйкѣ дома и говорить нечего: они разсыпались передо мною въ самыхъ лестныхъ похвалахъ и въ живѣйшей благодарности. А минуту спустя потомъ, подошла къ Дамке сестра хозяйки, какая-то графиня, съ дочерью дивной красоты, и сказала ему громко, такъ что я могъ разслушать каждое слово:

— Если бы я не видѣла своими собственными глазами и не слышала своими собственными ушами, я никому не повѣрила бы, что послѣ игры г. Серве и пѣнія графини Росси, гитара въ состояніи была произвести такой эффектъ.

Этотъ вечеръ и еще данный мною въ Брюсселѣ концертъ могли бы достаточно опровергнуть то ложное мнѣніе, что гитара — инструментъ неконцертный. Помилуйте, гг. «строгіе цѣнители и судьи!» Да какихъ же инструментовъ не являлось въ наше время на концертной эстрадѣ? И являлось съ полнымъ успѣхомъ. Слыхали мы концерты даже на однѣхъ губахъ, безъ всякаго содѣйстія деревяннаго или мѣднаго инструмента, на...... на свистѣ. Каждый инструментъ хорошъ для концерта, если у концертиста соединены слѣдующія условія: превосходный инструментъ, превосходное исполненіе, превосходно составленная концертная программа и превосходная концертная зала, которой величина должна соотвѣтствовать силѣ тона инструмента. Но вѣдь мнѣ не убѣдить всѣхъ скептиковъ и старовѣровъ музыкальнаго искусства, особенно такихъ любителей, которые, какъ это не разъ случалось со мною, прослушавъ меня, бывало, скажутъ: «Хорошо, очень хорошо, но...., *какъ жаль, что вы не играете на фортепьяно!*» Любезный читатель,

«Избави Богъ и васъ отъ этакихъ судей»!

Виноватъ! чуть было не позабылъ сказать, что блистательный вечеръ барона Даннетана, столь удачный для меня, былъ,— увы! — далеко не такъ удаченъ для великаго віолончелиста: французскій посланникъ не явился, потому что въ минуту выѣзда его на вечеръ, къ нему пріѣхала изъ Парижа жена его, которая и заставила его остаться дома, и онъ прислалъ къ барону кого-то съ извиненіемъ, что не можетъ быть у него. Такимъ образомъ, «Почетный Легіонъ» ускользнулъ отъ Серве. Не знаю, достигъ ли онъ впослѣдствіи желаемой цѣли и присоединилъ ли къ двумъ прежнимъ еще и третью—французскую балаболку.

Во время пребыванія моего въ Брюсселѣ ко мнѣ являлось много любителей-гитаристовъ и разныхъ другихъ артистовъ. Между тѣмъ, я познакомился съ двумя молодыми испанцами изъ Гибралтара: дономъ Навоне и дономъ Паскуале, скрипачемъ и піанистомъ, пріѣхавшими окончить свое музыкальное образованіе въ брюссельской консерваторіи. Но такое образованіе не встрѣчало сочувствія со стороны директора консерваторіи Фетиса. Изъ класса композиціи почти всегда выходили недовыучки, такъ что потомъ имъ необходимо было доучиваться посредствомъ частныхъ уроковъ. Мало того,—я зналъ въ Брюсселѣ многихъ воспитанниковъ консерваторіи, которые, независимо

отъ ученія въ классахъ, въ тоже время брали у Дамке уроки гармоніи и композиціи, потому что въ консерваторіи теорію музыки преподавалъ сынъ Фетиса, самый плохой изъ всѣхъ плохихъ музыкантовъ-теоретиковъ. Я тоже воспользовался пребываніемъ моимъ въ Брюсселѣ и бралъ уроки гармоніи у Дамке, превосходнѣйшаго наставника по этой части, который имѣлъ необыкновенный даръ излагать ясно и понятно самые трудные вопросы генералъ-баса. Но возвращусь къ испанцамъ!...

Они совѣтовали мнѣ посѣтить ихъ отечество, говоря, что меня пронесутъ на рукахъ съ одного конца Испаніи до другаго. Я было и проэктировалъ на весну такое поэтическое путешествіе;—но увы!—ему не суждено было осуществиться, вслѣдствіе самой прозаической причины....

Посѣщалъ меня еще нѣкто «Iradier, chevalier de l'ordre de Charles trois, professeur du chant au conservatoir de Madrid et ci-dévant maître de chant de l'Impératrice des français». Извините за длинный титулъ: такъ красовался онъ на визитной карточкѣ. Этотъ Ирадье былъ добрый малый, самый веселый, откровенный и безцеремонный испанецъ, который хохоталъ до упаду, страшно размахивалъ руками, когда говорилъ, и потомъ — то игралъ на фортепьяно свои сочиненія, то брянчалъ на гитарѣ и пѣлъ народныя испанскія пѣсни съ пристукиваньемъ, съ прищолкиваньемъ и съ присвистываньемъ. Онъ было началъ готовить сочиненіе для моего конкурса, но вышелъ странный случай: когда на первый разъ, по его просьбѣ, я сталъ играть на гитарѣ, то исполнилъ фантазію Мерца на «Montechi». Когда я кончилъ, Ирадье остолбенѣлъ, ударилъ себя кулакомъ по лбу и вскричалъ съ отчаяніемъ: «вы меня убили!» Тутъ онъ досталъ изъ кармана листъ нотной бумаги и показалъ мнѣ нѣсколько музыкальныхъ фразъ, набросанныхъ карандашемъ, прибавя: «для вашего конкурса я сегодня же началъ готовить фантазію на ту же тему, на которую вы сейчасъ играли такую чудную вещь. Увы! сознаюсь, что я не въ состояніи написать ничего даже подходящаго къ игранной вами пьесѣ и потому долженъ отказаться отъ всякой мысли участвовать въ вашемъ конкурсѣ.»

Дня за четыре до окончанія конкурса явились ко мнѣ изъ Парижа: Костъ, мой старый знакомецъ, который привезъ на конкурсъ четыре пьесы своего сочиненія, и Чибра, кровный испанецъ, родомъ изъ Севильи, но уже болѣе двадцати

лѣтъ оставившій свою родину и проживавшій сперва пятнадцать лѣтъ въ Лондонѣ, а потомъ уже пять лѣтъ проживающій въ Парижѣ, гдѣ написалъ онъ оперу, данную безъ успѣха на сценѣ «Большой Оперы». Этотъ Чибра, еще задолго до своего пріѣзда, прислалъ мнѣ свое сочиненіе для конкурса. Но, какъ композиторъ, онъ былъ не важенъ. Правда, что его сочиненія были очень оригинальны и совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ сочиненія Джуліяни и Мерца. Въ нихъ было много мелодіи и пріятности, особенно при его личномъ исполненіи. Но они были очень однообразны и по формѣ цѣлаго, и по частностямъ. Стиль самый маленькій, бо̀льшею частію танцовальный. Гармонія — тощая, бѣдная; а тональность — убійственно однообразная, рѣдко выходящая изъ двухъ или трехъ діезовъ,—этого палладіума плохихъ гитаристовъ, на которыхъ бемоль, а сохрани Боже два, производитъ почти такое же дѣйствіе, какъ вода на гидрофобовъ. Впрочемъ, для разнообразія моего обширнаго репертуара, а равно и для усвоенія всевозможныхъ стилей и манеръ я разучилъ два изъ сочиненій Чибры, исполненіе которыхъ доставляетъ мнѣ удовольствіе и которыя нравятся почти всѣмъ безъ исключенія, въ особенности дамамъ. Не забуду, какой фуроръ произвелъ я этими пьесами на пароходѣ, во время третьей моей поѣздки за границу въ 1857 году. Теперь нѣсколько словъ о Чибрѣ, какъ объ исполнителѣ.

Игра его — въ высшей степени замѣчательна. По методѣ почти всѣхъ испанцевъ, у него на правой рукѣ были отпущены длинные ногти, которыми онъ игралъ, держа пальцы надъ струнами не отвѣсно, какъ это бываетъ при обыкновенной игрѣ, а облически и не ударяя ногтемъ по струнѣ, а только налагая его на нее и потомъ скользя со струны на грифъ гитары. Этою манерою онъ извлекалъ изъ гитары необыкновенно-нѣжные, полные, пѣвучіе звуки, какихъ я не слыхалъ до тѣхъ поръ ни у кого, не исключая и Зани-де-Феранти, гитариста съ нѣжнѣйшею игрою по преимуществу. «Vibrace» у Чибры было дивно-хорошо: гитара у него рѣшительно вздыхала, стонала и рыдала. Но все это было только при медленныхъ темпахъ: *Largo, Adagio, Andante*. Какъ только доходило дѣло до темповъ живыхъ, до *Allegro* и *Presto*, тогда въ игрѣ Чибры выказывалась оборотная сторона медали; тутъ уже невозможно было скользить внизъ, а приходилось ударять ногтями по струнамъ, отъ чего слышался рѣзкій, ме-

таллическій звукъ, далеко не соотвѣтствующій бархатнымъ звукамъ его *Adagio*. Да и самая бѣглость много теряла отъ этой ногтевой методы. Однимъ словомъ, Чибра могъ доставить величайшее наслажденіе своею игрою въ продолженіе нѣсколькихъ дней; но потомъ, à la longue, игра и особенно сочиненія его прислушивались и уже интересовали все менѣе и менѣе. Музыка, какъ и кухня: нельзя кормить все сладостями; требуются и другія болѣе питательныя яства, а къ нѣкоторымъ не мѣшаетъ иногда прибавлять горчицы или перцу.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, до меня дошли слухи о томъ, что Чибра игралъ гдѣ-то въ Брюсселѣ въ большой залѣ и при многочисленной публикѣ, но что произвелъ очень мало эффекта. Душевно сожалѣю его, тѣмъ болѣе, что все-таки это одинъ изъ талантливѣйшихъ гитаристовъ, хотя и не изъ самыхъ скромныхъ; потому что, посѣщая меня въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, почти ежедневно, онъ чрезвычайно много разглагольствовалъ о своихъ безчисленныхъ тріумфахъ въ Лондонѣ и Парижѣ, въ подтвержденіе которыхъ ничего не могъ представить, кромѣ собственныхъ своихъ словъ и самаго неблестящаго положенія своего кармана, до того тощаго, что мнѣ стало очень жаль его и.... Но объ этомъ не стоитъ и не должно говорить.... Пора досказать исторію моего конкурса и возвратиться въ Петербургъ, чтобы докончить исторію о великолѣпномъ откупщикѣ-меценатѣ.

Много хлопотъ и работы причинилъ мнѣ мой конкурсъ. Одно полученіе инструментовъ изъ таможни и потомъ сочиненій и писемъ, бо̀льшею частію не франкированныхъ, не мало стоило мнѣ и времени и денегъ. Но самое убійственное, это—разбираніе сочиненій, которыхъ было прислано болѣе шестидесяти и которыя, за исключеніемъ пьесъ Мерца, Коста, и еще двухъ или трехъ конкуррентовъ, обличали полнѣйшую бездарность. Посидѣлъ я надъ этими сочиненіями! А отдѣлаться отъ этого было невозможно: по званію моему президента суда присяжныхъ, да къ тому еще въ качествѣ любителя и знатока гитарной музыки, т. е. самаго компетентнаго судьи въ дѣлѣ гитары, мнѣ необходимо было просмотрѣть каждое сочиненіе, чтобы потомъ подать неодностороннее, а вполнѣ справедливое мнѣніе при назначеніи премій. Затѣмъ я отправилъ всю массу этихъ сочиненій къ Дамке, съ просьбою просмотрѣть и переслать ихъ къ слѣдующему члену и такъ далѣе.

Гитаръ было прислано немного: одна изъ Вѣны отъ Шерцера, одна изъ Петербурга отъ Аргузена; одна изъ Парижа отъ преемника Лакота, Эйриха; одна изъ Праги, не помню отъ кого; двѣ изъ Мюнхена, тоже не помню отъ кого, и еще двѣ изъ Вѣны отъ кого-то, но которыя опоздали уже и не были приняты на конкурсъ.

Наконецъ насталъ день присужденія премій. Въ восемь часовъ вечера собрались у меня всѣ члены суда присяжныхъ, и я открылъ засѣданіе. Не помню, кто изъ членовъ предложилъ предварительный вопросъ: какъ вотировать присужденіе премій — съ преніями или безъ преній. Я подалъ мнѣніе за вотированіе съ преніями, что̀ и было принято единодушно. Изъ шестидесяти четырехъ сочиненій допущено было въ конкурсъ только сорокъ, остальныя были отстранены, какъ не подходящія подъ условія программы, или какъ слишкомъ ничтожныя. Затѣмъ изъ остальныхъ сорока были признаны достойными премій только четыре сочиненія Мерца, четыре — Коста, два — Комарнаго и одно Кюнеля, итого одиннадцать сочиненій. Разумѣется, всѣхъ достойнѣе были сочиненія Мерца, несравненно превосходившія сочиненія остальныхъ трехъ конкуррентовъ. Я еще прежде изъявилъ мнѣніе, что смерть Мерца не должна препятствовать къ принятію на конкурсъ его сочиненій, а равно и къ присужденію за нихъ преміи, которая въ такомъ случаѣ должна быть отослана вдовѣ Мерца. Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ члены. Но — увы! — въ самый послѣдній день конкурса противъ меня составился заговоръ (cabale),—и вотъ почему и какъ.

Когда я давалъ обѣдъ членамъ суда, то, подъ конецъ стола, рѣчь коснулась Фетиса. Грѣшный человѣкъ! Я никогда не метилъ въ Таллейраны и даже во снѣ не кривилъ душой, не морочилъ языкомъ; поэтому при имени Фетиса я выпустилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій. Ни Серве, ни Блазъ, которые были профессорами въ консерваторіи, не изъявили тогда ни малѣйшаго неудовольствія. О Дамке и говорить нечего: никогда и нигдѣ не скрывалъ онъ своего благороднаго негодованія на недостойнаго директора, который обложилъ акцизомъ и мѣста профессоровъ, и самую раздачу премій на конкурсахъ въ консерваторіи. Итакъ, филиппика моя не оскорбила никого, кромѣ одного господина, имени котораго я не хочу упоминать здѣсь, но который любилъ и служить, и прислуживаться. Вотъ этотъ прислуживающійся господинъ и вздумалъ обидѣться за всесильнаго Фе-

тиса; а обидѣвшись, вознамѣрился при первомъ удобномъ случаѣ чѣмъ нибудь мнѣ отплатить, т. е. «напакостить». Такой случай представился ему не ранѣе, какъ въ послѣдній день моего конкурса. Онъ зналъ, что я питалъ глубокое уваженіе къ памяти Мерца. Вотъ и задумалъ онъ досадить, т. е. напакостить мнѣ тѣмъ, чтобы первая премія за сочиненія досталась не Мерцу, а кому нибудь другому, и для этого подтасовалъ было себѣ партію. Вотъ какъ и чѣмъ разрѣшилась эта интрига:

По отобраніи одиннадцати сочиненій, признанныхъ достойными награды, я предложилъ первую премію за «Concertino» Мерца, а вторую за «Serenade» Коста. Тогда господинъ мститель и прислужникъ Фетиса повелъ такую рѣчь:

— Безспорно, сочиненія Мерца далеко превосходятъ всѣ остальныя и по вдохновенію, и по блеску; но ... въ нихъ есть неправильности (incorrections).

— Какія? спросилъ я.

— А вотъ взгляните въ это концертино: тутъ есть неправильное разрѣшеніе септимы.

— Укажите, — гдѣ?

— А вотъ въ этомъ аккордѣ: sol diès, вмѣсто la bemol.

— Помилуйте! Этотъ sol diès поставленъ съ намѣреніемъ: вѣдь Мерцъ писалъ не для педантовъ, а для гитаристовъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть страшно боится бемолей, тогда какъ діезы имъ нипочемъ. И къ тому же, — отъ этого преступнаго діеза разрѣшеніе нисколько не страдаетъ; разрѣшающій аккордъ остается тотъ же самый. Чего же вамъ болѣе? Уши не страдаютъ; а неужели въ музыкѣ глаза важнѣе слуха? Къ тому же, господа, подумайте о томъ, что судить о достоинствѣ произнесеннаго нами приговора будутъ не контрапунктисты, а гитаристы, которые, сличивъ два увѣнчанныя нами сочиненія, пожмутъ плечами, да еще, пожалуй, произнесутъ какое нибудь нехорошее слово, такъ что насъ не оправдаетъ въ ихъ глазахъ не только одинъ неумѣстный діезъ, но если бы ихъ находилось и десять въ превосходномъ сочиненіи Мерца.

Педантъ и прислужникъ замолчалъ. Но минуту спустя, понатужился и ввернулъ слѣдующую закавычку.

— Г. Макаровъ? Если бы случилось, что Мерцу досталась не первая, а вторая премія, вы не будете протестовать противъ нашего рѣшенія?

— Мнѣ будетъ и грустно, и больно такое рѣшеніе, ибо по всей справедливости Мерцъ достоинъ первой преміи. Но во всякомъ случаѣ, я покорюсь рѣшенію большинства.

Затѣмъ приступили къ вотированію. Секретарь суда, Шоттъ, приготовилъ семь билетиковъ и роздалъ ихъ членамъ, въ томъ числѣ и мнѣ одинъ. Всѣ написали на нихъ по два имени — для первой и второй преміи, потомъ свернули въ трубочки эти билеты и поочередно бросили ихъ въ урну. Шоттъ взялъ потомъ эту урну и высыпалъ передо мною билеты. Сердце сильно билось во мнѣ, когда я развертывалъ написанныя имена, вносилъ ихъ на листъ бумаги и наконецъ провозгласилъ:

«На первую премію — Мерцъ четыре голоса, Костъ три; первая премія присуждена Мерцу.»

Ухъ! какой тяжелый камень свалился съ моего сердца! Я вздохнулъ свободно. Потомъ Шоттъ еще провозгласилъ:

«На вторую премію — Костъ четыре голоса, Кюнель — два, Камарный—одинъ голосъ; Костъ получилъ вторую премію».

Итакъ вопросъ о сочиненіяхъ былъ рѣшенъ, и рѣшенъ самымъ справедливымъ образомъ, благодаря моимъ доводамъ, которые подѣйствовали на большинство, вопреки интригѣ прислужника Фетиса. Я сейчасъ же послалъ записку къ Косту, прося его къ себѣ съ гитарою, по приглашенію всѣхъ членовъ, желающихъ прослушать два изъ его сочиненій, чтобы рѣшить окончательно, которое изъ нихъ увѣнчать наградою. Костъ сейчасъ явился ко мнѣ въ кабинетъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ и принялся меня обнимать и цаловать, говоря, что считаетъ величайшею честію и счастіемъ то, что онъ получилъ вторую премію вслѣдъ за Мерцемъ, передъ которымъ склоняется, какъ передъ величайшимъ современнымъ композиторомъ для гитары. Я ввелъ его въ гостиную и представилъ членамъ суда. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій съ успѣхомъ, Костъ съигралъ двѣ пьесы, изъ которыхъ достойною второй преміи была признана его «Серенада.»

Наконецъ я предложилъ рѣшить вопросъ объ инструментахъ и для этого попросилъ членовъ въ мой кабинетъ, гдѣ резонансъ былъ много лучше, нежели въ гостиной. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ сейчасъ же и безъ малѣйшихъ преній. Я взялъ по нѣскольку аккордовъ поочередно на каждой изъ гитаръ. Двѣ изъ нихъ далеко оставили за собою всѣ остальныя; это были гитары работы Шерцера и Аргузена. Первая была необыкно-

венно хороша и превзошла силою и пѣвучестію тона всѣ гитары, какія только видѣлъ и слышалъ я до тѣхъ поръ. Вторая уступала первой въ силѣ и полнотѣ тона, но имѣла чрезвычайно серебристый и нѣжный тэмбръ звука. Но вся честь иниціативы безспорно принадлежала Шерцеру, потому что онъ одинъ придумалъ всѣ улучшенія инструмента, тогда какъ Аргузенъ только подражалъ, ибо имѣлъ въ своихъ рукахъ мою прежнюю гитару передъ отъѣздомъ моимъ за границу. Въ заключеніе я сыгралъ по пьесѣ на каждой изъ увѣнчанныхъ гитаръ, которыя и оставилъ я за собою, заплативши за нихъ Шерцеру и Аргузену, сверхъ полученныхъ ими премій, ту цѣну, которую назначили они за свои инструменты. А когда мои сочлены прощались со мною, я поднесъ каждому изъ нихъ по два фунта превосходнаго чаю, выписаннаго мною изъ Петербурга. Этотъ ничтожный подарокъ сдѣлалъ большое удовольствіе моимъ сотрудникамъ, которые очень любили русскій чай, и мы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ. Впрочемъ не знаю, вполнѣ ли былъ доволенъ мною строгій судія несчастнаго соль-діеза. На другой же день я отправилъ въ Вѣну два поздравительныя письма со вложеніемъ по 800 франковъ въ каждое: одно вдовѣ Мерца, другое Шерцеру. А вскорѣ получилъ отъ нихъ и отвѣты, въ которыхъ они выражали самую глубокую ко мнѣ признательность.

Такъ кончился мой конкурсъ, который не вполнѣ достигъ своей цѣли: онъ не открылъ ни одного новаго композитора съ огромнымъ талантомъ, который бы могъ съ честію занять мѣсто покойнаго Мерца. Но для возрожденія гитары я сдѣлалъ все, что было въ силахъ одного человѣка, котораго никто не поддерживалъ, не поощрялъ. Дай Богъ, чтобы кто нибудь другой былъ счастливѣе меня. Но едва ли возможно быть настойчивѣе, терпѣливѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ я. Едва ли кто съумѣетъ и сможетъ въ продолженіе восьмнадцати лѣтъ бороться и съ равнодушіемъ своихъ соотчичей, и съ недоброжелательствомъ своихъ собратій по инструменту, бороться и съ тысячами другихъ препятствій и не пасть духомъ, а смѣло идти и придти къ предположенной цѣли.

ГЛАВА XVII.

РАЗРУШЕНІЕ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЛАНОВЪ И ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ. — ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ НАШЕГО ГЕРОЯ.

«Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и—спала пелена!»
ГРИБОѢДОВЪ.

«Ce qui est différé, n'est pas perdu».
(Французская пословица.)

Вскорѣ послѣ конкурса я написалъ на французскомъ языкѣ статью, въ которой, оплакивая смерть Мерца, отдавалъ должную дань хвалы его композиторскому таланту. Въ той же статьѣ говорилъ я и о Шерцерѣ, называя его Эраромъ гитары и исчисляя его великія заслуги по усовершенствованію этого инструмента, который такъ долго коснѣлъ въ китайской неподвижности Я послалъ эту статью къ Косту въ Парижъ, гдѣ и была она напечатана въ «Revue et Gazette musicale». Въ январѣ располагалъ я ѣхать въ Парижъ, дать тамъ два или три концерта въ пользу бѣдныхъ и получить патентъ на европейскую извѣстность, въ успѣхѣ чего все заставляло меня надѣяться. Но — увы! — судьба снова подбросила мнѣ камень подъ ноги и разрушила всѣ мои планы.

Въ концѣ декабря получилъ я изъ Петербурга письмо отъ одного моего хорошаго пріятеля и стараго товарища. Онъ сообщалъ мнѣ страшное извѣстіе: управляющій моимъ заводомъ, тоже старый товарищъ, который въ бытность мою въ Петербургѣ велъ себя хорошо, то есть хитро скрывалъ отъ меня свои скверныя стороны, оказался въ мое отсутствіе величайшимъ негодяемъ. Дѣло по заводу и по торговлѣ шло, какъ нельзя болѣе дурно: управляющій мой ничѣмъ не занимался, бросилъ все на руки прикащиковъ, пьянствовалъ и въ то же время обкрадывалъ меня немилосердно. «Не медля ни минуты, возвращайся въ Петербургъ, иначе ты будешь разоренъ въ конецъ, писалъ мнѣ мой добрый пріятель, прибавя въ концѣ письма слѣдующія слова: «Нѣкто раздѣлилъ занятія людей на двѣ категоріи: однѣ, которыя даютъ славу безъ денегъ; другія, которыя даютъ деньги

(*) Что отсрочено, то не потеряно.

безъ славы. Ты имѣешь дѣтей, и потому долженъ выбирать послѣднюю категорію»,

Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе и разбило въ прахъ мои мечты о славѣ. Мигомъ собрался я въ путь и 12 января 1857 года былъ уже въ Петербургѣ. Въ ужаснѣйшемъ положеніи нашелъ я мои дѣла: въ кассѣ ни копѣйки, и на заводѣ самое ничтожное количество дровъ для обжога извести. Огромныя денежныя потери сдѣлалъ мнѣ мой негодный управляющій. Разумѣется, я его прогналъ и самъ занялся дѣломъ; взять съ него было нечего. Чтобы спасти дѣло отъ окончательнаго разстройства, необходимо было сейчасъ же закупить дровъ и потомъ перевезти плиту съ мѣста добыванія на мѣсто нагрузки—на суда. Для этого потребовалось до пяти тысячъ рублей. Но гдѣ ихъ взять? Правда, имѣніе мое не было заложено и стоило вчетверо противъ этой суммы; но процедура закладыванія очень длинна. Скрѣпя сердце, обратился я къ Штукареву, съ которымъ все еще поддерживалъ сношенія. Къ тому же—это была чисто коммерческая сдѣлка: я занималъ извѣстную сумму за извѣстные проценты, обезпечивая этотъ долгъ имѣніемъ и заводомъ, которые вмѣстѣ представляли цѣнность вдесятеро превосходящую занимаемую мною сумму. Но Василій Андроновичъ страшно наморщился при первомъ словѣ о займѣ,—и не отъ недовѣрчивости; нѣтъ,—онъ хорошо зналъ, что за мною ни въ какомъ случаѣ не могутъ пропасть чьи бы то ни было деньги,—ему было сильно не по душѣ сдѣлать для меня что либо полезное. Но на этотъ разъ онъ не рѣшился отказать мнѣ, потому ли, что не нашелъ приличной отговорки, или потому, что боялся довести меня до отчаянія. За то онъ долго торговался со мною, предлагая мнѣ сперва только половину того, что̀ я просилъ, и потомъ, увеличивая сумму, выдалъ то, что мнѣ было необходимо. Но впослѣдствіи онъ не замедлилъ обратить въ обиду это одолженіе, попрекнувъ имъ меня въ своемъ письмѣ, гдѣ присоединилъ еще и самую злую насмѣшку, сказавъ, что «не велика бѣда, если я и потеряю двѣ трети изъ моего состоянія, и что *съ остальною третью я все еще буду самымъ зажиточнымъ помѣщикомъ въ Солигаличѣ*».

Итакъ, дѣятельно занялся я моими дѣлами и началъ исправлять зло, сдѣланное негоднымъ управляющимъ. Настала весна. Работы на заводѣ устроились, и мнѣ необходимъ былъ помощникъ, потому что одному мнѣ невозможно было управляться съ дѣлами по заводу и въ Петербургѣ. И вотъ подслужилась мнѣ

одна изъ знакомыхъ мнѣ особъ, впрочемъ очень умная и почтенная. Она отрекомендовала мнѣ въ должность управляющаго одного господина, за котораго ручалась, какъ за себя, говоря: «я не буду краснѣть за него». Принялъ я этого господина. Но было бы долго, да и не къ чему разсказывать здѣсь всю пасквильную исторію новаго моего управляющаго. Почтенной особѣ, которая рекомендовала мнѣ его, пришлось впослѣдствіи очень и очень краснѣть за своего «protégé», потому что послѣ пятнадцати мѣсяцевъ своей у меня службы, онъ оказался самымъ злокачественнымъ воромъ, гораздо худшимъ и опаснѣйшимъ, чѣмъ его предмѣстникъ. Прогналъ я и этого мазурика.... Извините за тривіяльное выраженіе. Лучшаго и, особенно, вѣрнѣйшаго я не придумалъ.

Въ концѣ 1857 года мнѣ необходимо было съѣздить на родину, въ Костромскую губернію, и взглянуть на имѣніе, доставшееся послѣ дяди. Въ проѣздъ черезъ Москву я поѣхалъ повидаться съ Ма—товымъ, который не переставалъ быть со мною любезнымъ. Когда я въѣхалъ къ нему на дворъ, онъ садился въ сани, чтобы ѣхать куда-то. Мы поздоровались, и Ма—товъ сказалъ мнѣ:

— Садитесь со мною и поѣдемте.

— Куда, спросилъ я?

— Къ Василью Андроновичу.

— Зачѣмъ дѣлать ему непріятность моимъ визитомъ?

— Полноте! Василій Андроновичъ будетъ очень радъ видѣть васъ. Къ тому же вы посмотрите, какъ чудесно онъ отдѣлалъ свой домъ.

— Развѣ только для этого, сказалъ я, садясь въ сани съ Ма—товымъ.

— Ну, теперь смотрите же и угадывайте издали, зная вкусъ Василья Андроновича, который его домъ? говоритъ мнѣ Ма—товъ, показывая рукою въ переулокъ, въ которомъ красовалось зданіе какой-то странной, *ублюдочной* архитектуры, — смѣсь византійскаго съ нижегородскимъ.

Мы подъѣхали къ этому смѣшенію архитектурныхъ стилей, т. е. къ претензіи на оригинальность, и вошли въ сѣни и далѣе въ обширный кабинетъ Василья Андроновича. И вправду, онъ принялъ меня очень радушно и съ *наипривѣтливѣйшею* улыбкою. «Быть бѣдѣ,» подумалъ я! Но вопреки свѣту разума и опыта,

мнѣ суждено было слѣпнуть всякой разъ отъ этой слишкомъ привѣтливой улыбки, и потомъ пребывать въ этой роковой слѣпотѣ до самыхъ крайнихъ предѣловъ недобросовѣстной мистификаціи, которую разъигрывали со мною столько разъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Меня пригласили обѣдать, посадили возлѣ себя, подчивали всякими диковинками и заморскими винами и ликерами. Потомъ интересовались моимъ заводомъ. Вотъ я со-слѣпа и предложилъ написать обозрѣніе всего моего промышленнаго производства, чтобы дать вѣрную и ясную идею объ этомъ дѣлѣ. Потомъ распростился я съ Штукаревымъ и съ Ма—товымъ и поѣхалъ на родину. Пробывши тамъ недѣли три, я возвратился въ Москву, гдѣ снова посѣтилъ моего Амфитріона въ его византійско-нижегородскомъ чертогѣ, и вручилъ ему обѣщанное обозрѣніе,—плодъ опыта, дорого мною купленнаго. Большія деньги заплатилъ бы я за такую брошюрку, если бы кто предложилъ мнѣ ее сейчасъ послѣ покупки завода: она спасла бы меня отъ огромныхъ потерь. Поэтому-то опытъ и считается самою дорогою наукою. Василій Андроновичъ взялъ написанную мною брошюру, и все съ своею привѣтливою улыбкою. Эта брошюра составляла, такъ сказать, коммерческую семейную тайну, и я былъ увѣренъ, что Штукаревъ оставитъ у себя и никому не передастъ ее. Но вотъ увидимъ, какъ уважались господиномъ Штукаревымъ коммерческія тайны.

Къ новому году я возвратился въ Петербургъ. Мѣсяцъ спустя послѣ того я былъ въ итальянской оперѣ. Во время антракта я встрѣтился въ фойе съ одною личностію, съ которою я.... былъ бы радъ никогда и нигдѣ не встрѣчаться. Но — увы! — законъ солидарности — законъ деспотическій. Съ этою личностію я служилъ когда-то вмѣстѣ въ дѣлахъ Штукарева. Этою же самою личностію, подъ заглавными литерами С. В., Штукаревъ кололъ мнѣ глаза въ своемъ обвинительномъ письмѣ по пунктамъ. Эту же личность онъ, Штукаревъ, изъ ничтожества, изъ грязи вывелъ въ люди, т. е. въ обладатели мильоновъ, огромныхъ барскихъ палатъ и дачъ. Эта же личность наконецъ оставила по себѣ, въ извѣстной кастѣ петербургскаго народонаселенія, такія почетныя воспоминанія, что порядочнымъ людямъ, которые были съ нею знакомы, стыдно теперь признаться въ этомъ. Но это уже дѣло не мое, а тѣхъ, которымъ, вмѣстѣ съ Крыловымъ, пришлось сказать, по поводу вышереченной личности:

«И кумушка тѣмъ службу довершила,
Что выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила».

Итакъ, встрѣтился я съ этою личностію въ фойе итальянской оперы. Волею - неволею я долженъ былъ раскланятся съ нею. Личность подошла ко мнѣ, протянула мнѣ руку и съ улыбкою ультра-привѣтливою сказала:

— А вѣдь у васъ очень хорошее дѣло!

— Какое дѣло? спросилъ я.

— А ваше известковое и плитное заведеніе!

— Да, хорошее, если при этомъ имѣется опытность, которая, на бѣду, покупается очень дорого.

— Я съ великимъ удовольствіемъ прочиталъ вашу брошюрку.

— Какую брошюрку? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— А ту, которую написали вы о своемъ плитномъ производствѣ и оставили у Василья Андроновича. Онъ переслалъ ее ко мнѣ.

Словно обухомъ по лбу хватили меня эти слова! Такъ вотъ что значитъ этотъ радушный пріемъ въ домѣ византійско-нижегородскаго стиля! Такъ вотъ истолкованіе этого обѣда и подчиванья заморскими винами и ликерами! Я поспѣшилъ окончить мой разговоръ съ личностію, столько же пріятною, какъ и касторовое масло, и вошелъ въ мою ложу, гдѣ очаровательное пѣніе Бозіо прогнало мою тошноту.

Недѣлю спустя послѣ описанной мною встрѣчи и разговора въ оперѣ, явился ко мнѣ отъ достославнаго мужа С. В. его повѣренный, съ предложеніемъ продать ему, С. В., всѣ строительные матеріалы, какіе будутъ заготовлены въ моемъ заведеніи. Я послалъ къ достославному мужу моего прикащика, чтобы условиться въ цѣнѣ покупаемыхъ у меня матеріаловъ; но С. В. предложилъ такую цѣну, что вмѣсто барыша я долженъ былъ бы понести значительный убытокъ. Разумѣется, продажа не состоялась. Но мѣсяцъ спустя узналъ я, что повѣренный С. В. началъ скупать всѣ строительные матеріалы, т. е. разную плиту у многочисленныхъ промышленниковъ, по близости моего заведенія. При этомъ было сказано, что С. В. рѣшился употребить хоть мильонъ рублей для того, чтобы убить всѣхъ прочихъ производителей строительныхъ матеріаловъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и меня. И потомъ онъ сдѣлался бы уже единственнымъ про-

изводителемъ въ томъ околоткѣ, т. е. настоящимъ монополистомъ.

Каково же было мнѣ слышать все это и ожидать, что въ болѣе или менѣе близкомъ времени придется мнѣ, быть можетъ, разориться въ конецъ, да еще,—не ровенъ часъ,—сдѣлаться несостоятельнымъ должникомъ, потому что, по милости двухъ воровъ управляющихъ, я долженъ былъ сдѣлать значительный долгъ, чтобы не остановить моего производства. Разореніе я перенесъ бы съ твердостію и терпѣніемъ; но несостоятельность— никогда. Поэтому одна мысль о банкротствѣ леденила мнѣ кровь и вѣяла на меня холодомъ могилы... Но безъ конкурренціи С. В. и уже при настоящей моей опытности и знаніи дѣла, заведеніе мое обѣщало вознаградить мои труды и впослѣдствіи возвратить мнѣ бо́льшую часть моихъ убытковъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ удалось наконецъ найти хорошихъ, дѣльныхъ и добросовѣстныхъ помощниковъ. Итакъ, со страхомъ слѣдилъ я за дѣйствіями агента С. В., который скупилъ массу плиты и даже нанялъ въ Петербургѣ плитный дворъ, тотъ самый, который держалъ я передъ тѣмъ и который думалъ вновь нанять.

Достославному мужу С. В. не удалось однакожь узрѣть конца своего похода для завоеванія новой монополіи. И безъ того онъ по горло былъ сытъ своими откупными мильонами. Но жадность пріобрѣтенія не имѣетъ сытости, это — вѣчный голодъ, ничѣмъ неутолимая жажда. Эта жадность, этотъ вѣчный голодъ, въ соединеніи съ завистію и злобою сердца, до того грызли, что наконецъ и загрызли его, С. В.,—это созданіе разборчиваго ума Василья Андроновича, это любимое чадо его нѣжнаго сердца, чадо, которое онъ лелѣялъ когда-то, и взлелѣялъ наконецъ на удивленіе и въ назиданіе всему питейному міру. Итакъ, достославный С. В. отправился *туда*, куда нельзя взять съ собою ни одного мильона, ни одной тысячи, ни даже одного рубля: все это конфискуется на роковой таможнѣ, т. е. на послѣдней житейской станціи, на которой возжигаютъ не фиміамъ лести, а ладонъ кадилъ. Послѣ этого событія, я вздохнулъ свободнѣе, но ненадолго. Сѣмена, брошенныя на воспріимчивую почву промышленной конкурренціи, не засохли, а принялись съ новою силою. Въ настоящее время составляется большая компанія съ тою же цѣлію, какую имѣлъ достославной памяти С. В., и поэтому топоръ конкуренціи снова повисъ надъ моею головою. Что изъ этого выйдетъ, не знаю; это — тайна будущаго: но я долженъ

готовиться ко всему: и къ разоренію, и къ нищетѣ, и къ ......
Но отвернусь пока отъ зловѣщей картины этого таинственнаго будущаго и стану ожидать, что̀ пошлетъ мнѣ судьба, чѣмъ и какъ кончится мое тяжелое, мрачное, холодное и разбитое существованіе,—эта живая могила всего, что̀ составляло радость, гордость, свѣтъ и тепло моей жизни.

Слава Богу! Наконецъ я досказалъ грустную мою повѣсть. Теперь сдѣлаю краткій обзоръ тому, что̀ изложено въ этой исповѣди, т. е. *подведу итогъ* всѣмъ поступкамъ со мною Василья Андроновича Штукарева.

Г. Штукаревъ вызвалъ меня изъ моего сельскаго уединенія, гдѣ я былъ вполнѣ счастливъ, ибо всегда умѣлъ довольствоваться малымъ, никогда не дѣлалъ долговъ и ставилъ свободу и независимость моихъ дѣйствій и мнѣній выше всего на свѣтѣ. Какимъ же образомъ онъ, г. Штукаревъ, сдержалъ тѣ блестящія, соблазнительныя обѣщанія, которыя надавалъ мнѣ, уговаривая меня вступить въ свои дѣла? А вотъ какъ:

1) Вы, г. Штукаревъ, начали съ того, что нарушили свое обѣщаніе насчетъ Ставрополя, отдавши его Ма—тову, а не мнѣ, какъ это было вами торжественно обѣщано, вслѣдствіе подписанія мною прошенія, которое сами вы и написали и привезли ко мнѣ.

2) Продавши Бо....... за ничтожную цѣну, вопреки моимъ просьбамъ и настояніямъ, вы дали мнѣ потомъ въ замѣнъ 50 гласныхъ, 25 негласныхъ паевъ въ Гжа.....

3) Послѣ всѣхъ письменныхъ увѣреній въ дружбѣ и уваженіи къ моей высокой честности, вдругъ лишили меня и дружбы, и уваженія за то только, что я «сооружаю свое счастіе—не на господствѣ разума надъ всѣми чувствами, а на восторженной любви къ невѣстѣ», и своимъ возмутительно циническимъ письмомъ бросили раздоръ въ честномъ семействѣ и отравили все мое счастіе—жениха, а потомъ и мужа и жены.

4) Вы потомъ оспаривали неотъемлемыя права мои на участіе въ Гжа...., съ помощію разныхъ софизмовъ и подъяческихъ крючковъ и натяжекъ.

5) Вы ни во что поставили мое самоотверженіе, когда я, бросивъ въ Москвѣ больную мою жену, поѣхалъ въ Вя.... спасать ваши дѣла, несмотря на явную опасность по случаю сильнѣйшей холеры; и потомъ, безъ всякой причины, кроваво оскорбили меня своимъ грубымъ письмомъ отъ 17 ноября, въ кото-

ромъ бросали тѣнь сомнѣнія на мое честное имя, по щекотливому вопросу о денежныхъ суммахъ.

6) Не дождавшись отъ меня отвѣта и оправданія, вы снова предались неправому, малодушному гнѣву по поводу какой-то формулы откупныхъ вѣдомостей, придуманной не мною, и прислали тетрадь собственноручныхъ ругательствъ въ главную вя...скую контору.

7) Вмѣсто того, чтобы стараться загладить свою неправоту и нанесенныя мнѣ оскорбленія, вы изволили выбросить меня изъ вашихъ дѣлъ, подъ самымъ лживымъ предлогомъ.

8) Вы сами одобрили взятіе мною кра — скаго откупа у моего компаньона. Потомъ, завладѣвъ чужою тайною черезъ распечатаніе чужаго письма и высказавъ «полное сочувствіе къ моимъ горямъ», сдѣлали впослѣдствіи изъ всего этого капитальное противъ меня обвиненіе.

9) Пріѣзжали ко мнѣ въ Москвѣ и увѣрили въ своемъ содѣйствіи на торгахъ, т. е. усыпили меня лживыми обѣщаніями для того, чтобы потомъ ничего не сдѣлать для меня и отпереться отъ своихъ обѣщаній, подъ самыми подъяческими отговорками.

10) Дали мнѣ пай съ своимъ двоюроднымъ братцемъ для того только, чтобы отдѣлаться отъ платежа обѣщанныхъ мнѣ лишнихъ четырехъ процентовъ. А когда потомъ вашъ двоюродный братецъ обокралъ кар..скій откупъ, вы обѣщали заплатить за него; но вмѣсто того сдѣлали такой разсчетъ, по которому выведенъ убытокъ.

11) Не захотѣвъ оставить у себя мой небольшой капиталъ, хотя это ровно ничего не значило для васъ, вы обнадежили меня письменно въ помѣщеніи этого капитала у Ма—това, зная что онъ выбываетъ изъ дѣлъ и, слѣдовательно, не возьметъ моего капитала.

12) Снова обнадежили меня въ помѣщеніи моего капитала у бывшихъ вашихъ компаньоновъ, и потомъ не подумали сдержать это обѣщаніе.

13) Употребили во зло мою довѣренность по поводу такого важнаго документа, какъ брошюра о моемъ промышленномъ заведеніи, и такимъ вопіющимъ злоупотребленіемъ приготовили мнѣ страшную конкурренцію и, быть можетъ, крайнее разореніе, да, пожалуй, что нибудь и еще гораздо худшее....

14) А какъ достойный вѣнецъ всѣхъ этихъ маккіавельскихъ продѣлокъ, надъ ними возвышается черный крестъ,

подъ которымъ лежитъ прахъ обожаемой жены. И угасъ этотъ ангелъ-хранитель моего семейства, сошелъ онъ въ раннюю могилу, которую приготовили вы своими безчеловѣчными со мною поступками. Одному Богу извѣстно, что я вытерпѣлъ, выстрадалъ въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ! А за что̀ все это неслыханное, неутомимое ожесточеніе?... За мою безкорыстную и безусловную преданность; за то, что я не гнулъ своей спины, не кланялся въ поясъ; за то, что не угождалъ, не служилъ на заднихъ лапкахъ; за то, что не называлъ бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, а говорилъ всегда правду, дѣйствовалъ прямо и открыто и никогда и ничего себѣ не выпрашивалъ, не выторговывалъ,а напротивъ, всегда и за все благодарилъ. Вотъ мои преступленія!... Виноватъ! это еще не самое важное. Главная вина моя въ томъ, что вы, г. Штукаревъ, извинились передо мною въ декабрѣ 1848 года, т. е. я виноватъ тѣмъ, что вы нанесли мнѣ кровавую и ничѣмъ незаслуженную обиду, и не одну, а двѣ: письмомъ вашимъ ко мнѣ и тетрадью ругательствъ въ главную вя...скую контору. Вы только доказали этимъ вѣчную истину, что способность сознаваться въ своей несправедливости дается однимъ истинно-возвышеннымъ умамъ, истинно-благороднымъ сердцамъ, а не снарядамъ для пріисканія отговорокъ и точекъ зрѣнія, не гидрометрамъ для опредѣленія недогара или перегара чужихъ способностей. Нѣтъ! такая великодушная, гуманная способность сознанія своей вины не дана суррогатамъ ума и сердца у скороспѣлыхъ важностей, т. е. у всѣхъ выскочекъ и прошлецовъ.

Укажите же теперь, г. Штукаревъ, хоть на одинъ, не только безчестный, недобросовѣстный, но сомнительный поступокъ съ моей стороны! Разстроилъ ли я, гдѣ нибудь ваши дѣла? Сдѣлалъ я вамъ хоть малѣйшій убытокъ? Напротивъ: вездѣ, гдѣ я ни управлялъ дѣломъ, вездѣ оно шло хорошо, вездѣ были порядокъ и перевыручки. За малѣйшій интересъ г. Штукарева я стоялъ горой, не щадя ни здоровья своего, ни спокойствія, жертвуя своими привычками и любимыми занятіями. И какая же была мнѣ награда? Многіе другіе вышли изъ вашихъ дѣлъ съ сотнями тысячъ, съ милліонами;—а я? Едва вынесъ тощій, черствый кусокъ хлѣба, котораго вы почти лишили меня впослѣдствіи своими обѣщаніями и разными безсовѣстными продѣлками. И теперь, когда двѣнадцатилѣтняя борьба съ ожесточеннымъ гоненіемъ сокрушила во мнѣ всю энергію, всю силу души и тѣ-

ла; когда здоровье мое потрясено, передо мною — перспектива раззоренія и нищеты съ двумя малолѣтними дѣтьми.

Вотъ мои обвиненія противъ г. Штукарева, обвиненія основанныя на документахъ и неопровержимыхъ данныхъ!

Да падетъ же на вашу голову все это зданіе неправдъ и безчеловѣчія, которыхъ не искупить вамъ вашею искусственною, поддѣльною филантропіею, истекающею не изъ сердца, а изъ головы. Да осудятъ же васъ Богъ и общественное мнѣніе, къ которому я теперь обращаюсь. Знаю, что для защиты вашей отъ всевозможныхъ обвиненій вы имѣете адвоката, очень краснорѣчиваго, увлекательнаго, обаятельнаго,—это ваши пять мильоновъ, о которыхъ вы объявили во всеуслышаніе. Но надѣюсь, что между шестидесятью семью мильонами моихъ согражданъ, найдется довольно благородныхъ, безпристрастныхъ и независимыхъ сердецъ, на которые подѣйствуетъ обаяніе чужихъ мильоновъ, и которые не побоятся произнести неподкупное и справедливое мнѣніе; не побоятся осудить кичливость ложныхъ доблестей, неправду, лицемѣріе, высокомѣріе и жестокосердіе, какъ бы искусно ихъ ни маскировали, какъ бы глубоко ни прятали подъ кучею банковыхъ билетовъ, акцій, домовъ, дачъ и картинныхъ галлерей.

Я досказалъ.

Извините меня, г. Штукаревъ, за нѣкоторыя сильныя, рѣзкія выраженія въ моей исповѣди и особенно въ итогѣ вашихъ поступковъ со мною! Но все-таки въ этихъ выраженіяхъ нѣтъ и тѣни той грубости и дерзости, какая заключается въ написанномъ вами письмѣ ко мнѣ по пунктамъ. Къ тому же тотъ, кто потерялъ черезъ васъ все счастіе и самое спокойствіе своей жизни, кто рискуетъ потерять еще и все свое состояніе, а, быть можетъ, и свою честь и жизнь, кого вы оскорбляли столько разъ и чье сердце терзали вы такъ долго, такъ цинически, такъ безчеловѣчно, —тому трудно выбирать и взвѣшивать свои выраженія, эти болѣзненные вопли души, въ которой обитаетъ постоянное отчаяніе!...

Постскриптумъ.

На случай, если бы г. Штукаревъ нашелъ нужнымъ потребовать отъ меня какія бы то ни было объясненія, я готовъ дать ему ихъ во всякое время. Онъ хорошо знаетъ, что я никогда

и ни отъ какихъ объясненій не отказываюсь — и помѣщаю здѣсь мой адресъ:

Литейной части, въ Итальянской, въ домѣ № 6, въ квартирѣ № 10.

ГЛАВА XVIII.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОЕДИНОКЪ; — ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДАВНО-ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ.

«Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя.»
(Пушкинъ.)

Теперь, сведя счеты мои съ г. Штукаревымъ, я намѣренъ разсказать еще одинъ эпизодъ изъ моего давно-прошедшаго. Это необходимо во-первыхъ для того, чтобы сдѣлать мою исповѣдь полною и высказать, какъ и что̀ былъ я въ разные фазисы моей жизни; а во-вторыхъ, чтобы показать, чѣмъ я жертвовалъ для пользы дѣлъ г. Штукарева, отрекаясь отъ своихъ правилъ, привычекъ, понятій и чувствъ, и передѣлавъ свою въ высшей степени щекотливую натуру. Стоитъ только припомнить разсказанный здѣсь случай мой съ щи — скимъ господиномъ и сличить его съ эпизодомъ, который хочу я разсказать. Какую силу воли нужно было для того, чтобы такъ пересоздать себя.

Это было въ началѣ 1833 года. Я стоялъ съ полкомъ въ Ораніенбаумѣ. Къ нашему полку были тогда прикомандированы изъ арміи два брата Се—новы, поручикъ и прапорщикъ. Я же служилъ тогда подпоручикомъ. Офицеры нашего полка были чрезвычайно дружны между собою и составляли какъ бы одну семью. Съ братьями Се—новыми я былъ знакомъ, но не коротко, а, какъ выражаются между военными, былъ съ ними на *вы*. Это были честные, умные, добрые ребята и хорошіе товарищи, любимые полкомъ. Какъ я уже сказалъ прежде, въ музыкальной части этого разсказа, я еще не бросалъ тогда скрипки и продолжалъ—если не учиться, то играть на ней. Особенно хорошо игралъ я польскія мазурки, которыхъ множество вывезъ я изъ Варшавы. Старшій изъ Се—новыхъ тоже игралъ на этомъ инструментѣ. Вотъ однажды я былъ у него, гдѣ собралась большая компанія офицеровъ. Кто-то изъ нихъ сказалъ мнѣ, взявши

лежащую на столѣ скрипку и подавая ее мнѣ: «Макаровъ! съиграй намъ одну изъ тѣхъ варшавскихъ мазурокъ, которыя играешь такъ хорошо». Я взялъ скрипку; но у нея оказалась такая маленькая ручка, что, привыкнувъ къ моей большой скрипкѣ, мнѣ очень трудно было играть на скрипкѣ Се—нова, и потому, положа ее на столъ, я сказалъ: «не могу играть на этой скрипкѣ: размѣръ малъ». Дѣло тѣмъ и кончилось.

Спустя послѣ того нѣсколько дней, я снова былъ у Се—нова, и опять кто-то изъ товарищей просилъ меня съиграть мазурку. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣчать что либо, старшій Се—новъ сказалъ скороговоркою: «Макаровъ не можетъ играть на моей скрипкѣ: *размѣръ малъ*.» Повтореніе слово въ слово моей фразы кольнуло меня, я вспыхнулъ, взглянулъ на Се—нова, но на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ.

Въ самое крещенье былъ балъ въ одномъ домѣ, съ которымъ знакомъ былъ весь нашъ полкъ. Разумѣется, я присутствовалъ на этомъ балѣ въ числѣ нашихъ офицеровъ. Но многіе изъ нихъ уѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ полковымъ командиромъ, чтобы находиться на выходѣ во дворцѣ. На балѣ однако собралось довольно гостей—и офицеровъ, и мѣстной публики. Но вышелъ непріятный случай, который грозилъ разрушить все удовольствіе, самую сущность бала: не было музыки. Полковая уѣхала въ Петербургъ на крещенскій церковный парадъ. Мѣстнаго бальнаго квартета нигдѣ не отъискали: онъ тоже отправился куда-то на вечеръ. Хозяинъ дома послалъ нарочнаго въ Кронштадтъ, чтобы привезти оттуда какую бы то ни было флотскую музыку. Итакъ, все бальное общество, особливо молодыя дѣвицы и кавалеры, были въ большомъ горѣ и, поглядывая на часы, со страхомъ и надеждою ожидали вѣстей изъ Кроншдтата.

Между тѣмъ составился кружокъ изъ нашихъ офицеровъ. Надо сказать, что на семейныхъ полковыхъ вечерахъ я игралъ иногда на скрипкѣ, съ акомпаниментомъ фортепьяно, разные танцы, чтобы доставить удовольствіе танцовать. Вотъ кто-то изъ товарищей обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— А что, Макаровъ! Не послать ли за скрипкой Се — нова? (онъ жилъ въ двухъ шагахъ отъ хозяина бала).—Ты съигралъ бы намъ хоть мазурку, а мы потанцовали бы, въ ожидачіи музыки изъ Кронштадта.

— Макаровъ не можетъ играть на моей скрипкѣ: *размѣръ малъ*, сказалъ опять скороговоркою Се — новъ, отвѣчая вмѣсто меня.

На этотъ разъ я вдрогнулъ, точно отъ электрическаго удара. Кровь бросилась мнѣ въ голову и я сказалъ тоже скороговоркою:

— Если я не могу играть на скрипкѣ господина Се — нова, то могу играть хорошо *на другомъ инструментѣ, какого бы размѣра онъ ни былъ.*

Разговоръ этотъ не продолжался, потому что въ ту самую минуту вошелъ въ залу хозяинъ дома, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ: онъ велъ за собою музыку, только-что прибывшую изъ Кронштадта. Кавалеры бросились къ дамамъ, и черезъ десять минутъ раздались звуки оркестра и все закружилось въ вихрѣ вальса. Но мнѣ было не до танцевъ. Моя подпоручичья двадцати-трехъ-лѣтняя логика продиктовала мнѣ слѣдующій силлогизмъ: буквальное повтореніе Се — новымъ два раза моей фразы носило на себѣ явные признаки насмѣшки; а насмѣшка со стороны того, съ кѣмъ я не былъ *на ты*, превращалась въ обиду; а всякая обида требовала немедленнаго удовлетворенія, а именно: или формальнаго извиненія, и то только въ такомъ случаѣ, когда обида была не тяжелая; или употребленія въ дѣло совершенно другаго инструмента, чѣмъ скрипка,—*инструмента, какого бы размѣра онъ ни былъ*, то есть пистолетовъ. А такого инструмента у меня тогда не находилось, и потому на всякій случай надо было позаботиться достать его. Однако же, чтобы скрыть мои намѣренія и не подать повода къ разнымъ толкамъ, я протанцовалъ кадрили двѣ и затѣмъ ускользнулъ съ бала. Когда я вышелъ на улицу, былъ сильный морозъ: онъ освѣжилъ мою горячую голову, въ которой вертѣлся и обдумывался планъ дѣйствій для слѣдующаго дня. Квартира моя находилась далеко отъ дома, гдѣ былъ балъ. Я служилъ въ ротѣ Его Высочества и поэтому имѣлъ квартиру во дворцѣ Великаго Князя Михаила Павловича, и жилъ вмѣстѣ съ поручикомъ той же роты Кры — новскимъ. Это былъ мой лучшій другъ, рыцарь самой высокой чести и честности, съ умомъ острымъ, положительнымъ, но чрезвычайно костическимъ, съ характеромъ твердымъ, благороднымъ и правдивымъ.

Миръ праху твоему, добрый другъ! Слишкомъ рано похитила тебя неумолимая смерть у всѣхъ тѣхъ, которые вполнѣ цѣнили, уважали и любили тебя!

Итакъ, выйдя съ бала, и прежде чѣмъ возвратиться домой, я зашелъ къ одному изъ товарищей, у котораго была пара отличныхъ пистолетовъ. Но—увы!—онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а пистолеты были заперты. Зашелъ я еще къ другому товарищу: такой же безуспѣшный результатъ. Досадно! Но дѣлать нечего; съ пустыми руками возвратился я въ мою дворцовую квартиру и, отъ нечего дѣлать, принялся за гитару, на которой я начиналъ тогда разбирать третій концертъ Джуліани. Ночь спалъ я покойно. На другое утро, часовъ въ восемь, вошелъ я въ комнату моего друга, который только-что всталъ съ постели и, сидя въ халатѣ, курилъ трубку.

— Зачѣмъ это исчезъ ты вчера такъ рано съ бала? спросилъ меня Кры—новскій. — Многіе замѣтили твое отсутствіе. Особенно безпокоился Се—новъ и спрашивалъ у всѣхъ; «ужь не разсердился ли на меня Макаровъ? Но за что?»

— Ага! сказалъ я: — «знаетъ кошка, чье сало съѣла». Вотъ видишь ли, Поль! Для всѣхъ другихъ я исчезъ съ бала потому, что у меня голова разболѣлась; а для тебя вотъ почему.

Тутъ я разсказалъ моему другу всѣ предшествовавшія обстоятельства, и потомъ заключилъ мое изложеніе вышеприведеннымъ подпоручичьимъ силлогизмомъ и еще — приглашеніемъ Кры — новскаго быть моимъ секундантомъ. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ выслушалъ онъ меня; закрутилъ свои черные, какъ смоль, усы, потянулъ изъ своего огромнаго янтарнаго муштука и, выпустивъ клубы дыма, сказалъ мнѣ:

— Съ величайшею готовностію принимаю твое предложеніе, но только прежде слѣдуетъ хорошо разсмотрѣть, есть ли достаточная причина для того, чтобы стрѣляться. Вѣдь дуэлью не должно шутить: за нее строго взыскиваютъ не съ однихъ тѣхъ, которые стрѣляются, а и съ тѣхъ, которые бываютъ секундантами.

— Да я и не думаю сейчасъ же стрѣляться съ Се—новымъ, а хочу прежде узнать, съ какою цѣлію онъ повторилъ два раза мою фразу. Если онъ извинится передо мною и скажетъ, что не думалъ насмѣхаться, то съ меня этого будетъ довольно. Но если Се—новъ откажетъ мнѣ и въ извиненіи, и въ объясненіи, тогда пусть назначитъ мѣсто и время, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ

лучше, потому что я не люблю откладывать въ долгій ящикъ дѣла чести.

— Хорошо. Но все-таки ты долженъ отложить до завтра всѣ твои объясненія съ Се—новымъ, если хочешь, чтобы я былъ у тебя секундантомъ, и вотъ почему: я сегодня дежурный по полку и, стало быть, вдвойнѣ буду отвѣчать за поединокъ, который по моей служебной обязанности я долженъ предупредить. Итакъ подожди, когда окончится мое дежурство, то есть до завтра, и я къ твоимъ услугамъ.

— Нѣтъ, другъ,—ни часу-не хочу ждать; надо сейчасъ же окончить чѣмъ нибудь этотъ вопросъ. И потому не сердись на меня, если я обращусь къ кому другому съ просьбою быть моимъ секундантомъ.

— Ни сердиться на тебя, ни препятствовать тебѣ я не имѣю права, и потому ты воленъ дѣлать то, что находишь лучшимъ.

Послѣ этого разговора я сейчасъ же одѣлся и отправился къ подпоручику Ду—сову, школьному моему товарищу. Я объяснилъ ему причину моего ранняго визита и онъ охотно принялъ мое порученіе и отправился къ Се—нову за объясненіемъ, а я возвратился во дворецъ, гдѣ и ожидалъ исхода переговоровъ, происходившихъ между Ду—совымъ и Се—новымъ. Я сидѣлъ въ комнатѣ моего друга, который уже одѣлся въ форму, готовясь идти на дежурство. Черезъ полчаса послѣ моего возвращенія, мы увидѣли сани, ѣхавшія черезъ дворцовую площадь: въ саняхъ сидѣли Ду—совъ, мой секундантъ и двое братьевъ Се—новыхъ.

— Вотъ видишь ли, сказалъ Кры—новскій:—Се—новъ сейчасъ пріѣхалъ объясниться съ тобою, и я увѣренъ, что все окончится между вами миролюбиво.

— Увидимъ, отвѣчалъ я.

Въ туже минуту вошелъ въ комнату старшій Се—новъ, сопровождаемый своимъ братомъ и Ду—совымъ. Не снимая съ себя фуражки, которая была надѣта на бекрень, Се—новъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами, сказанными далеко не хладнокровнымъ голосомъ.

— Г. Макаровъ! Вы вызываете меня стрѣляться! Я принимаю вашъ вызовъ и — къ вашимъ услугамъ. Вотъ мой секундантъ, прибавилъ онъ, показывая мнѣ на брата.

— Чувствительнѣйше васъ благодарю, г. Се—новъ, за готовность вашу исполнить мою просьбу. Ѣдемте, господа, сказалъ я, взявшись за фуражку.

Въ это время Кры—новскій и Ду—совъ заговорили почти въ одно время, обращаясь къ намъ:

— Господа! Прежде чѣмъ ѣхать прямо отсюда стрѣляться, надо объясниться, есть ли изъ-за чего рисковать своею жизнію и карьерою своихъ секундантовъ.

— Г. Макаровъ! сказалъ мнѣ съ живостію мой противникъ. Надѣюсь, что вы предполагаете во мнѣ столько честности, что мы можемъ обойтись безъ секундантовъ.

— Счастливѣйшая идея, г. Се—новъ! Съ радостію принимаю ее, потому что тогда совѣсть моя будетъ совершенно покойна: за насъ никто не будетъ отвѣчать. Господа! вы свободны, сказалъ я, обращаясь къ нашимъ секундантамъ: — мы ѣдемъ стрѣляться одни.

По законамъ поединковъ, секунданты наши ни за что не должны были дозволить намъ увольнять ихъ отъ принятыхъ ими на себя обязанностей быть посредниками между нами, а тѣмъ болѣе допускать насъ ѣхать стрѣляться безъ свидѣтелей. Но молодые и неопытные офицеры, они совершенно растерялись и не нашли, что̀ возражать мнѣ. Оставя ихъ въ комнатѣ вмѣстѣ съ Кры—новскимъ, мы набросили на себя шинели, вышли на дворъ, сѣли въ сани и велѣли извощику ѣхать—не въ городъ, а въ противуположную сторону, къ верхнему саду, чтобы замаскировать свое направленіе.

— Куда же мы поѣдемъ? спросилъ я Се—нова.

— На дачу къ Жа—ровскому. Тамъ живутъ мои знакомые: у нихъ есть пара пистолетовъ, которыми не откажутъ они ссудить меня.

— Но въ такомъ случаѣ, вы сдѣлаете гласною нашу исторію, а до-поры она не должна выходить изъ полка.

— Какъ же быть? сказалъ Се—новъ. Вѣдь теперь рѣшительно не у кого достать пистолетовъ, потому что ни М., ни Т., у которыхъ есть пистолеты, не возвратились еще изъ Петербурга. Не хотите ли стрѣлятся на ружьяхъ! У меня ихъ есть нѣсколько: вѣдь вы знаете, что я страстно люблю охоту.

— Согласенъ на ружья, — только бы не откладывать наше доброе дѣло.

Доѣхавъ до верхняго сада, мы велѣли повернуть вправо, спустились внизъ и, повернувъ еще разъ вправо, поѣхали въ городъ на квартиру къ Се—нову, которая была близь выѣзда въ Петербургъ. Войдя въ комнату, Се—новъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло пять или шесть охотничьихъ ружей, выбралъ два изъ нихъ и подалъ одно мнѣ, а другое оставилъ у себя въ рукахъ. Потомъ досталъ патроны съ пулями и положилъ ихъ въ свой карманъ. Во время этихъ приготовленій я спросилъ у моего противника:

— Какъ мы будемъ стрѣляться? Во сколькихъ шагахъ?

— Чѣмъ ближе, тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ.

— А кто первый будетъ стрѣлять?

— Вы.

— Нѣтъ, — вы.

— Вы обижены.

— А вы вызваны, и по правиламъ поединка имѣете первый выстрѣлъ.

— Нѣтъ, не согласенъ на это. Лучше будемте стрѣляться вмѣстѣ.

— Хорошо, сказалъ я, чтобы прекратить этотъ споръ.—На мѣстѣ рѣшимъ лучше этотъ вопросъ, а теперь ѣдемте.

— Ѣдемъ.

И мы поѣхали за заставу по Петербургской дорогѣ. Отъѣхавъ съ версту, мы остановились противъ дорожки, которая вела вправо на гору, поросшую небольшимъ хвойнымъ лѣсомъ. Выйдя изъ саней, мы приказали извощику дожидаться насъ на этомъ мѣстѣ, а сами, взявши ружья подъ мышку, начали взбираться вверхъ по дорожкѣ, которая не была уѣзжена, такъ что мы по колѣно тонули въ снѣгу. Морозъ былъ сильнѣйшій. Солнце блистало ярко и обливало насъ зловѣщимъ свѣтомъ. Идя въ гору, мы подняли стадо куропатокъ. Се—новъ, по охотничьей привычкѣ, хотѣлъ было прицѣлиться да вспомнилъ, что ружье не было еще заряжено и опустилъ его, сказавши: «жаль!» «А вотъ сейчасъ будемъ мы охотиться за славными куропатками», подумалъ я и началъ напѣвать вполголоса:

«Quelle honneur,
Quell bonheur!
Ah, monsieur le sénateur,
Je suis votre humble serviteur».

Вотъ и взошли мы на гору и повернули влѣво, гдѣ и выбрали небольшую поляну между деревьями, покрытыми снѣгомъ.

Встали мы другъ противъ друга по колѣно въ снѣгу, въ разстояніи трехъ шаговъ не болѣе, такъ что, вытянувши мою руку съ ружьемъ, я могъ дотронуться имъ до груди моего противника. Се—новъ подалъ мнѣ патронъ съ пулею, и мы принялись заряжать наши ружья. Я возобновилъ споръ о первомъ выстрѣлѣ.

— Ну, рѣшайте, какъ же мы будемъ стрѣляться? началъ я.

— Стрѣляйте вы первые.

— Нѣтъ, вы должны стрѣлять первые. Или, пожалуй, будемте стрѣлять вмѣстѣ.

— Какъ же это?

— А такъ: сперва прицѣлимтесь, а потомъ командуйте хоть вы: разъ, два, три, и по этому третьему разу выстрѣлимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ я не согласенъ на это. А лучше начинайте вы.

— Нѣтъ, вы начинайте; вызванный всегда имѣетъ первый выстрѣлъ,—мнѣ это хорошо извѣстно.

Въ продолженіе всего этого спора я сохранялъ величайшее хладнокровіе, тѣмъ болѣе, что въ то время я нисколько не дорожилъ своею жизнію. Я принялъ себѣ тогда за правило думать о смерти каждый день по нѣскольку разъ. А на стѣнахъ моей комнаты были приклеены разныя надписи, какъ напримѣръ: *Memento mori. Sic transit gloria mundi Vanitas Vanitatum*,—и много подобныхъ тому. Такимъ образомъ я дошелъ наконецъ до необыкновеннаго равнодушія къ жизни, къ которой ничто меня не привязывало.

Итакъ, мы съ Се—новымъ стояли другъ противъ друга съ заряженными ружьями въ рукахъ.

— Стрѣляйте же наконецъ! сказалъ съ живостію мой визави, который начиналъ уже горячиться, тогда какъ я продолжалъ сохранять невозмутимое спокойствіе и уже совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ неизвѣданныя страны и думалъ про себя: «наконецъ-то разрѣшится предо мною задача будущей жизни: есть ли тамъ что, и что̀ именно тамъ есть»?

— Стрѣляйте, или я буду говорить вамъ дерзости, вскричалъ съ нетерпѣніемъ Се—новъ, возвышая свой голосъ до «forte».

— Вамъ слѣдуетъ стрѣлять, сказалъ я «mezzo voce».

— Стрѣляйте, или вы — трусъ, закричалъ Се—новъ, дойдя до «fortissimo»!

При этомъ послѣднемъ словѣ меня обдало, какъ варомъ. Судорожно схватилъ я ружье, уперъ прикладъ въ правое плечо

и сталъ прицѣливаться. Грозную минуту пережилъ я тогда! Я готовъ былъ умереть самъ, но нисколько не желалъ другаго кого отправить на тотъ свѣтъ. Къ тому же мнѣ представилась тогда перспектива и военнаго суда надо мною, и осужденія меня въ каторжную работу, потому что меня судили бы не какъ дуэлиста, а какъ простаго убійцу, который убилъ товарища въ лѣсу, изъ ружья, безъ свидѣтелей! Промаха быть не могло, если бы я былъ и близорукій, такъ близко стоялъ передо мною Се—новъ. Навелъ я ружье въ лѣвую его ногу, потомъ отвелъ дуло нѣсколько въ сторону.

— Зачѣмъ вы цѣлите мимо? Въ меня стрѣляйте! проговорилъ Се—новъ, стоявшій молодцомъ, точно какъ бы готовился танцовать соло во второй фигурѣ кадрили.

Навелъ я ружье въ правое плечо моего противника, но спуская курокъ, я незамѣтно опять отвелъ дуло въ сторону. Раздался выстрѣлъ. Пуля просвитала мимо ушей Се—нова, который, опершись на ружье, стоялъ какъ вкопаный, не пошевельнулся, даже не мигнулъ въ этотъ торжественный моментъ.

— Отчего вы не попали въ меня? вскричалъ онъ вслѣдъ за выстрѣломъ и бросился ко мнѣ. А въ то же самое время раздался вдали голосъ: «Постойте, господа, ради Бога, постойте! Что это вы дѣлаете»? И послышались отдаленные шаги и говоръ голосовъ приближавшихся къ намъ по глубокому снѣгу.

— Вы съ ума сошли! сказалъ я Се—нову. Вы несправедливо принудили меня къ первому выстрѣлу, а теперь претендуете еще за то, что я не попалъ въ васъ. Вѣдь я не куропатку цѣлилъ! рука дрогнула, вотъ и все тутъ. Теперь ваша очередь, сказалъ я, начиная уже и самъ выходить изъ моего спокойнаго состоянія. Въ это время шумъ шаговъ и говоръ голосовъ приближались къ намъ и становились все явственнѣе.

— Зачѣмъ вы не попали въ меня? повторилъ Се—новъ.

— Полноте, теперь не время шутить! сказалъ я ему, одушевляясь все болѣе и болѣе. Не будемте дѣлать изъ нашего поединка кукольную комедію и сюжетъ для большихъ сплетней. Время не терпитъ медленности; еще минута, и намъ помѣшаютъ. Съ этимъ словомъ я схватилъ у Се—нова ружье, уперъ дуло въ мою грудь, а прикладъ повернулъ къ нему и сказалъ умоляющимъ голосомъ;

— Спускайте курокъ, теперь ваша очередь! Ради Бога, спускайте курокъ.

Но въ эту драматическую минуту подбѣжали къ намъ наши секунданты, гнавшіеся за нами по слѣдамъ и предшествуемые капитаномъ Фо—маномъ, дежурнымъ по полку, котораго Кры—новскій не успѣлъ еще смѣнить. Капитанъ Фо—манъ выхватилъ у меня ружье, о дуло котораго опирался я грудью, выстрѣлилъ изъ него на воздухъ, и обращаясь по очередно ко мнѣ и къ Се—нову сказалъ: «вы арестованы! Пойдемте».

— Владиміръ Александровичъ! сказалъ я тогда Се—нову.— Вы сами виноваты, что дѣло между нами не кончилось ничѣмъ. Но очередь за вами: во всякое время дня и ночи вы можете явиться ко мнѣ за недоимкою, я съ величайшею готовностію подставлю грудь мою подъ дуло вашего ружья или пистолета,— какъ вамъ будетъ угодно; это для меня все равно.

Потянулись мы вереницею по узкой тропинкѣ, сошли съ горы, размѣстились въ двоихъ саняхъ и пріѣхали на квартиру Се—нова.

— За что̀ вы стрѣлялись съ Макаровымъ? спросилъ Се—нова капитанъ Фо—манъ, честнѣйшій и добрѣйшій шведъ.

— Оттого, что Макаровъ вызвалъ меня.

— А за что̀ вы вызвали Се—нова? спросилъ у меня Фо—манъ.

— Я не вызывалъ Се—нова, а хотѣлъ только узнать прежде, съ какой цѣлью онъ два раза повторилъ мою фразу.

— Вѣдь вы не имѣли намѣренія обидѣть Макарова? спросилъ Фо—манъ Се—нова.

— Ни малѣйшаго, клянусь въ томъ честію!

— Отчего же прежде вы не сказали мнѣ этого и даже вовсе не хотѣли объясняться со мною, а почти сами предложили мнѣ стрѣляться?

— Оттого, что меня самого обидѣло ваше предположеніе, что будто я хотѣлъ сдѣлать вамъ непріятность.

— Стало быть, вы теперь не имѣете болѣе никакого неудовольствія другъ противъ друга? спросилъ у обоихъ насъ Фо—манъ.

— Ни малѣйшаго, отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

— Протяните же другъ другу руки, и да будетъ все предано забвенію.

Мы обнялись, поцаловались и съ того же дня стали на *ты*, сдѣлались самыми закадышными друзьями, которыми остаемся и до сихъ поръ, хотя и далеко живемъ другъ отъ друга. И сколько мыслей возбуждаетъ во мнѣ результатъ этого эпизода!

Какія невольныя сближенія, какіе контрасты представляются уму и воображенію, при воспоминаніи этого давно прошедшаго! Параллель такъ и просится подъ перо мое.

Двадцать-шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, болѣе четверти столѣтія. И въ какую раму оправлены эти двадцать-шесть лѣтъ, какіе пограничные столбы стоятъ на рубежѣ этого длиннаго періода времени!

Съ одной стороны — истинная, прочная и уже много разъ испытанная дружба, которая перешла черезъ этотъ двадцати-шестилѣтній путь безъ малѣйшаго измѣненія. И возникла эта дружба безъ всякихъ предварительныхъ восторговъ, изліяній, письменныхъ или изустныхъ; возникла изъ десятиминутнаго объясненія, которому предшествовало положеніе единственное, безпримѣрное въ военныхъ и всякихъ другихъ лѣтописяхъ, а именно: три шага разстоянія между противниками, отсутствіе свидѣтелей и два ружья, заряженныя пулями, назначенными для взаимнаго обмѣна,—для отправки ихъ въ грудь своего противника. Но изъ такого исключительнаго положенія родился важный элементъ — истинная, полная оцѣнка другъ друга и глубокое, взаимное уваженіе, т. е. наипрочнѣйшій базисъ для всякихъ чувствъ.

На другомъ же рубежѣ двадцати-шестилѣтія возвышается ожесточенное, ничѣмъ неутолимое двѣнадцатилѣтнее гоненіе, плодъ двухлѣтней псевдо-дружбы, возникшей изъ восторженнаго, искренняго удивленія, или, вѣрнѣе, ослѣпленія съ одной стороны и холоднаго разсчета, правилъ и воззрѣній на чувства съ другой стороны.

Какая параллель! Какой контрастъ! Какой богатый сюжетъ для философа и моралиста.

Правда и то, что мой вѣрный, неизмѣнный въ продолженіе двадцати-шести лѣтъ другъ — самый обыкновенный изъ смертныхъ, безъ малѣйшихъ претензій на что либо особенное. Это просто человѣкъ умный и въ высшей степени честный, истинно добрый, благородный, гуманный, превосходный семьянинъ и истинный христіанинъ. Однимъ словомъ, онъ обладаетъ только одпѣми гражданскими и семейными добродѣтелями, но не имѣетъ *могущественнаго генія всесторонних дѣятелей*, соединяющихъ въ себѣ самыя блистательныя качества ума и сердца, самыя разнообразныя способности, для образца которыхъ надо брать славныя имена изъ древней, средней и новѣйшей исторіи, какъ

напримѣръ: Іуды Искаріотскаго, Домиціана, Игнатія Лойолы, Макіавелля, Торквемадо, Пинетти, Фукье-Тенвилля, Талейрана, Боско, Меттерниха, Беранже изъ Дромы

И наконецъ французскаго Лафита,
Переведеннаго на русскій *недогаръ*.

С.-Петербургъ.
1859 года 9 августа.

